

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИД РОССИИ

А. Н. Панов

РЕВОЛЮЦИЯ СЁВА
•
МОДЕРНИЗАЦИЯ ЯПОНИИ
В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(1945–1952 гг.)

Москва
ВШЭ
ЗАПАД
2010

УДК 95(520).033.55"1945/1952"
ББК 63.3(5Япо)62-06+63.3(5Япо)63-06
П16

Панов А. Н.

П16 Революция Сёва. Модернизация Японии в послевоенный период (1945–1952 гг.) / А. Н. Панов. — М.: Восток – Запад, 2010. — 288 с. + [10] ил.

ISBN 978-5-478-01314-1

Данное исследование, основанное на изучении обширного документального материала, посвящено анализу японских послевоенных реформ, обеспечивших модернизацию государственного и социального устройства, определивших вектор развития страны на многие десятилетия и создавших современную Японию.

Автор, известный японист, дает комплексную картину исторического фона, на котором происходили судьбоносные для японского общества преобразования, а также раскрывает факторы, повлиявшие на формирование политики реформ и обеспечившие их в целом успешную реализацию.

Книга помогает лучше понять особенности послевоенного развития Японии, своеобразие современного состояния японского общества, а также специфику модернизации одного из ведущих государств мира.

Автор — Александр Николаевич Панов, доктор политических наук, профессор, четырнадцать лет проработал на различных дипломатических постах в посольствах СССР и России в Японии, в том числе семь лет — послом России.

УДК 95(520).033.55"1945/1952"
ББК 63.3(5Япо)62-06+63.3(5Япо)63-06

СОДЕРЖАНИЕ

Реставрация Мэйдзи и революция Сёва	5
Глава I. Капитуляция Японии.....	9
Глава II. Разработка и осуществление оккупационной политики	32
Глава III. Реакция в Японии на оккупацию и начало реформ по демилитаризации и демократизации	56
Глава IV. Демобилизация японской армии, наказание военных преступников и лиц, ответственных за агрессивные действия Японии.....	77
Глава V. Реформы в политической и социальной сферах	99
Новая конституция	99
Реформы органов местного самоуправления и полиции.....	115
Новое трудовое законодательство и развитие профсоюзного движения	127
Ликвидация государственного синтоизма и реформа системы образования	137
Глава VI. Реформы в экономике	147
Демилитаризация японской промышленности.....	147
Ликвидация концернов-дзайбацу и антимонополистические мероприятия.....	155
Земельная реформа.....	176

Глава VII. Внутриполитическая обстановка в Японии в первый период оккупации (1945–1947 гг.)	197
Глава VIII. «Переходный период» в политическом развитии Японии и начало экономического восстановления (1947–1949 гг.)	210
Глава IX. Политика «обратного курса» США и внутриполитическая обстановка в Японии накануне заключения мирного договора (1950–1951 гг.)	233
Итоги.....	256
Примечания	266

РЕСТАВРАЦИЯ МЭЙДЗИ И РЕВОЛЮЦИЯ СЁВА

За последние полтора столетия своей истории Япония дважды проходила через периоды коренной перестройки государственной системы, экономической структуры и социального устройства.

Первый период пришелся на эпоху Мэйдзи и связан с падением сёгунского правления, восстановлением власти императора и последовавшими после этого радикальными преобразованиями, позволившими Японии отрешиться от феодализма и вступить на путь капиталистического развития. В японской историографии этот период получил наименование Мэйдзи исин — Обновление эпохи Мэйдзи (годы правления императора Муцухито именовались «года Мэйдзи», т. е. Просвещенное правление, и продолжались с 1868 года до смерти императора в 1912 году).

В японской политической культуре не принято употреблять применительно к периодам радикальных реформ и перемен термин «революция» («какумэй»). Толковые словари используют термин «революция» при характеристике событий, связанных с коренным переворотом во всей политической и социально-экономической структуре общества. Именно такой переворот был совершен в первые три десятилетия эпохи Мэйдзи, и оттого, что японцам ближе термин «обновление», суть произошедшего не меняется.

Второй период не получил особого наименования и обычно характеризуется как период послевоенных реформ, осуществ-

ленных после поражения Японии во Второй мировой войне во время оккупации страны в 1945–1952 годах. Тем не менее, как представляется, имеются все основания обозначить этот период как «революция Сёва» (эпоха Сёва — Просвещенный мир, года правления императора Хирохито, 1926–1989 гг.).

Реставрация Мэйдзи и революция Сёва имеют как общие, так и специфические для каждого периода черты.

Объединяет их прежде всего то, что избежать осуществления реформ, затрагивавших все слои населения и для многих миллионов японцев весьма болезненных и неоднозначных, было невозможно. Необходимость реформ диктовалась как объективными процессами внутреннего развития страны, так и внешними обстоятельствами.

Жесткая консервация социально-экономических порядков в период 250-летнего правления сёгуната, почти полная самоизоляция страны от внешнего мира превратили Японию в отсталое феодальное государство, которому грозила перспектива утраты национальной независимости и подчинения западным державам. С тем чтобы избежать этого, Японии предстояло в кратчайший срок ликвидировать отставание от мирового уровня развития экономики, науки, техники. Эта задача была решена путем осуществления радикальных реформ в эпоху Мэйдзи. В Японии в исторически краткий период была проведена кардинальная перестройка всей общественно-политической системы, и страна уверенно пошла по пути капиталистического развития, имея основные атрибуты буржуазного государства — парламент, политические партии, избирательное право. Можно исходить из того, что в конце XIX века в Японии была совершена буржуазно-демократическая революция, которая, однако, носила половинчатый, незавершенный характер. Сохранялось помещичье землевладение, буржуазные права и свободы носили ограниченный характер, отсутствовали механизмы общественного контроля, препятствующие

чрезмерной концентрации власти в руках придворной аристократии и военных.

Тем не менее «обновление Мэйдзи» позволило Японии войти в круг ведущих государств мира и наравне с ними приступить к борьбе за территориальный передел мира, захват колоний, источников сырья и рынков сбыта. В конечном итоге этот курс породил агрессивную, милитаристскую стратегию японских правящих кругов, приведшую страну к национальной катастрофе — сокрушительному поражению во Второй мировой войне.

После разгрома милитаристской Японии Союзные Державы поставили задачу исключить возможность возрождения японского милитаризма, и в этих целях была проведена серия реформ, благодаря которым не только решили эту задачу, но и осуществили коренную, революционную перестройку японского государства. В итоге японское общество избавилось от сохранявшихся и после преобразований эпохи Мэйдзи военно-феодалных пережитков, и Япония стала одним из наиболее развитых буржуазно-демократических государств мира.

Вновь внешний фактор сыграл ведущую роль в переустройстве японской политической системы. Однако так же, как и в период эпохи Мэйдзи, японское общество было готово к восприятию реформ, т. к. осознавало их историческую необходимость, прежде всего с точки зрения обеспечения национальных интересов.

Объединяет две революции и то, что, перенимая основные формы и методы политического, экономического, социального и отчасти культурного развития западных государств как необходимые атрибуты прогресса, японское общество стремилось сохранить, насколько возможно, свою национальную самостоятельность, прежде всего в сфере личностных и общественных отношений, а также культурно-идеологических традиций.

Именно в этой связи в Японии к настоящему времени сформировалась и функционирует «собственная», «японская» форма демократии, имеющая все необходимые и присущие другим развитым государствам демократические институты, но с японской спецификой. Это проявляется в том числе и в сохраненной монархии, и в особенностях построения и деятельности политических партий, и в области регулирования трудовых и семейных отношений, и в идеологической сфере.

Данное исследование посвящено изучению послевоенных реформ, обеспечивших модернизацию государственного, экономического и социального устройства, определивших вектор развития страны на многие десятилетия и создавших современную Японию. Автор попытался дать комплексную картину исторического фона, на котором происходили судьбоносные для японского общества преобразования, а также проанализировать факторы, повлиявшие на формирование политики реформ и обеспечившие их в целом успешную реализацию.

Глава I

КАПИТУЛЯЦИЯ ЯПОНИИ

После того как в ночь с восьмого на девятое мая 1945 года Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции, единственным государством из «стран оси» — Германия, Италия, Япония, — продолжавшим военные действия, оставалась только Япония.

Союзные государства — США, СССР, Великобритания, Китай — единодушно выступали за «безоговорочную капитуляцию» стран-агрессоров.

Теперь предстояло конкретизировать содержание термина «безоговорочная капитуляция» применительно к милитаристской Японии.

8 мая новый президент США Гарри Трумэн заявил, что «капитуляция Токио не будет означать уничтожение или порабощение японского народа». Но это заявление мало что проясняло относительно тех действий, которые будут предприняты союзниками после капитуляции Японии. Дело в том, что в Вашингтоне в то время активно шла дискуссия по ключевому вопросу — каким государством должна стать Япония в послевоенное время, включая форму правления — республиканскую или монархическую, т. е. какой будет судьба императорской династии.

Бывший посол Соединенных Штатов Америки в Японии, заместитель государственного секретаря Дж. Грю, военный министр Г. Стимсон, помощник президента адмирал У. Леги считали, что требование ликвидации императорской сис-

темы ожесточит сопротивление японцев, заставит их воевать до полного истощения сил, что вызовет дополнительные потери, при оккупации может послужить причиной развертывания партизанской войны, а после завершения оккупации не будет препятствием для ее возрождения¹.

Особо активно, в т. ч. публично, за сохранение в Японии монархического правления во главе с императором Хирохито выступал Дж. Грю. Он считал японского монарха человеком «умеренных политических взглядов, сторонником конституционализма» и даже «пацифистом», но не имевшим возможности противостоять милитаристам.

В 1944 году при утверждении кандидатуры Дж. Грю на пост заместителя государственного секретаря комиссия по иностранным делам Сената потребовала разъяснить его позицию в пользу сохранения в Японии императорской системы. Выступая в комиссии 12 декабря 1944 года, Дж. Грю сделал заявление о том, что игнорирование императора как стабилизирующего фактора может затруднить выполнение США задачи по управлению Японией².

Дж. Грю настаивал на том, чтобы президент Г. Трумэн выступил с заявлением, в котором говорилось бы, что США признают существование императорской системы в Японии. В этом плане он составил проект заявления и передал его 28 мая 1945 года президенту. Г. Трумэн в принципе одобрил текст заявления, но потребовал согласовать его с военным и военно-морским министрами. На встрече Дж. Грю со Г. Стимсоном и Дж. Форрестолом, состоявшейся 29 мая, было принято решение временно не выступать с таким заявлением, так как в период разгара боев за Окинаву оно могло быть расценено как признак слабости США³.

Вместе с тем в США были и противники сохранения в Японии императорской системы⁴. В Госдепартаменте эту точку зрения отстаивали начальник отдела стран Дальнего Востока Д. Винсент и советник китайского отдела О. Латин-

мор⁵. Госсекретарь К. Хэлл выступал против того, чтобы при выдвижении условий капитуляции было сделано какое-либо обещание относительно сохранения императорской системы, так как рассматривал это как «пресмыкательство перед японской монархией»⁶.

Подобной позиции придерживались многие ведущие деятели республиканской партии, которые выступали принципиально против идеи монархического правления и считали, что ликвидация монархии послужит хорошим уроком для японцев, которые таким образом смогут познать преимущества республиканского строя⁷.

Накануне окончания войны отдел стран Дальнего Востока Госдепартамента подготовил доклад, в котором указывалось, что по опросам общественного мнения две трети американцев выступает за наказание японского императора и лишь 3 % опрошенных не возражают против использования императора Союзными Державами⁸. Сам же отдел стран Дальнего Востока Госдепартамента придерживался мнения, что императора и императорскую семью следует заключить в тюрьму, но монархическую систему правления сохранить и в «полной мере использовать административную структуру Японии»⁹. Эту же точку зрения, как отмечалось в докладе, разделяло и министерство иностранных дел Англии.

26 июля в Потсдаме была опубликована совместная американо-британо-китайская декларация — Потсдамская декларация президента США Г. Трумэна, премьер-министра Англии У. Черчилля и президента национального правительства Китая Чан Кайши. Это был ультиматум Японии незамедлительно провозгласить безоговорочную капитуляцию всех японских вооруженных сил, иначе «Японию ждет быстрый и полный разгром».

В декларации были сформулированы цели и задачи, которые союзники были намерены преследовать и осуществ-

вить в поверженной Японии. Главные из них начинались с пункта шестого.

«6. Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, которые обманули и ввели в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний.

7. ...до тех пор, пока не будет существовать убедительное доказательство, что способность Японии вести войну уничтожена, — пункты на японской территории, которые будут указаны союзниками, будут оккупированы для того, чтобы обеспечить осуществление основных целей, которые мы здесь излагаем.

8. Условия Каирской декларации должны быть выполнены, и японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем.

9. Японским вооруженным силам после того, как они будут разоружены, будет разрешено вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную и трудовую жизнь.

10. Мы не стремимся к тому, чтобы японцы были порабощены как раса или уничтожены как нация, но все военные преступники, включая тех, которые совершили зверства над нашими пленными, должны понести суровое наказание. Японское правительство должно будет устранить все препятствия к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа. Будут установлены свобода слова, религии и мышления, а также уважение к основным человеческим правам.

11. Японии будет разрешено иметь такую промышленность, которая позволит ей поддерживать ее хозяйство и взыскать справедливые репарации натурой, но не те отрасли промышленности, которые позволят ей снова вооружиться для ведения войны.

12. Оккупационные войска союзников будут отведены из Японии, как только будут достигнуты эти цели и как только

будет учреждено мирно настроенное и ответственное правительство в соответствии со свободно выраженной волей японского народа.

13. Мы призываем правительство Японии провозгласить теперь же безоговорочную капитуляцию всех японских вооруженных сил и дать надлежащие и достаточные заверения в своих добрых намерениях в этом деле...»¹⁰

Именно расхождения во мнениях между отдельными группами руководства США относительно личной судьбы императора, а также императорской системы послужили причиной того, что, хотя в Потсдамской декларации условия капитуляции определялись как безоговорочные, эти вопросы были обойдены молчанием.

Правящие круги Японии понимали, что Потсдамская декларация ставит вопрос об определенных изменениях в системе управления страной и принятие условий, содержащихся в ней, будет фактически означать согласие на проведение таких изменений. Так как позиция Союзных Держав была изложена в Потсдамской декларации лишь в общей форме, для правящих кругов Японии оставалось неясным, сколь радикальные изменения потребуют провести в Японии после ее капитуляции страны-победительницы.

Хотя в Потсдамской декларации содержалось требование о «безоговорочной капитуляции», в японском руководстве после ознакомления с ее текстом, переданным американским радио, сложилось мнение о возможности вступить с Союзными Державами в переговоры с тем, чтобы добиться пусть и небольшого, но пересмотра неблагоприятных для Японии положений декларации, а также уточнить ряд ее положений.

Именно с такой позицией выступил министр иностранных дел Сигэнори Того на состоявшемся 27 июля заседании Высшего совета по руководству войной. Его поддержал премьер-министр Кантаро Судзуки. Однако начальник генерального штаба ВМФ Созму Тоёда предложил выступить

с заявлением правительства, отвергающим Декларацию «как абсурдную» и не подлежащую рассмотрению¹¹.

В конечном итоге было принято решение никак не реагировать на декларацию, а принять меры, чтобы ускорить ответ советского руководства на переданное ему 13 июля обращение японской стороны с просьбой о «добрых услугах в интересах скорейшего прекращения войны» и о приеме с этой целью в Москве принца Фумимаро Коноэ, который передал бы предложение Японии об условиях, на которых Токио готов бы был заключить мир.

Первоначально было решено декларацию опубликовать в кратком изложении в японских газетах без каких-либо комментариев. Однако военная верхушка убедила премьер-министра К. Судзуки отвергнуть декларацию, что и было им сделано. На пресс-конференции 28 июля он заявил, что Потсдамская декларация является лишь «перефразировкой» (якинаоси) Каирской декларации 1943 года¹² и правительство Японии намерено «игнорировать» ее (мокусацу — в дословном переводе «убить молчанием»).

Таким образом, японское руководство приняло решение тянуть время, продолжая боевые действия. Расчет делался на то, что союзники еще окончательно не определились в своей политике в отношении Японии и могут смягчить требования, выдвинутые в Потсдамской декларации. При этом исходили из того, что идеалист Ф. Рузвельт умер, харизматичный и решительный У. Черчилль проиграл в Англии выборы и ушел со своего поста, а Советский Союз, которому выгодно иметь Японию на своей стороне в противовес Вашингтону и Лондону, еще окончательно не ответил на японский зондаж относительно его посредничества в переговорах Токио с англо-американским альянсом об условиях прекращения войны.

В целом был принят стратегический курс на защиту «национального государственного строя» («кокутай годзи»), под

чем подразумевалась борьба за сохранение императора и императорской системы, что в свою очередь рассматривалось как ключевой момент в стратегии на сохранение основ существующего политического и государственного устройства.

Политика японского руководства «не спешить» с принятием Потсдамской декларации, ничем не обоснованные расчеты на раскол в лагере Союзных Держав стали роковой ошибкой, принесшей огромные страдания и бедствия японскому народу.

На Ялтинской конференции 4–12 февраля 1945 года руководителей СССР, США и Великобритании Советский Союз, учитывая неоднократные обращения Лондона и особенно Вашингтона вступить в войну с Японией, дал на это свое согласие. При этом был выдвинут ряд условий, которые были приняты президентом Ф. Рузвельтом и премьер-министром У. Черчиллем¹³.

Хотя ялтинские договоренности держались в секрете, в японском руководстве не могли не понимать, что в Ялте неизбежно должен был стоять вопрос об участии Советского Союза в войне против Японии.

Уже 15 февраля на заседании Высшего совета по руководству войной представители военной разведки и министерства иностранных дел доложили о своих выводах относительно возможности того, что Советский Союз весной расторгнет советско-японский Пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 года и вступит в войну с Японией¹⁴.

5 апреля Советский Союз информировал японское правительство о денонсации Пакта о нейтралитете.

В тексте заявления указывалось на то, что со времени его подписания обстановка изменилась в корне. «Германия напала на СССР, а Япония союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза.

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным...

В соответствии со статьей 3 упомянутого Пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское правительство настоящим заявляет... о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года».

Денонсировав пакт, Советский Союз однозначно дал понять японскому руководству о реальной перспективе вступления СССР в войну с Японией. Это было серьезное предупреждение японскому правительству о бесполезности продолжать войну. Однако в Токио отнеслись к нему весьма легковесно и продолжили строить абсолютно необоснованные расчеты на «возможный раскол в рядах союзников» или же — в прямо противоположном плане — на «влиятельное посредничество Москвы» в достижении Токио «почетного мира» с Вашингтоном и Лондоном.

Непринятие японским руководством Потсдамской декларации послужило для Вашингтона оправданием применения в войне с Японией ядерного оружия. 6 августа американский бомбардировщик Б-52 сбросил на не имевший какого-либо серьезного военного значения город Хиросиму атомную бомбу, от взрыва которой погибло почти 100 тысяч человек, а еще десятки тысяч японцев умерли впоследствии от радиоактивного облучения.

Однако даже атомная бомбардировка не побудила японское руководство согласиться на безоговорочную капитуляцию. Японские военные докладывали из Хиросимы в Токио в том плане, что, хотя городу нанесен крупный ущерб, он сопоставим с теми разрушениями, которые многие японские города претерпели в результате их массированных бомбардировок американской авиацией. Так, в конце марта 1945 года после «ковровых бомбардировок» в Токио погиб-

ло около 100 тысяч его жителей, а сам город был почти полностью уничтожен возникшими пожарами. В Хиросиме погибло в подавляющем большинстве гражданское население, личный состав вооруженных сил практически не пострадал, а о последствиях радиоактивного воздействия атомного взрыва на человеческий организм, а также о радиоактивном заражении местности тогда было мало что известно даже японским специалистам-атомщикам.

У Японии оставалось достаточно сил и средств, чтобы продолжить военные действия и на территории Китая и Кореи, и на Японских островах. Поэтому японское руководство не считало атомную бомбардировку достаточным основанием для прекращения боевых действий.

Конечно, США рассчитывали на то, что атомная бомбардировка ускорит принятие Токио решения о капитуляции еще до вступления в войну с Японией Советского Союза, но более важным был стратегический расчет на то, чтобы оказать сдерживающее воздействие на возросшие после победы над нацистской Германией возможности Москвы играть сопоставимую с США роль в международных делах.

Прошло два дня после атомной бомбардировки Хиросимы, а решения японского руководства о принятии Потсдамской декларации из Токио не последовало.

Ситуация изменилась после вступления 9 августа в войну с Японией Советского Союза.

8 августа народный комиссар по иностранным делам В. М. Молотов на встрече с послом Японии в Москве Н. Сато передал через него японскому правительству заявление о вступлении с 9 августа Советского Союза в войну с Японией.

В заявлении отмечалось, что после разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония остается единственной державой, стоящей за продолжение войны, и отклонила требования США, Великобритании и Китая от 26 июля о безоговорочной капитуляции.

Советское правительство, получив от союзников обращение с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем самым приблизить сроки окончания войны, сократить количество жертв, верное своему союзническому долгу, приняло это предложение и присоединилось к заявлению Союзных Держав от 26 июля, т. е. к Потсдамской декларации¹⁵.

Формально Советский Союз вступил в войну с Японией ранее истечения срока действия советско-японского Пакта о нейтралитете (пакт действовал до апреля 1946 года). Однако, заявив 5 апреля 1945 года о том, что пакт «потерял смысл», и о «желании» его денонсировать, советское правительство совершенно четко предупредило японское правительство о своем фактическом отказе от выполнения обязательств по содержанию пакта. Кроме того, если следовать «букве» Пакта о нейтралитете, то в статье второй говорится о том, что нейтралитет будет соблюдаться в том случае, если «одна из Договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав». Япония соблюдала нейтралитет, когда Советский Союз подвергся агрессии со стороны Германии. В то же время Япония инициировала нападение на Соединенные Штаты, Китай и вооруженные силы Англии, а не была объектом агрессии. С этой точки зрения у советского правительства были основания руководствоваться не пактом, а обязательствами перед своими союзниками, что и было сделано.

Именно после вступления СССР в войну император сказал лорду-хранителю печати Коити Кидо о «необходимости быстро овладеть ситуацией, поскольку Советский Союз объявил нам войну и начал сегодня боевые действия»¹⁶.

Имеются свидетельства того, что группировка в правящих кругах, выступавших за скорейшее окончание войны, более всего опасалась того, что уставшее от бессмыслен-

ной войны, страдающее от жестоких бомбардировок, нехватки продовольствия, потерь близких население выступит и против правящей элиты, и против императора. Принц Фумимаро Коноэ в письменном докладе императору еще 14 февраля 1945 года подчеркивал необходимость скорейшего окончания войны, чтобы не допустить в Японии начала коммунистической революции, особенно под воздействием политики Москвы, и сохранить существующую систему правления¹⁷. Его взгляды разделял лорд-хранитель печати К. Кидо.

9 августа в 11:00 утра состоялось заседание Высшего совета по руководству войной. После атомных бомбардировок Хиросимы, а в тот день и Нагасаки, но особенно после вступления в войну Советского Союза возражений против принятия Потсдамской декларации выдвинуто не было. Вместе с тем было высказано мнение о том, чтобы настаивать на сохранении «национальной государственности, т. е. прежде всего неприкосновенности императорского дома», как на непременном условии принятия декларации. Военные выдвинули дополнительные условия: по возможности избежать оккупации Японии, самостоятельно осуществить разоружение и «наказать» военных преступников. Если эти условия не будут приняты, то японские военные руководители, особенно представители армии, выступали за продолжение боевых действий на японской территории с тем, чтобы «нанести противнику тяжелые потери» и добиться «почетного мира».

Незадолго до полуночи 9 августа было созвано заседание Высшего совета по руководству войной уже в присутствии императора: премьер-министр, министр иностранных дел, министры родов войск, начальники штабов, председатель Тайного совета барон Киитиро Хиранума.

Премьер-министр К. Судзуки доложил императору о разногласиях по вопросу о принятии Потсдамской деклара-

ции — принять при условии, что не будет никакого требования, которое могло бы нанести ущерб установленному традицией статусу императора, или принять с дополнительными условиями, выдвинутыми армейским командованием. Поскольку раскол во мнениях сохранялся, в т. ч. и на заседании в присутствии императора, премьер-министр «попросил прощения за необходимость смиренно испросить императорское решение».

Император высказался в том духе, что «полагаться на уверенность родов войск в окончательной победе нельзя», и сейчас, «вынося невыносимое, он принимает условия Потсдамской декларации с тем, чтобы сохранить национальную государственность»¹⁸.

Ранним утром 10 августа через правительство Швейцарии, представлявшее интересы Японии, США было передано сообщение-нота о том, что правительство Японии, действуя в соответствии «с августейшим желанием Его Величества восстановить всеобщий мир и стремясь как можно скорее положить конец несказанным страданиям, принесенным войной, приняло следующее решение:

Правительство Японии готово принять условия, перечисленные в совместной Декларации, опубликованной в Потсдаме 26 июля 1945 года главами правительств Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая и затем подписанной Советским правительством, при условии, что обозначенная Декларация не содержит какого-либо требования, которое наносит ущерб прерогативам Его Величества как Суверенного Правителя»¹⁹.

Получив известие из Японии о согласии капитулировать, руководители США вновь встали перед необходимостью определить свое отношение к проблеме императора, так как в японском ответе на Потсдамскую декларацию условия капитуляции оговаривались сохранением прерогатив императора. Мнения руководства США по этому во-

просу вновь разделились. Одни считали, что императора сохранять не следует, но необходимо его использовать для осуществления капитуляции, другие, в т. ч. госсекретарь Дж. Бирнс, настаивали на безоговорочной капитуляции.

В результате этих разногласий вопрос о судьбе императора так и не был решен.

12 августа в Токио поступил ответ Союзных Держав. В ответе, направленном Государственным департаментом США от имени правительств Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая правительству Японии, говорилось, что «с момента капитуляции власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена Верховному командующему Союзных Держав...» и что «форма правительства Японии в конечном счете будет в соответствии с Потсдамской декларацией установлена свободно выраженной волей японского народа»²⁰.

В министерстве иностранных дел Японии при переводе текста для правительства были несколько изменены акценты в вопросе, касающемся императора, так как существовало опасение, что фраза о том, что «власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена Верховному командующему Союзных Держав» вызовет укрепление позиций группировки, выступающей за продолжение военных действий. Поэтому в переводе на японский язык было записано, что «власть императора и японского правительства будет ограничена Союзными Державами»²¹.

Даже в таком виде ответ вызвал недовольство у части правящих кругов Японии, в том числе у председателя Тайного совета барона К. Хиранума, представителей военных кругов, премьер-министра К. Судзуки²². На заседаниях кабинета министров военный министр Корэтика Анами продолжал настаивать на необходимости продолжать доби-

ваться изменения условий капитуляции и готовиться к проведению «еще одного сражения». Его поддерживали министр внутренних дел Гэнки Абэ и министр юстиции Хиромаса Мацудзака.

14 августа в связи с отсутствием единства мнения у членов кабинета министров относительно реакции на ответ Союзных Держав от 12 августа у императора вновь было собрано совещание.

Представители армии повторяли свою позицию — поскольку отсутствует уверенность в сохранении японской национальной государственности, «нет иного выхода, кроме продолжения борьбы даже ценой сотни миллионов жизней» (смерть в сражении ста миллионов — «итиоку гё-кусаи»)²³.

Все решило выступление императора, который заявил, что «при зрелом рассмотрении условий внутри страны и за ее пределами, и особенно учитывая ход войны, твердо решил принять Потсдамскую декларацию».

При этом он отметил, что исходит из того, что в Потсдамской декларации не содержится положений, имеющих в виду подрыв национальной государственности Японии. «Однако если в настоящий момент войну не прекратить, боюсь, сказал он, что национальная государственность будет уничтожена и народ погибнет»²⁴.

Совещание закончилось, по свидетельству С. Того, весьма эмоционально. «Слушая речь императора, все присутствующие плакали»²⁵.

Вывод императора о том, что монархию удастся отстоять, был не в последнюю очередь сделан на основании того, что ни в Потсдамской декларации, ни в других документах Союзных Держав прямо не говорилось о ликвидации императорского правления в Японии.

Как отмечает один из ведущих американских специалистов по Японии, в 60-е годы XX века посол США в Токио

Э. Рейшауэр, в Потсдамской декларации и ответе четырех держав «мы (США. — *А. П.*) недвусмысленно намекали на то, что разрешим японцам в какой-то форме сохранить институт императора, если они этого хотят». «Другими словами, — пишет он далее, — мы заключили с ними совершенно определенную сделку — немедленная капитуляция в обмен на обещание не настаивать на полном уничтожении японского трона»²⁶.

Как отмечает японский исследователь С. Синобу, император выступил на имперском совещании против военных, требовавших продолжения войны, также и для того, чтобы продемонстрировать перед Союзными Державами и прежде всего США, что он пользуется властью и авторитетом и не в интересах Союзных Держав отказываться от его услуг²⁷. Кроме того, это должно было произвести впечатление «великодушного акта» со стороны императора, который выступил за окончание войны и тем самым «спас жизни» не только многих японских солдат, но и солдат армий союзников. В известной степени подобная тактика себя оправдала, и в некоторых кругах США в связи с таким поведением императора существовала «тенденция настаивать на том, что союзники должны быть благодарны императору»²⁸.

Принимая решение о капитуляции, присутствующие на имперском совещании вовсе не исходили из того, что им было безразлично, как будут развиваться события после капитуляции, а разделяли уверенность императора, что существующий строй будет сохранен. При этом, хотя отдельные представители правящих кругов Японии выражали недовольство тем, что придется считаться «со свободно выраженной волей японского народа», и высказывали опасения в том плане, что «народу отнюдь нельзя доверять», в целом преобладали настроения, что японский народ выразит доверие императорской системе²⁹.

Поздним вечером 14 августа был подготовлен императорский рескрипт о принятии Потсдамской декларации, который сразу же был направлен правительствам США, Великобритании, СССР и Китая через правительство Швейцарии.

Однако, даже приняв решение о капитуляции, японское руководство до последнего момента пыталось добиться выгодных для себя условий осуществления оккупации.

Утром 15 августа японское правительство направило Союзным Держavam послание, в котором правительство Японии самым серьезным образом ходатайствовало «об ограничении до минимума пунктов на японской территории», где бы размещались «по возможности малочисленные оккупационные силы». При этом Токио оставался бы неоккупированным. А разоружение японских сил осуществлялось бы самими японскими военнослужащими³⁰.

Даже в полностью безнадежной ситуации японское руководство пыталось выдвигать заведомо неприемлемые условия. Особо усердствовали в этом японские военные. Самурайская «честь мундира» оказывалась выше здравого смысла.

Расчет ими делался на то, что в рядах армии они будут иметь единодушную поддержку, а то, что такая позиция может лишь оттянуть агонию и сопровождаться многотысячными жертвами, в том числе простого населения, их не волновало. И действительно с 12 августа, как свидетельствует С. Того, стали поступать сообщения о планах совершения рядом военных частей государственного переворота, в т. ч. путем захвата императора и его изоляции от кабинета министров³¹.

С тем чтобы не допустить выпуска в эфир записанного на пластинку выступления по радио императора в связи с капитуляцией Японии, часть военных императорской гвардии, расквартированной на территории дворца, пред-

приняла политику ее изъятия. Были также совершены нападения на резиденции премьер-министра и председателя Тайного совета. Однако мятеж был подавлен верными императору воинскими частями.

Ровно в полдень 15 августа император выступил по радио.

Вернее, в эфире прозвучала запись его выступления. Впервые японцы слышали голос императора. На многих из них это произвело шоковое впечатление.

Японский народ никогда не слышал голоса императора, простым людям даже не разрешалось смотреть на него, и когда он проезжал на машине или на поезде, те, кто встречался на его пути, должны были отвернуться.

Немалое число высокопоставленных военных, среди них несколько командующих фронтами, военный министр К. Анами, создатель отрядов смертников (камикадзе) вице-адмирал Т. Ониси, а также политиков покончили с собой после выступления императора.

В речи, обращенной к японскому народу по случаю окончания войны, император не сказал ни слова о том, что Япония потерпела поражение и капитулировала³².

Говорилось лишь о поражении Германии, вступлении в войну Советского Союза и применении «противником нового, бесчеловечного оружия огромной разрушительной силы, уничтожившего жизни сотни тысяч людей».

Не упоминалась Потсдамская декларация и содержащиеся в ней положения о предстоящей демократизации и демилитаризации Японии. Акцент был сделан на важности укрепления «национального государственного строя», необходимости предпринятия усилий по сохранению существующих социально-экономических отношений, содержался призыв «работать с такой решимостью, чтобы приумножить вечную славу императорского государства»³³.

Выступление императора по радио было составлено на высокопарном, старомодном языке, с использованием лек-

сики, принятой в придворном обиходе, его сложно было понять на слух. Потому диктор токийского радио после выступления императора зачитал его еще раз на обычном, повседневном языке.

17 августа император в рескрипте «К солдатам и матросам» обратился к войскам с приказом сложить оружие. В нем основной причиной капитуляции он называл вступление в войну Советского Союза, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки не упоминались. В рескрипте говорилось:

«Теперь, когда в войну против нас вступил и Советский Союз, продолжать сопротивление... означает поставить под угрозу саму основу существования нашей империи»³⁴.

Немедленно вслед за принятием решения о капитуляции правящие круги страны развернули широкую пропагандистскую кампанию, направленную на то, чтобы снять с себя ответственность за поражение в войне и обвинить во всех бедах, постигших Японию, японский народ, который «не прилагал достаточных усилий для того, чтобы оправдать доверие императора».

Комментарии и специальные радиовыпуски в связи с выступлением императора были составлены таким образом, чтобы вывести его из-под какой-либо критики. Утверждалось, что не император и его приближенные, а сам японский народ виноват в том, что «пришлось сложить оружие», что теперь каждому японцу «следует задуматься о тяжести собственной вины. Монарх же проявил великодушие, не думая о своей судьбе».

Именно в таком духе была составлена опубликованная 15 августа министерством просвещения «Программа претворения в жизнь религиозного и культурного возрождения Японии» («Нихон сайкэн сюкё кёка дзиссэн ёко») ³⁴.

Перед кабинетом принца Н. Хигасикуни³⁵, заменившим 17 августа ушедший в отставку кабинет К. Судзуки, были

поставлены две задачи — добиться, чтобы японские войска без инцидентов сложили оружие, но главное — заставить Союзные Державы признать власть императора и существующий в Японии государственный строй.

К выполнению первой задачи были привлечены члены императорской фамилии, которые отправились в места дислокации основных воинских соединений, чтобы в случае необходимости убедить войска в том, что капитуляция санкционирована лично императором. Эти поездки, а также то, что новый кабинет возглавлял родственник императора, должны были по замыслу правящих кругов страны продемонстрировать перед Союзными Державами эффективность императорской власти и готовность императора и его приближенных сотрудничать с ними.

Для того чтобы обеспечить признание со стороны Союзных Держав императорского строя, на первый план выдвигалась задача по укреплению верховной власти императора в стране.

17 августа по радио выступил Н. Хигасикуни, который в своей речи подчеркивал важность сохранения существующего строя, призывал народ сплотиться вокруг императора с тем, чтобы «весь мир, оставив в стороне вопрос о победе и поражении, широко раскрыв в восхищении глаза, взирал на величие силы нашего государственного строя»³⁶.

Деятельность правительства не была ограничена лишь простыми призывами.

От имени императора семьям военных и получившим увечья на войне выделялись денежные пособия, отпускались материалы для восстановления жилья, уничтоженного бомбардировками, от имени императора направлялись цветы на молебны в честь погибших на войне, для общественного пользования была пожертвована императорская вилла, под контроль государства переданы принадлежащие императору отдельные участки земли, пригодные для

обработки. Все эти мероприятия, проводившиеся с августа до конца года, широко рекламировались как «милосердные и великодушные» действия императора и проводились в рамках кампании поддержки существующего государственного строя.

С этой же целью было задумано проведение идеологической обработки населения в виде «всеобщего покаяния» («содзангэ») перед императором за недостаточность усилий, приложенных для победы в войне. Впервые эту идею 15 августа выдвинул министр просвещения Т. Маэда. 25 августа в выступлении по радио ее поддержал министр без портфеля Т. Адати, а 28 августа премьер-министр Н. Хигасикуни на первой своей пресс-конференции заявил, что «общее покаяние всего народа будет первым шагом по возрождению нашей страны, первым шагом по пути объединения нашей страны»³⁷. В поддержку идей «покаяния» выступил принц Ф. Коноэ и его группировка.

Идея «всеобщего покаяния» нашла своих последователей и в более широких кругах. Некоторые представители интеллигенции, например писатель Эйдзи Есикава, заявляли о личной ответственности за поражение в войне и «вине перед императором». После выступления императора по радио и известия о том, что война закончилась поражением, толпы народа приходили на площадь перед императорским дворцом, чтобы выразить свою преданность императору и «извиниться за недостаточность усилий, предпринятых для достижения победы».

Наиболее дальновидные представители руководящих кругов страны, анализируя причины поражения, приходили к выводу о необходимости осуществления в стране ряда реформ, в том числе государственной структуры, а также внесения определенных изменений в конституцию.

Понимали необходимость проведения некоторых реформ и в высшем руководстве, которое опасалось, что в

процессе оккупации страны реформы, требование о проведении которых содержала Потсдамская декларация, будут проведены помимо их воли. Кроме того, существовали опасения, что в необычной для Японии послевоенной обстановке может возникнуть стихийное движение масс, которые потребуют коренных социальных, политических и экономических перемен. Учитывая эти моменты, правящие круги страны, с одной стороны, стремились опередить Союзные Державы в проведении реформ и осуществить их в выгодном для себя направлении, а с другой — с помощью незначительных уступок воспрепятствовать развертыванию широкого движения народных масс.

В соответствии с этим курсом премьер-министр Н. Хигасикуни сразу же после того, как сформировал свой кабинет начал проводить консультации с Ф. Коноэ и лордом-хранителем печати К. Кидо относительно тех изменений, которые следовало бы внести в конституцию, а также о судьбе императора. При этом высказывалось мнение, которое разделялось в министерстве иностранных дел, о том, что император с моральной точки зрения несет ответственность перед предками и народом за все то, что произошло, и поэтому ему следует оставить трон³⁸. Сам Н. Хигасикуни в частном порядке высказывался за то, чтобы Хирохито оставил трон и передал его в руки своего 12-летнего сына принца Акихито и назначил регентом своего брата принца Титибу³⁹.

Сторонники этого мнения считали, что таким образом император избежит обвинения в ответственности за войну и это поможет сохранить существующий государственный строй и монархию.

Однако все эти действия носили чисто формальный характер. В основе политической программы группировки правящих кругов, стоявших у власти после капитуляции, лежал лозунг «защиты национального государственного

строю», и, защищая его, они не могли одновременно реформировать его. Сразу же вслед за капитуляцией Японии, оттеснив военных, на ведущее место в системе управления государством выдвинулось руководство министерств внутренних дел и юстиции, которое просто игнорировало взгляды тех, кто выступал за реформы, и это было естественным, так как эти два министерства всегда были на острие подавления любых проявлений недовольства существующим порядком. Эти министерства, по существу, направляли деятельность кабинета министров, и все намерения провести реформы оказывались перед неодолимой преградой. «Да и те, кто выступал за проведение реформ, — отмечает С. Синобу, — испугались, что эти реформы затронут систему императорской власти, и не настаивали на своей точке зрения»⁴⁰.

В результате вопрос о том, чтобы придать монархии парламентский характер по образцу Великобритании, повис в воздухе, политические заключенные не были освобождены, политические свободы не предоставлены, органы подавления — токко кэйсацу (политическая тайная полиция) и кэмпэйтэй (военная жандармерия) — остались практически без изменений, а их численный состав в связи с роспуском армии даже увеличен.

Воспользовавшись тем, что оккупация Японии (в отличие от оккупации гитлеровской Германии и фашистской Италии) началась не в ходе военных действий на территории страны, а через две недели после принятия ею условий капитуляции, правящие круги страны стремились использовать это время для соответствующей подготовки к приходу оккупационных войск. Были уничтожены секретные архивы, много военного и дефицитного имущества спрятано или распределено бесплатно между крупнейшими компаниями. Японский государственный аппарат военного времени был сохранен и продолжал функционировать.

В обстановке, когда японское население пребывало в беспокойстве и неведении о своем существовании в условиях иностранной оккупации, а правящие круги активно разрабатывали и проводили курс на защиту «национальной государственной структуры», в Японию стали прибывать американские войска.

Первый американский воздушный десант высадился на аэродроме Ацуги (близ Токио) 28 августа 1945 года.

Глава II

РАЗРАБОТКА И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Оккупация Японии и деятельность Главного штаба Верховного командующего союзных войск начали разворачиваться в условиях отсутствия согласованной политики Союзных Держав в отношении побежденной Японии.

Вместе с тем в ходе войны с гитлеровской Германией, фашистской Италией и милитаристской Японией Союзные Державы выработали главные цели своей стратегии в отношении агрессоров и согласовали основные задачи послевоенного мирного урегулирования, которые нашли свое отражение в решениях Московской, Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций.

Эти документы, содержащие многие важные демократические принципы, на основе которых имелось в виду строить не только отношения с бывшими врагами, но и создавать новую систему международных отношений в глобальном масштабе, оказывали серьезное воздействие и на формулирование политики Союзных Держав в отношении Японии.

С началом оккупации Японии встала задача конкретизации провозглашенного союзниками курса на демилитаризацию и демократизацию Японии, заявленного в Потсдамской декларации.

С учетом того, что главенствующую роль в оккупации Японии играли Соединенные Штаты, их влияние на разра-

ботку и осуществление послевоенных реформ японского общества было в значительной степени определяющим.

При этом в Вашингтоне исходили из того, что поскольку основную тяжесть войны на Тихом океане вынесли США, то они и должны нести всю полноту ответственности за разработку и осуществление оккупации своего бывшего противника.

Вместе с тем следует принимать во внимание ряд факторов, которые побуждали США действовать в политике по демилитаризации и демократизации Японии, особенно в первые два года после начала оккупации, весьма радикально.

Прежде всего самое серьезное воздействие на формирование целей и задач США во Второй мировой войне оказали участие США в антигитлеровской коалиции, буржуазно-либеральный демократизм американской администрации под руководством президента Ф. Рузвельта, а также искреннее стремление широких кругов американской общественности к осуществлению освободительной миссии.

Непосредственным следствием этого стало появление программных документов американской администрации, а также многочисленных заявлений руководителей Конгресса и политических партий, в которых констатировалось, что США ведут войну, ставя «благородные цели спасения мировой цивилизации», «обеспечения счастливого будущего для себя и для всех народов», «утверждения высоких моральных идеалов и ценностей»¹.

Активное участие Советского Союза в разгроме агрессоров способствовало выработке конкретных целей антигитлеровской коалиции и согласованной программы принципов послевоенного мирного урегулирования.

К разработке послевоенной программы действий в отношении Японии Соединенные Штаты приступили практически сразу после начала военных действий на Тихом океане. Однако, так как война с Японией, по заключению как воен-

ных, так и политиков, должна была стать затяжной, с выработкой конкретной программы послевоенной политики в отношении Японии не торопились. Определенную работу по изучению и подготовке рекомендаций по оккупации Японии с начала 1942 года начал проводить исследовательский отдел Госдепартамента²; было активизировано изучение Японии в крупнейших университетских центрах, уделено внимание подготовке специалистов со знанием японского языка. Именно в этот период было выявлено, насколько изучение Японии в США отстает от требований, предъявляемых бурным развитием событий³.

Острая нехватка квалифицированных специалистов ощущалась и в Государственном департаменте, и во всех других организациях и ведомствах, имевших отношение к разработке политического курса в отношении Японии. В США практически отсутствовала база японоведения, которая помогла бы разрабатывать американскую политику по отношению к Японии в послевоенный период. Преодолеть этот существенный недостаток за время войны Соединенным Штатам так и не удалось. Не случайно поэтому журнал «Форчун» отмечал в апреле 1944 года: «Мы не сможем управлять Японией из-за совершенно очевидной причины — мы ее как следует не знаем»⁴.

Отчасти из-за незнания японской действительности, отчасти в связи с тем, что даже в начале 1945 года ни Белый дом, ни Объединенный комитет начальников штабов «не намеревались принимать всерьез возможность капитуляции Японии в ближайшем будущем»⁵, конкретный курс действий в отношении побежденной Японии к тому времени не был разработан.

В заявлениях Ф. Рузвельта, Г. Гопкинса, К. Хэлла и других видных государственных и политических деятелей неоднократно подчеркивалось, что, так же как и Германия, Япония должна быть поставлена в условия, не позволяющие ей

вновь развязать агрессивную войну. Однако в этих же заявлениях отсутствовали конкретные указания на то, каким образом следует добиваться широко провозглашенной демократизации Японии, какие реформы и преобразования предполагается осуществить в ней⁶.

Только с образованием в феврале 1945 года подкомитета Дальнего Востока при координационном комитете Государственного департамента, военного и военно-морского министерств начали предприниматься организованные усилия, направленные на формулирование целей и задач оккупационной политики США в Японии⁷.

При этом определенное влияние на разработку политики США в отношении Японии оказывали разногласия по вопросу о той роли, которая должна отводиться Японии в послевоенной стратегии США. На заключительном этапе войны в правящих кругах США наиболее прочные позиции занимала так называемая «китайская группа», состоявшая из лиц, входивших в окружение президента Ф. Рузвельта (в том числе помощник президента Г. Гопкинс, министр финансов Г. Моргентау), поддерживаемая многими специалистами в области международных отношений, и в первую очередь американскими китаеоведами, связанными с Институтом тихоокеанских отношений и влиятельным журналом «Амерэшиа».

Эта группировка считала, что после того, как «возмутитель спокойствия» — милитаристская Япония — будет наказан, Соединенным Штатам следует вновь обратить внимание на Китай, т. к. именно Китай еще с конца XIX века, с момента провозглашения политики «открытых дверей», являлся основным объектом американской политики в Азии. Что же касается Японии, то она должна быть разоружена и реформирована решительными мерами таким образом, чтобы в будущем не представлять серьезной угрозы США ни в военно-политическом, ни в экономическом плане.

Так называемая «японская группа», бесспорным лидером которой являлся бывший посол США в Японии Д. Грю, в принципе не возражала против преобразований в Японии, на проведении которых настаивала «китайская группа». Однако члены этой группы считали, что такие преобразования должны носить умеренный характер, не затрагивать основ существующего в Японии строя и с самого начала иметь явно выраженную антикоммунистическую и антисоветскую направленность. «Японская группа» придерживалась мнения, что и ограниченные меры будут достаточны для того, чтобы политические и монополистические круги Японии проводили политику, соответствующую интересам США.

Как в американской, так и в японской историографии существует тенденция преувеличивать характер разногласий, существовавших между «китайской» и «японской» группами, и их влияния на формирование послевоенной политики США в Азии. Но, как справедливо отмечает японский историк Т. Кавагути, «эти противоречия не носили принципиального характера, т. к. ни “китайская группа”, ни тем более “японская” не требовали претворения в жизнь Потсдамской декларации во всем ее объеме»⁸.

Обе группы были едины во мнении о том, что оккупация Японии и оккупационная политика должны осуществляться единолично Соединенными Штатами и что стратегическая цель США — установление всестороннего контроля над этой страной. Кроме того, постепенно происходила трансформация и слияние обеих групп. После смерти Ф. Рузвельта сторонники его «нового курса» начали оттесняться в Вашингтоне на второй план, т. к. с приходом к власти администрации Г. Трумэна происходят глубокие изменения принципов, идей и средств достижения внешнеполитических целей. Казалось бы, это должно было привести к усилению позиций «японской группы», однако

новое руководство Белого дома, разделяя в принципе мнение «японской группы» об умеренном курсе в отношении Японии, в то же время видело достижения первоочередных целей США в Азии в развитии американо-китайских отношений.

В известной степени лидером «китайской группы» становится сам президент Г. Трумэн. Меняется состав группы, в которую теперь входят люди нового президента, и постепенно смещаются акценты в разработке оккупационной политики в Японии в пользу принятия того курса, на котором настаивала «японская группа». Несмотря на то, что сразу после окончания войны и в первый период оккупации эта тенденция и оказывает влияние на проведение оккупационной политики США, она не является основополагающей. После ухода 16 августа 1945 года в отставку с поста заместителя государственного секретаря Д. Грю и замены его Динем Ачесоном, а также после назначения начальником департамента стран Дальнего Востока представителя «китайской группы» К. Винсента создается впечатление, что «японская группа» теряет свое влияние. Однако, расходясь во мнениях по поводу центрального объекта американской политики в Азии, обе группы все более приходят к согласию в отношении методов и целей оккупационной политики США в Японии.

Противоречия между «китайской» и «японской» группами являлись составной частью разногласий, существовавших в правящих кругах страны в отношении основных направлений экспансии США в мире после окончания Второй мировой войны. Большинство представителей финансовой олигархии США, наиболее влиятельные политические и военные круги выступили за «глобальную» политику, т. е. за экспансию и в Европе, и в Азии, и во всех других районах⁹. Однако в 1945–1949 годах ведущую роль играет группировка, считавшая, что приоритет в американских планах

должен отдаваться Западной Европе, а не Азии. В то же время США не отказывались от проникновения в Азию и захвата там прочных позиций, что должно было стать составной частью их усилий в борьбе за мировое господство. Воспользовавшись поражением Японии, США стремились заполнить «вакуум», образовавшийся в результате вынужденного ухода Японии из Юго-Восточной Азии, обеспечить плацдарм для проникновения в Индию, но главное — добиться прочного и всестороннего влияния в Китае.

Несмотря на то, что в довоенное время в США изучению Японии не уделялось должного внимания и о многих сторонах японской действительности американцы не имели достаточно четкого представления, та информация и те сведения, которые они получили из официальных публикаций и заявлений, материалов прессы, их личные впечатления подводили к выводу о необходимости проведения в этой стране всесторонних и радикальных преобразований. И в ходе войны, и на ее завершающем этапе общественное мнение в Соединенных Штатах было настроено решительно в пользу осуществления преобразований, направленных в первую очередь на демократизацию политической жизни в этой стране.

При этом следует отметить ту роль, которую сыграла антияпонская пропаганда, развернутая в США в годы Второй мировой войны, в формировании политического курса США в отношении Японии.

С самого начала столкновения интересов США и Японии, особенно вокруг Китая, официальная пропаганда в США через средства массовой информации исподволь подогревала среди американцев чувство антипатии к японцам, создавала представление о них как о хитрых и коварных людях, которым нельзя доверять. Неожиданное нападение японского флота на Пёрл-Харбор способствовало тому, что подобное представление о японцах стало господствующим.

Постепенно с помощью целенаправленных пропагандистских и практических мероприятий в США подогревались и расовые предрассудки в отношении японцев.

Комиссия О. Робертса, изучавшая причины, приведшие к катастрофе в Пёрл-Харборе, в своем докладе особенно подчеркивала ту роль, которую сыграла в подготовке нападения на американский флот шпионская деятельность японцев, проживавших на Гавайских островах. Этого вывода оказалось достаточно для того, чтобы обвинить в изменнической деятельности всех американцев японского происхождения, несмотря на то что после Пёрл-Харбора не было раскрыто ни одного случая саботажа или шпионажа со стороны американцев японского происхождения и японцев, проживавших на тихоокеанском побережье США¹⁰.

Экономические круги США, заинтересованные в том, чтобы избавиться от своих японских конкурентов, как отмечает американский профессор В. Ньюмен, вносили свою лепту в разжигание антияпонской истерии, подогреваемой страхами о возможном военном вторжении японцев на территорию США¹¹.

Наивысшего подъема антияпонские настроения достигают в 1942 году, когда более 110 тысяч японцев, проживавших в США (две трети из которых имели американское гражданство), были переселены в специальные лагеря, в которых они, будучи лишены конституционных и юридических прав, находились за колючей проволокой под вооруженной охраной вплоть до окончания войны.

Насильственное переселение американцев японского происхождения в специальные лагеря, которое не являлось необходимым с военной точки зрения (это, в частности, подтвердил командующий западным театром военных действий генерал-лейтенант Дж. Деви́т)¹², было одобрено президентом, обеими палатами Конгресса, поддержано Вер-

ховным судом¹³ и стало, по определению профессора В. Ньюмена, «самым значительным нарушением гражданских свобод в истории Соединенных Штатов»¹⁴.

Характерно, что ничего подобного не было предпринято ни в отношении американцев немецкого происхождения, ни в отношении американцев итальянского происхождения.

В антияпонской пропаганде военного времени ясно прослеживается тенденция обвинить в развязывании войны весь японский народ и разжечь расовую ненависть по отношению к японской нации. В 1942 году министр юстиции Эрл Уоррен в связи с массовым переселением японцев в лагеря заявлял: «Я могу доверять лишь лояльности белых людей»¹⁵, а начальник мобилизационного управления П. Макнат открыто призывал «убивать японцев всех до единого»¹⁶. Эти настроения подогревались корреспондентами с фронта, рассказывающими о жестокости японцев.

Разжигание враждебных чувств к японскому народу препятствовало трезвому и обстоятельному анализу действительного положения вещей в Японии. Не появилось в этот период и сколь-нибудь значительных научных исследований, посвященных Японии. В немногочисленных исследованиях военного времени японский народ рассматривался агрессивным по своей природе, а жестокость японцев объяснялась соответствующим воспитанием¹⁷. На основе этих выводов «составлялись предназначенные для Японии листовки и пропагандистские материалы, обучались офицеры армии и флота, которым предстояло участвовать в оккупации Японии»¹⁸. Не случайно поэтому опросы общественного мнения, проведенные в США в 1945 году, свидетельствовали о том, что подавляющее большинство американцев по сравнению с немцами считало японцев более жестокими и менее демократически настроенными¹⁹.

В связи с этим делался вывод о том, что если немцев будет не так уж трудно «вернуть на путь демократии», то в Японии придется начинать с обучения японцев ее азам²⁰.

Подготавливая и проводя в 1945–1946 годах в Японии реформы по демократизации и демилитаризации Японии, США считали неизбежным наличие в них определенного радикализма, т. к. исходили из предпосылки, что после окончания оккупации правящие круги Японии безусловно предпримут усилия, направленные на пересмотр или даже полный отказ от этих реформ²¹.

Укрепив в результате войны свои глобальные позиции, правящие круги США стали строить свою внешнеполитическую доктрину в расчете на неограниченность американских возможностей по управлению мировыми процессами.

Возлагая на себя бремя лидерства, США после войны взяли курс на сдерживание СССР, на борьбу с социализмом в Европе и национально-освободительным движением в Азии. Однако, осуществляя антисоветскую политику и «противодействуя распространению коммунизма», Соединенные Штаты отнюдь не стремились предстать перед народом в качестве «мирового жандарма». Упоная на свою мощь, а также учитывая то, что в только что закончившейся войне народы выступали под демократическими и антифашистскими лозунгами, правящие круги США в первый послевоенный период стремились продемонстрировать превосходство политической системы США, представить ее в качестве «образца демократии», которому должны следовать все страны.

Теоретики, идеологи и пропагандисты американской политической системы считали, что Япония может стать весьма подходящим «полигоном», на котором и будет проведен опыт по насаждению буржуазной демократии в том виде, как ее понимают правящие круги США. В случае ус-

пешного окончания эксперимента Япония должна была стать эталоном государства буржуазной демократии, за которым по начертанному Соединенными Штатами пути последуют и другие страны Азии, отвергая «коммунистические идеи»²².

В связи с этим администрация США заявляла о своей приверженности Потсдамской декларации и одобрила разработанные координационным комитетом Госдепартамента, военного и военно-морского министерств основные направления политики США по оккупации Японии, которые были изложены в опубликованном 23 сентября 1945 года документе под названием «Основные принципы политики США в отношении Японии в начальный период оккупации» (одобрен президентом Г. Трумэном 6 сентября 1945 года). Этот документ, предусматривавший проведение в Японии многих мероприятий по демократизации и демилитаризации, был призван также показать, что США учитывают требования и интересы стран, пострадавших от японской агрессии, имеют программу достаточно радикальных демократических преобразований в Японии, в связи с чем нет необходимости разрабатывать какую-то новую программу и вмешиваться в процесс ее выполнения.

В документе формулировались как основные принципы оккупационной политики, во многом перекликавшиеся с положениями Потсдамской декларации, так и определялись конкретные меры, которые должны были быть осуществлены по демилитаризации и демократизации Японии.

Так, констатировалось, что после «быстрой, решительной и полной» демилитаризации «Япония не будет обладать армией, морским флотом, воздушными силами, секретной полицией и гражданской авиацией. Будут распущены и запрещены все крайне националистические и милитаристские общественные, политические и коммерческие общества и институты».

Большой раздел отводился задачам демократизации японского общества. Заявлялось о намерении «поощрять стремление японского народа к индивидуальным свободам и демократическому процессу», «оказывать поддержку демократическим политическим партиям», отменить законы, указы и постановления, которые устанавливали дискриминацию на основе расы, национальности, веры или политических взглядов». «Японский народ, как отмечалось, будет поощряться к развитию стремления к индивидуальным свободам, уважению к основным человеческим правам, особенно к свободе религии, собраний, слова и печати».

Подробно расписывались этапы развития японской экономики на ближайшую перспективу. Естественно, основной упор делался на экономической демилитаризации, т. е. «уничтожении экономической базы японской военной мощи». От японских властей ожидалось, что они обеспечат удовлетворение репарационных поставок за японскую агрессию, «полное и быстрое возмещение всей награбленной собственности», а также будут «содействовать восстановлению японской экономики для того, чтобы иметь возможность удовлетворить разумные мирные требования населения».

Анализ «Основных принципов политики США в отношении Японии в начальный период оккупации» (в газете «Правда», опубликовавшей 24 сентября 1945 года подробное изложение документа, он именовался как «Заявление Белого дома о политике в отношении Японии») позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, документ содержит достаточно подробный набор принципов и мер, которые оккупационные власти намеревались осуществить по полной демилитаризации и глубокой демократизации Японии. Этот документ был направлен Верховному главнокомандующему Союзных Держав, а также соответствующим американским министерст-

вам и ведомствам как руководство к действию. Таким образом, не в штабе оккупационных войск и не его главой генералом Д. Макартуром определялись основы послевоенной политики в отношении Японии. Им предстояло выполнить предписания Белого дома.

Заместитель госсекретаря Дин Ачесон публично заявил, что «оккупационные власти являются инструментом политики, а не ее определяющим фактором».

Во-вторых, из самого факта публикации документа в советской прессе, что не могло быть сделано без указания из Кремля, следует, что советское руководство в целом не только не возражало против содержащихся в нем положений, но и соглашалось с ними. Не случайно впоследствии основные положения, содержащиеся в этом документе, были одобрены и развиты в решении Дальневосточной комиссии «Основная политика в отношении Японии после капитуляции» от 19 июня 1947 года²³.

По мере того как поражение Японии становилось все более очевидным, в правительственных кругах США укреплялась тенденция единолично воспользоваться плодами победы, отстранить другие государства, и в первую очередь СССР, от участия в оккупации и разработке оккупационной политики, «сделать оккупацию Японии чисто американским предприятием»²⁴. С этой целью Вашингтон стремился подчеркивать, что именно США сыграли основную роль в победе над Японией и потому имеют все основания единолично осуществлять оккупацию. «США, — пишет профессор С. Синобу, — вступив с Японией в переговоры о капитуляции, развернули деятельность, направленную на то, чтобы лишить СССР права высказываться по вопросам оккупации Японии после ее капитуляции»²⁵. Эту же цель преследовали и атомные бомбардировки, которые должны были продемонстрировать Японии мощь США, оказать сдерживающее влияние на СССР и создать впечатление, что «не

вступлением СССР в войну с Японией, а действиями США решилась капитуляция Японии»²⁶.

К июлю 1945 года подкомитет Дальнего Востока при координационном комитете Государственного департамента, военного и военно-морского министерств в общем виде составил программу основных директив, которые надлежало ввести в действие с началом оккупации Японии²⁷, однако американская администрация, как отмечает американский исследователь Г. Фейс, «вовсе не была расположена выносить на всеобщее обсуждение свои планы управления поверженной Японией и осуществления оккупации страны»²⁸. Более того, она предпринимала меры к тому, чтобы отстранить Советский Союз от решения политических проблем, связанных как с окончанием войны против Японии, так и с разработкой оккупационной политики²⁹. Это нашло свое отражение уже на Потсдамской конференции, когда Потсдамская декларация, определяющая условия японской капитуляции, была вручена советской делегации лишь «для сведения»³⁰.

Учитывая то, что при осуществлении совместной оккупации Германии США приходилось считаться с позицией Советского Союза по всем основным вопросам оккупационной политики, американская администрация по прямому указанию президента Г. Трумэна стремилась избежать повторения «опыта Германии» в Японии, отстранить от участия в оккупации советские войска, а заодно и войска других партнеров по коалиции³¹.

В соответствии с этим курсом 18 августа 1945 года правительство США отвергло предложение Советского Союза о размещении советских войск на части японской территории (северной половины о. Хоккайдо)³², а Верховным главнокомандующим союзными оккупационными войсками в Японии односторонним актом был назначен командующий вооруженными силами США на Тихом океане генерал Д. Макар-

тур. Если не считать незначительных контингентов войск Британского Содружества наций (английских, австралийских, новозеландских и индийских), в оккупации участвовали почти исключительно американские части. Штаб оккупационных войск (ШОВ), за исключением нескольких англичан, был также полностью укомплектован американцами.

Предвосхищая возможность создания каких-либо органов по определению политики оккупации Японии и контроля за ее выполнением из числа стран, участвовавших в войне с Японией, Белый дом уже в «Основных принципах политики США в отношении Японии в начальный период оккупации» подчеркивал, что в случае возникновения каких-либо расхождений во взглядах между союзными державами в отношении оккупационной политики «господствовать будет политика Соединенных Штатов»³³. Эта позиция была подтверждена в заявлении, сделанном президентом Г. Трумэном 26 сентября 1945 года³⁴.

Однако, исходя из вышеуказанного, было бы не совсем оправданным делать вывод о том, что оккупация и, главное, проведение оккупационной политики были «исключительно американским предприятием».

Необходимо учитывать то влияние, которое оказывал Советский Союз на разработку программы действий государств — участников антифашистской коалиции, определяющей их цели в войне и принципы послевоенного мирного урегулирования. В ходе войны и в результате победы в Великой Отечественной войне упрочилось международное положение Советского Союза, возрос его авторитет, усилилось его влияние на международной арене. Все это способствовало выработке решений Ялтинской конференции и Потсдамской декларации. Москва считала необходимым проведение переустройства социального и экономического уклада Японии. Другое дело, какое конкретно переустройство, или, вернее, его результаты, имело в виду советское руководство.

В Белом доме понимали, что с учетом участия в войне с Японией стран Британского Содружества, Китая, Советского Союза, других стран создание международных органов по согласованию, хотя бы и формальному, политики Союзных Держав в отношении поверженной Японии было неизбежным.

Поэтому уже 21 августа 1945 года США выступили с предложением о создании Дальневосточной консультативной комиссии. Предполагалось, что ДВКК не будет иметь полномочий для определения политической линии в отношении Японии, а будет лишь представлять рекомендации правительствам стран, принимающим участие в работе комиссии. Таким образом, ДВКК не располагала бы возможностями для непосредственного влияния на деятельность американских оккупационных властей.

Советский Союз в сентябре 1945 года на Лондонском совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции предложил учредить из представителей четырех держав (США, Великобритания, СССР и Китай) контрольный совет по Японии, аналогичный уже действовавшим союзным контрольным комиссиям в Румынии и Венгрии. Однако представители США и Великобритании отклонили это предложение, так же как и предложение советской делегации обсудить вопрос о политике союзных государств в Японии³⁵.

Игнорируя мнение Советского Союза, США поспешили объявить в начале октября 1945 года о создании ДВКК в составе девяти государств — США, СССР, Китая, Англии, Франции, Австралии, Новой Зеландии, Канады, Нидерландов. Советский Союз отказался принять участие в работе комиссии, начавшей функционировать в Вашингтоне 6 ноября 1945 года, подчеркнув, что международный контрольный орган для Японии не может и ни в коем случае не должен ограничиваться лишь консультативными функ-

циями, а должен стать верховным органом Союзных Держав по контролю над Японией³⁶.

Настойчивая позиция Советского Союза в отношении создания контрольных органов для Японии вынудила США пойти на пересмотр своей позиции в этом вопросе. На совещании министров иностранных дел трех держав — СССР, США, Англии — в декабре 1945 года в Москве было достигнуто соглашение об учреждении Дальневосточной комиссии (ДВК), заменившей ДВКК, и Союзного совета для Японии.

Формально ДВК располагала довольно широкими полномочиями. В ее функции входило «формулировать политическую линию, принципы и общие основания, в соответствии с которыми может осуществляться выполнение Японией ее обязательств по условиям капитуляции», а также «пересматривать по требованию любого члена любую директиву, данную Главнокомандующему Союзных Держав, или любые решения, принятые Главнокомандующим, относящиеся к политической линии, проведение которой подпадает под юрисдикцию Комиссии»³⁷.

Решения ДВК должны были передаваться администрации США, которой на их основе предстояло разрабатывать директивы и направлять их главнокомандующему для превращения в жизнь.

На Московском совещании было принято решение учредить также Союзный совет для Японии из представителей США, СССР, Китая и Британского Содружества наций «для целей консультации с Главнокомандующим и дачи ему советов по вопросам, касающимся осуществления условий капитуляции, оккупации и контроля над Японией, а также выполнения директив, дополняющих эти условия, и в целях осуществления контролирующей власти, настоящим предоставляемой»³⁸. Главнокомандующий обязан был консультироваться с Союзным советом перед изданием

приказов по вопросам, имеющим существенное значение для проведения оккупационной политики.

Таким образом, была создана система совместных контрольных органов и заложены основы для осуществления главных задач оккупации, а именно: демилитаризации и демократизации Японии.

Тем не менее, поскольку США фактически единолично осуществляли оккупацию Японии, Вашингтон, используя несовершенство функций ДВК и Союзного совета, сложный и многоступенчатый характер выработки политических решений, постоянно пытался либо обеспечивать принятие выгодных исключительно для США решений, либо осложнять деятельность ДВК в Вашингтоне и Союзного совета в Токио, либо не учитывать их рекомендаций в практической деятельности оккупационной администрации.

Вместе с тем США не могли полностью игнорировать существование этих органов. Именно благодаря этому в первые полтора года с начала деятельности в марте 1946 года Дальневосточной комиссии на ее заседаниях было принято более 40 политических решений, затрагивающих такие важные вопросы, как демилитаризация Японии, новая конституция, репарационная проблема, профсоюзное законодательство. Союзный совет за время своего существования провел 162 заседания, на которых обсуждались проблемы, связанные с проведением земельной реформы, роспуском дзайбачу, репатриацией японских граждан, обеспечением населения продовольствием³⁹.

Следует признать, что, если в США испытывался недостаток в квалифицированных специалистах по Японии, в Советском Союзе и в других странах-союзниках глубокое изучение различных аспектов японского общества практически отсутствовало. К тому же присутствие представителей союзников в Японии в период оккупации было ограниченным, а американцы усиленно намеревались недостаток

знаний японской действительности активными исследованиями и постоянным общением с японскими политиками, бизнесменами, учеными, представителями средств массовой информации и общественности. Получаемые знания и информация «на месте» были сильными козырями в отстаивании американцами «обоснованности и правильности» действий США в Японии в период проведения реформ по демилитаризации и демократизации Японии.

Воспользовавшись практически единоличной оккупацией Японии американскими войсками, США сосредоточили главные функции по претворению в жизнь оккупационной политики в Главном штабе Верховного главнокомандующего вооруженными силами Союзных Держав, который возглавлялся назначенным Белым домом генералом Д. Макартуром⁴⁰.

Возглавлявший деятельность оккупационного штаба генерал Д. Макартур пользовался поддержкой правого крыла республиканской партии, националистически настроенных политических деятелей и прессы. Эти политические силы выступали за выдвижение Д. Макатура кандидатом в президенты, т. к. видели в нем «сильную личность», способную твердой рукой править в США, контролировать деятельность «левых элементов», проводить жесткую политику в отношении профсоюзов, защищать интересы крупного капитала⁴¹.

При формировании штаба оккупационных войск Д. Макартур назначил на наиболее важные посты пользовавшихся полным его доверием сотрудников штаба главнокомандующего вооруженными силами США на Тихом океане, которые воевали под его руководством на полуострове Баатан (Филиппины) и составляли так называемую группу «ребят из Баатана».

Многие американские и японские историки в своих работах, посвященных оккупационному периоду, склонны

преувеличивать роль Д. Макартура в деле проведения политики по демократизации и демилитаризации Японии, акцентируют внимание на его расхождениях с официальным Вашингтоном. Однако, как справедливо отмечает профессор С. Синобу, «определенное недовольство Вашингтона Д. Макартуром касалось его действий лишь как проводника политики США, а не как ее создателя»⁴². В документе «Основные принципы политики США в отношении Японии в начальный период оккупации» констатировалось, что Верховный главнокомандующий «будет обладать всеми полномочиями для осуществления условий капитуляции и проведения такой политики, которая устанавливается в отношении оккупации Японии и контроля над ней»⁴³. Эта политика начала проводиться в Вашингтоне после того, как администрации были представлены доклады и рекомендации специальных групп экспертов и миссий, направляемых из США в Японию для детального изучения положения на месте. Кроме того, формально Верховный главнокомандующий обязан был содействовать выполнению решений ДВК и руководствоваться рекомендациями Союзного совета.

Однако Д. Макартур не хотел мириться с тем, что ему отводилась лишь роль исполнителя. Он стремился постоянно показывать, что оккупационная политика разрабатывается якобы не в Вашингтоне и тем более не в ДВК, а в оккупационном штабе. Для этой цели использовались, в частности, находившиеся в Японии представители американских средств массовой информации, от которых Д. Макартур требовал всяческого восхваления его деятельности.

На первом этапе оккупации в оккупационном штабе сложились две противостоящие друг другу группировки, которые расходились во мнениях по принципиальным вопросам проведения оккупационной политики (всего в штабе работало около трех тысяч американцев). В штабе было

немало офицеров и экспертов, которые представляли средние слои населения США и основа мировоззрения которых базировалась на убежденности в «могуществе и превосходстве американской демократии». Они верили в заявления руководителей администрации США об «освободительной и демократической миссии» США в Японии, а также в то, что «истинные цели оккупации были более радикальными, чем это было на самом деле»⁴⁴. В состав этой группировки входили также последователи рузвельтовского курса, от которых после смерти Ф. Рузвельта стремились избавиться, направляя их на работу подальше от Вашингтона, в Токио. В составе этой группировки выделялись сотрудники правительственной секции Т. Биссон, Ч. Кейдс, секции экономики и науки Э. Хадли, У. Карпинский, А. Константино, Т. Коэн, секции естественных ресурсов В. Ладежинский, секции гражданской информации и образования Д. Кондэ, К. Дайк. Впоследствии многие из них займются углубленным изучением Японии и выпустят серьезные научные монографии. «Эти люди, — пишет профессор С. Синобу, — оказывали определенное влияние на общую консервативную обстановку в штабе... и были основной движущей силой, выступавшей за проведение политики демократизации после начала оккупации»⁴⁵. Однако активная деятельность группы этих лиц была ограничена лишь начальным периодом оккупации. Заслужив за свою приверженность идеям демократии репутацию «розовых» («pink») и идеалистов, они недолго удерживались на своих постах. «Один за другим, — пишет американский журналист М. Гейн, — эти мечтатели исчезли. Одни возвращались домой... другие уезжали в полном замешательстве, а третьих выживали. На их место назначались “надежные” офицеры»⁴⁶. Впоследствии некоторые из представителей этой группировки были допрошены комиссией Конгресса по расследованию антиамерикан-

ской деятельности в связи с их службой в оккупационном штабе.

Устранение из штаба этих сотрудников было особенно активно на втором этапе оккупации, когда проведение реформ было завершено и главное внимание стало обращаться на объединение усилий штаба и правящих кругов Японии по стабилизации внутривнутриполитической и экономической обстановки в стране.

В результате все более прочные позиции в штабе занимала группировка, которую возглавлял начальник отдела «Джи-2» генерал Ч. Уиллоби, заслуживший за свои антидемократические взгляды прозвище «Д. Маккарти оккупационных войск». Эта группировка выступала против коренных преобразований японского общества, затормаживала проведение мероприятий по демократизации страны и считала, что «консервативная Япония является нашим (США. — А. П.) лучшим союзником в будущей борьбе с Россией»⁴⁷.

Столкновения между представителями обеих группировок по основным вопросам оккупационной политики нередко принимали острый и принципиальный характер.

Обстановка взаимного недоверия и вражды, сложившаяся в оккупационном штабе, усугублялась стилем руководства Д. Макарура, для которого были характерны надменность, театральность, нетерпимость к каким-либо критическим замечаниям, чрезмерное тщеславие и требование полного подчинения его указаниям. Между руководителями секций и отделов шла конкурентная борьба за право выслужиться перед Д. Макаруром, добиться его расположения. Руководители секций и отделов ревниво следили за тем, чтобы в их деятельность не вмешивались другие сотрудники штаба. В результате многие отделы, занимаясь сходными проблемами, принимали противоположные решения.

Штаб главнокомандующего осуществлял общее руководство проведением оккупационной политики. Контроль за претворением ее в жизнь был возложен на дислоцированную в Японии Восьмую американскую армию. Оккупационный штаб направлял в специально созданный при штабе Восьмой армии отдел военной администрации копии директив, адресованных японскому правительству. Отдел на основании директив составлял оперативные указания и направлял их в аналогичные отделы штабов корпусов. Оттуда оперативные указания поступали в восемь региональных отделов военной администрации. Наконец, указания попадали в находящиеся в каждой префектуре группы военной администрации, которые и должны были следить за выполнением японским правительством и местными органами власти директив оккупационного штаба. Подобная громоздкая система контроля не способствовала его эффективному осуществлению, и не случайно именно на местах японские власти нередко имели возможность игнорировать, саботировать или проводить в своих интересах директивы оккупационного штаба.

«Наши представители в префектурах, — пишет Э. Рейншауэр, — часто ставились в затруднительное положение местными японскими властями, которые оказывались информированными своими коллегами об американских политических решениях, принятых в Токио, намного раньше того, как сообщение об этом передавалось через наши окольные военные каналы... Завися от японцев в такой степени — от их информации и от окончательного претворения ими в жизнь политики, многие американские должностные лица чувствовали себя погруженными в трясину японского неправильного понимания указаний, их неэффективного исполнения и даже саботажа»⁴⁸.

Кроме того, в отличие от Токио и других крупных городов, подвергшихся разрушению, в которых после капиту-

ляции располагались крупные контингенты оккупационных войск, на периферии, особенно в деревне, местное довоенное руководство сохраняло свое прежнее влияние, а население в большей степени было склонно следовать установившимся порядкам.

Из вышесказанного было бы неправильно делать вывод о том, что Штаб оккупационных войск являлся неэффективным органом. В таком случае вряд ли были бы возможны те изменения, которые произошли в Японии. Следует учитывать заинтересованность Соединенных Штатов в достижении своих целей. Кроме того, как уже отмечалось, весьма позитивную роль, особенно на первом этапе оккупации, когда осуществлялась программа реформ, сыграли те сотрудники штаба, которые искренне стремились к осуществлению в Японии широкой демократизации.

Глава III

РЕАКЦИЯ В ЯПОНИИ НА ОККУПАЦИЮ И НАЧАЛО РЕФОРМ ПО ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ И ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Милитаристская политика японских правящих кругов принесла огромные бедствия японскому народу.

1 миллион 855 тысяч японцев погибло на полях сражений или в результате бомбардировок японских городов.

678 тысяч пропали без вести или были ранены. 8 миллионов остались без крова. Многие японцы жили в прямом смысле в руинах. Жизнь в 16 наиболее крупных городах в результате массированных бомбардировок американской авиации была почти полностью парализована. Из 206 городов 98 были разрушены. Японцы называли свои города «яки-но хара» («выжженные поля»).

Даже через три года после окончания войны 3,7 миллиона семей все еще не имели жилья.

Экономика страны была серьезно подорвана. В ходе войны Япония потеряла более 30 % своего национального богатства, главным образом в результате налетов американской авиации. На 85 % были уничтожены мощности нефтеперерабатывающей промышленности, на 60 % — авиационной, на 48,2 % — станкостроения, на 24,5 % сократилась выплавка чугуна¹.

Материальные ресурсы страны были истощены, не хватало продовольствия, топлива. Значительная часть населения не доедала. В условиях всеобщего дефицита товаров

повседневного спроса огромными темпами росла инфляция, процветал черный рынок, непривычными для японского общества темпами развивалась преступность. После войны в Японию вернулось 5,4 миллиона демобилизованных «репатриантов из колоний». В апреле 1946 года насчитывалось около 20 % безработных от трудоспособного населения.

Основатель фирмы «Сони» Акио Морита в своей автобиографии следующим образом описывает условия жизни японцев в первый послевоенный период:

«В Токио работали лишь 10 % трамваев. В рабочем состоянии было всего 60 автобусов, совсем немного автомобилей и грузовиков. Когда кончилось жидкое топливо, большинство из них были переведены на уголь и дрова. Свирепствовали эпидемии, количество больных туберкулезом достигло уровня 22 % населения. В больницах не было ничего, даже бинтов, ваты и дезинфицирующих средств. Полки магазинов были пусты или заполнены такими абсолютно бесполезными в данной ситуации товарами, как скрипичные смычки и теннисные ракетки без струн»².

Люди находились в растерянности, нация никогда не терпевшая поражения в больших войнах от иностранных держав и тем более не подвергавшаяся оккупации иностранными войсками, пыталась осознать причины катастрофы и на первом этапе после капитуляции даже не помышляла найти путь к возрождению в радикально новых условиях.

Помимо материального ущерба и человеческих жертв, война принесла японскому народу и огромный морально-политический ущерб. Во время подготовки и в ходе войны были ликвидированы все и без того куцые права и свободы. В стране была установлена военно-полицейская диктатура.

Поражение Японии в войне нанесло тяжелый удар по всему социально-политическому строю страны, в значительной степени подорвало позиции правящих военно-бюрократических, аристократических и помещичьих кругов.

Особо тяжело воспринимала поражение японская военная элита, привыкшая к господству и почитанию в обществе. Моральный дух и авторитет некогда «доблестной» и «несокрушимой» армии были подорваны. Наблюдалось повсеместное падение дисциплины в воинских частях, кражи военного и государственного имущества и продовольствия военными и связанными с ними чиновниками.

В этой обстановке 2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури», находившегося в Токийском заливе, состоялось подписание Акта о капитуляции Японии.

По поручению японского правительства Акт о капитуляции «от имени императора и правительства и по их приказу» подписали министр иностранных дел Мамору Сигэмицу, а также «от имени Ставки и по ее приказу» — начальник генерального штаба Е. Умэдзу.

Затем от стороны, принимающей капитуляцию, Акт подписали Верховный главнокомандующий Союзных Держав генерал Д. Макартур и представители Советского Союза, Великобритании, Китая, Австралии, Канады, Франции, Голландии и Новой Зеландии. Японские представители, вернувшись в Токио, доложили императору о выполнении своей миссии. Вторая мировая война завершилась разгромом и капитуляцией развязавших ее «держав оси» — Германии, Италии и Японии.

И до подписания Акта о капитуляции, и после церемонии на борту линкора «Миссури» правящая группировка в Японии продолжала, оставаясь в неведении о намерениях стран-победительниц в отношении реформирования страны, действовать по двум основным стратегическим направлениям.

Во-первых, активизировалась деятельность по сохранению существующего государственного строя, т. е. по защите монархии.

И, во-вторых, осуществлялась демонстрация перед Союзными Державами своих возможностей контролировать ситуацию в стране и готовность сотрудничать с оккупационными властями.

По первому направлению, помимо уже упоминавшихся действий правительства Н. Хигасикуни, значительно усиливалась работа по разъяснению населению причин поражения в войне, вина за которое однозначно отводилась от императора и военных и перекладывалась на всю нацию.

Главной причиной, приведшей к поражению и катастрофе, было объявлено «падение морали японского общества».

Премьер-министр Н. Хигасикуни на пресс-конференции 28 августа заявил о том, что причина поражения кроется в падении морали среди японского населения. «Сейчас, говорил он, для всей нации — военных, государственных чиновников, простых людей — настало время глубоких размышлений и покаяния. Именно покаяние станет первым шагом на пути к возрождению и единству»³.

При этом правительство Н. Хигасикуни выдвинуло идею о возрождении так называемого «клятвенного обещания», которое было провозглашено в 1868 году императором Муцухито и представляло собой изложение основных принципов политики после государственного переворота⁴.

Клятвенное обещание состояло из 5 пунктов:

«1. Будет создано широкое собрание, и все государственные дела будут решаться в соответствии с общественным мнением.

2. Все люди, как правители, так и управляемые, должны единодушно посвятить себя преуспеванию нации.

3. Всем военным и гражданским чинам и всему простому народу будет позволено осуществлять свои собственные стремления и развивать свою деятельность.

4. Все плохие обычаи прошлого будут упразднены; будут соблюдаться правосудие и беспристрастие, как они понимаются всеми.

5. Знания будут заимствоваться во всем мире, и таким путем основы империи будут упрочены.

Под претворением в жизнь этих принципов в новых условиях правительство понимало «демократизацию» страны и стремилось противопоставить их Потсдамской декларации. Эта политика правительства нашла поддержку у многих представителей правящих кругов и организаторов послевоенных политических партий. Игравшие видную роль в создании Прогрессивной партии Цунэо Канэко и Социалистической Тэдзабуро Мидзутани заявили о том, что путь к созданию «японской демократической политики» лежит в единении императора и народа и последовательном претворении в жизнь положений «клятвенного обещания». Аналогичную позицию занимал и Итиро Хатояма, который считал, что все ошибки прошлого заключались в нарушении и отходе от принципов «клятвенного обещания» и что «клятвенное обещание» полностью соответствует духу Потсдамской декларации⁵.

Правительство Н. Хигасикуни, сконцентрировав свое внимание на сохранении существующих порядков, рассчитывало на успех своей стратегии, так как полагало, что удастся выиграть время и, воспользовавшись начавшими обостряться американо-советскими разногласиями, добиться дружелюбного отношения со стороны США и свести преобразования к минимуму.

Частично эта стратегия сработала. Прежде всего правящим кругам удалось вывести из-под удара императора Хирохито, а затем и обеспечить сохранение монархии.

Первоначально среди сотрудников Штаба оккупационных войск преобладали настроения в пользу «наказания императора за руководство милитаристской, агрессивной Японией и за ликвидацию монархии»⁶. Часть сотрудников считала его царствующим военным преступником, заслуживающим справедливого наказания, другие рассматривали его «в качестве жалкой близорукой марионетки, которую следует выбросить сейчас, когда ее манипуляторы взяты в плен»⁷.

Сам Д. Макартур впоследствии признавал, что он прибыл в Японию «готовый быть суровым с ним» (императором)⁸. Однако по мере развития событий позиция Д. Макарута начинает претерпевать изменения.

В известной степени этому способствовали действия правящих кругов Японии, которые взяли инициативу в свои руки. Когда им стало известно о том, что США намерены ввести в Японии режим военного правления, на встречу с Д. Макаруром 3 сентября был направлен министр иностранных дел М. Сигэмицу, который, подчеркивая готовность императора и японского правительства соблюдать положения Потсдамской декларации и сотрудничать с оккупационными властями, убеждал использовать для проведения оккупационной политики правительство Японии, аргументируя это тем, что если оккупационные войска не разрешат существование японского правительства и будут сами проводить в жизнь оккупационную политику, то к каким бы результатам это ни приводило, ответственность будет лежать не на правительстве Японии, а на оккупационных властях⁹. США усмотрели в подобной аргументации многие выгодные для себя моменты, и режим прямого военного правления не был введен, а японский правительственный аппарат был сохранен.

В «Основных принципах политики США в отношении Японии в начальный период оккупации» определялось, что

с учетом «нынешнего характера японского общества и желания Соединенных Штатов добиться своих целей с минимальными обязательствами для их войск и ресурсов, Верховный Главнокомандующий будет осуществлять свою власть через посредство японской правительственной машины и агентство, включая императора...». При этом «власть императора и японского правительства будет находиться в подчинении Верховного Главнокомандующего...»¹⁰.

В американских исследованиях послевоенной политики США в Японии существует общая тенденция оправдывать использование Вашингтоном старой системы управления страной ссылками на невозможность введения прямого правления военной администрации в связи с отсутствием достаточного количества квалифицированного персонала, а также тем, что работники японской администрации в подавляющем большинстве «искренне и добросовестно» выполняли указания оккупационных властей.

Подобной точки зрения придерживаются и некоторые японские ученые. Так, профессор Токийского университета Х. Оути объясняет использование американскими оккупационными властями старой системы управления тем, что «японская бюрократическая система представляла собой устойчивую и эффективную структуру и ее использование обеспечивало более успешное осуществление оккупации, в то время как коренная перестройка аппарата управления лишь осложнила бы выполнение директив оккупационных властей»¹¹.

Однако на практике претворение в жизнь японским бюрократическим аппаратом директив оккупационных властей, как признает это Е. Ока и другие японские авторы, «позволяло многочисленным консервативным элементам, оставшимся в бюрократическом аппарате и после чистки, скрывать в пределах возможного директивы оккупацион-

ных властей, толковать их в своих интересах и прямо саботировать их выполнение»¹².

Еще до прибытия в Японию оккупационных войск при японском министерстве иностранных дел был учрежден специальный орган для поддержания повседневных контактов с оккупационными властями — Управление по связям с оккупационным штабом¹³. Управление выполняло важные функции по сбору для правительства Японии информации об оккупационном штабе, о предполагаемых директивах, о политической ориентации отдельных сотрудников штаба с тем, чтобы выделить тех, которые могли бы быть использованы в интересах японского правительства. «Получаемая информация, — отмечает С. Синобу, — имела чрезвычайно важное значение для японского правительства. Используя эту информацию, японское правительство не только имело представление о направленности оккупационной политики штаба Верховного Главнокомандующего, но и знало, какие директивы выполнять, а какие саботировать»¹⁴.

Руководители японского правительства были осведомлены о характере расхождений между различными группировками в оккупационном штабе. В своих мемуарах С. Ёсида не скрывает, что и он, и другие члены правительства поддерживали самые тесные отношения с сотрудниками отдела «Джи-2», ее начальником генералом Ч. Уиллоби и командующим Восьмой армией генералом Э. Эйкельбергером, которые были сторонниками «мягкого подхода» к реформам в Японии и «помогали нам (японскому правительству) поддерживать порядок в стране и бороться с коммунистами, когда они вновь стали активизироваться в Японии»¹⁵.

Если среди сотрудников штаба оказывались работники, с которыми представителям японского правительства не удавалось договориться, то они обращались непосредственно к генералу Д. Макартуру, с которым, по словам С. Ёсиды, были «установлены особо дружеские отношения»¹⁶.

При этом на первый план в японских руководящих кругах выходят видные дипломаты довоенной эпохи, которые принадлежали в министерстве иностранных дел к группировке «реалистов», или, как ее иногда именуют, «англо-америкалистов». Длительное время проработав на ответственных дипломатических постах в Лондоне и Вашингтоне, они хорошо представляли экономическую и военную мощь Англии и особенно США, на фоне которой японский военно-экономический потенциал заметно проигрывал. Отсюда их мнение о необходимости избежать столкновения с более могущественными конкурентами, попытаться достичь компромисса, который позволил бы Японии реализовать стратегию продвижения в Китае и Юго-Восточной Азии, не вступая в военный конфликт с США и Англией.

Среди наиболее заметных представителей этой группировки были К. Сидэхара (возглавлял МИД в 1924–1930 гг.) и посол Японии в 30-е годы в Италии и Англии Сигэру Ёсида¹⁷.

Именно на сотрудничество с представителями этой группировки делали ставку сотрудники Штаба оккупационных войск.

Управление по связям с оккупационным штабом было главной инстанцией, через которую шла деловая переписка между Штабом оккупационных войск и японским правительством. Практически все директивы оккупационных властей проходили через управление, его сотрудники осуществляли переводы всех важнейших документов, исходявших из ШОВ и направлявшихся в штаб японским правительством. Управление имело территориальные подразделения, которые оказывали содействие контактам представительства ШОВ на местах с японскими властями. Нередки были случаи, когда сотрудники управления притормаживали осуществление директив ШОВ, интерпретировали их в пользу японских интересов.

Вместе с тем было бы неправильным исходить из того, что японские правящие круги однозначно негативно относились к политике реформ.

После окончания войны влиятельные позиции в руководстве Японией заняли политические деятели и представители деловых кругов, которые понимали, в чем заключались основные причины сокрушительного поражения Японии, и считали, что без осуществления многих изменений в политической и экономической структуре невозможно возрождение Японии в качестве экономически могущественного и политически влиятельного государства.

До известной степени аналогичная ситуация складывалась в Японии после реставрации императорской власти в 1868 году, когда группировка, пришедшая к власти, стремилась осуществить в стране такие преобразования, которые ликвидировали бы отставание Японии от стран Европы и США. Придя к выводу о том, что США в своей политике по демократизации Японии не пойдут дальше тех мер, которые могли поставить под вопрос их дальнейшее нахождение у власти, эта группировка, а также многие другие представители правящих кругов, первоначально не настроенные подчиняться указаниям Штаба оккупационных войск, постепенно начинают все активнее сотрудничать с американскими властями. Война убедительно показала им, что американцы и европейцы обладают по сравнению с Японией значительным экономическим и научно-технологическим преимуществом.

Хотя на первом этапе оккупации правящие круги Японии в целом находились в состоянии растерянности и беспокойства, что проистекало не только из самого факта поражения в войне, но главным образом из создававшегося у них впечатления, что реформы и оккупационная политика США заходят слишком далеко, порождая угрозу «коммунистической революции», даже наиболее националистически на-

строенные политические деятели стремились своими действиями по возможности не раздражать оккупационные власти, т. к. рассчитывали на то, что «политика сотрудничества позволит скорее завершить оккупационный период, а затем все пойдет по-старому»¹⁸.

Правящие круги Японии быстро осознали, что японское правительство, сохраняющее преемственность с довоенными кабинетами министров, в сложившейся обстановке выступает единственным интерпретатором указаний оккупационных властей, т. к. именно на него была возложена обязанность претворения их в жизнь. Кроме того, как пишет в своих мемуарах С. Ёсида, «...мы — японцы, со своей стороны никогда не упускали возможности потребовать пересмотра или внесения изменений в ту оккупационную политику, которая, по нашему мнению, был негодна к употреблению и не соответствовала реальным условиям, существовавшим в Японии»¹⁹.

Пока Вашингтон, Д. Макартур и его штаб были в неведении о том, как им вести себя с императором, японская сторона предприняла шаги по организации встречи императора с Верховным главнокомандующим. Впоследствии Д. Макартур писал, что он якобы намеренно не вызывал императора на встречу, чтобы «не оскорбить чувство японского народа и не сделать императора мучеником в его глазах»²⁰, а ждал, пока император сам попросит его принять.

Однако, как представляется, японская сторона оказалась более дальновидной. Посещение императором Хирохито Д. Макарура, состоявшееся 27 сентября, выглядело вовсе не как простой визит вежливости, совершаемый по необходимости. Цель визита состояла в том, чтобы продемонстрировать готовность подчиняться власти Верховного главнокомандующего, вновь подтвердить намерение лояльно сотрудничать с оккупационными властями.

Кроме того, визит преследовал цель зондирования обстановки. То, что Д. Макартур согласился на встречу с императором и в ходе беседы не высказывался за ликвидацию монархии, было воспринято правящими кругами страны как «доброе предзнаменование»²¹.

Тем не менее встреча была организована американской стороной таким образом, чтобы продемонстрировать подчиненное положение императора Верховному главнокомандующему.

Император приехал на встречу с Д. Макартуром в американское посольство. Он был одет строго по дворцовому протоколу — во фраке с цилиндром в руке. Американский генерал принимал главу поверженного государства в будничной военной униформе. Император воплощал символ побежденной нации, а Д. Макартур — величия победителя.

Это хорошо видно на фото, сделанном американским фотографом. Рядом с Хирохито, невысоким, сутуловатым, в круглых очках, в напряженной позе, руки по швам, стоит Д. Макартур — высокий, расслабленный, руки на поясе.

Японские газеты первоначально отказались помещать этот снимок, сочтя, «что он может произвести неблагоприятное впечатление на нацию». После того как Штаб оккупационных войск направил по этому поводу протест в МИД Японии, снимок был напечатан. Но и, выполнив указание оккупационных властей, японские газетчики схитрили. Тираж газет в продажу не поступил.

На Д. Макартура встреча с императором произвела благоприятное впечатление и стала еще одним побудительным фактором его позиции в пользу сохранения Хирохито на троне. Между тем на всех переговорах с оккупационными властями представители японского правительства непременно подчеркивали, что ликвидация императорской системы может привести «к дезорганизации всей политической обстановки в стране и ее коммунизации»²².

26 ноября Д. Макартур сообщает в Вашингтон о том, что он не видит необходимости в изменении положения императора²³. А после заявления императора 1 января 1946 года о том, что императорская династия не имеет божественного происхождения, Д. Макартур начал утверждать, что «этим заявлением император ясно показывает, что выполняет руководящую роль по демократизации своего народа»²⁴.

В целом можно считать, что тактика правящих кругов Японии по защите императора и «национального государственного строя» себя оправдала. Им удалось убедить США в том, что император является их союзником и вместе с правительством готов сотрудничать с американскими оккупационными властями.

Тем не менее в правящих кругах Японии были и те, кто считал, что Хирохито должен оставить трон. Так, многие члены императорской семьи высказывались против продления власти императора. Среди них были его младшие братья — принцы Микаса, Такамацу, Титибу. Отречься от престола предлагал Хирохито и один из его ближайших советников, лорд-хранитель печати К. Кидо²⁵.

Но сам Хирохито с этим не соглашался. Император и его ближайшее окружение предприняли контрмеры против таких настроений.

12 октября принц Ф. Коноэ сообщил журналистам, что Хирохито знает о существовании позиции в пользу его отречения от престола, но что закон «Об императорском дворе» не предусматривает возможности отречения.

Приводилась и такая аргументация — император не может отречься от престола, поскольку он принял условия Потсдамской декларации и несет обязательства по их выполнению²⁶.

Нельзя исключать, что Хирохито исходил в том числе из того, что, оставаясь на троне, он имеет больше шансов избе-

жать предания его суду Международного трибунала. Проведенный в США службой «Гэллага» в начале июня 1945 года опрос свидетельствовал о том, что 77 % американцев выступают за суровое наказание японского монарха. 18 сентября в Сенат США была внесена резолюция, призывающая судить императора Японии Хирохито как военного преступника²⁷.

Кабинет Н. Хигасикуни, состоявший почти наполовину из министров, входивших в различные кабинеты военного времени, ставил своей основной задачей сохранение существующего государственного строя во главе с императором и полагал, что удастся выиграть время, воспользовавшись начавшимися все более обостряться американо-советскими разногласиями, добиться дружелюбного отношения со стороны США и свести преобразования к минимуму.

На решение таких важных вопросов, как продовольственный кризис, рост безработицы, инфляция, правительство внимания не обращало. Не предпринимало правительство никаких усилий для предоставления политических прав и общегражданских свобод в соответствии с требованиями Потсдамской декларации.

Более того, министр внутренних дел И. Ямадзаки в интервью корреспонденту агентства Рейтер 3 октября 1945 года заявил о том, что «секретная полиция, осуществляющая контроль за мыслями, в настоящее время продолжает свою деятельность и без пощады будет арестовывать коммунистов, ведущих антимонархическую пропаганду. Исходя из того, — добавил он, — лица, настаивающие на изменении формы правительства и особенно на отмене императорской системы, все являются коммунистами, они подлежат аресту на основе закона о поддержании порядка»²⁸.

Поэтому, когда 4 октября японскому правительству была направлена директива Штаба оккупационных войск об

«Отмене ограничений в отношении политических, гражданских и религиозных свобод», она застала правительство Н. Хигасикуни врасплох. В директиве содержалось требование ликвидировать все полицейские законы, в том числе запрещавшие свободу выражения мнений об императоре и о поддержании общественного порядка, распустить токко кэйсацу (политическая тайная полиция) и все другие органы подавления, уволить министра внутренних дел и руководство полицейских и других репрессивных органов.

11 октября по указанию оккупационных властей были выпущены на свободу около трех тысяч политических заключенных.

Требования, содержащиеся в директиве, были диаметрально противоположны курсу правительства Н. Хигасикуни. Именно так это было расценено членами кабинета, и после неудавшихся переговоров, которые были проведены с тем, чтобы убедить Штаб оккупационных войск сохранить применение закона о поддержании порядка в отношении коммунистов, правительство ушло в отставку.

Вопрос о новом премьер-министре в соответствии с довоенной практикой решался узким кругом лиц, приближенных к трону. 9 октября новый кабинет возглавил бывший дипломат Кидзюро Сидэхара²⁹, кандидатуру которого одобрил Штаб оккупационных войск.

В связи с тем, что политика предыдущего кабинета, основанная на решительном отрицании каких-либо нововведений, не оправдала себя, кабинет К. Сидэхара, не отказываясь от генеральной линии по защите «национального государственного строя», взял курс на подчеркивание готовности сотрудничать с оккупационными властями при одновременном ограничении проводимых реформ. В частности, с этой целью на посты министра внутренних дел, генерального секретаря кабинета министров, министра ино-

странных дел были соответственно назначены Д. Хорикири, Д. Цугида, С. Ёсида, которые считались членами «американо-английской группировки» в правящих кругах и должны были обеспечить успешное ведение переговоров с оккупационными властями.

11 октября 1945 года ШОВ в направленных японскому правительству директивах потребовал во исполнение положений Потсдамской декларации предоставить избирательное право японским женщинам, перестроить на демократических принципах систему образования, распустить органы подавления и создать систему правовой защиты граждан, провести демократизацию японской экономики, способствовать созданию профсоюзов рабочих.

Правительство не спешило выполнять эти директивы, но было вынуждено одобрить изменения в законе о выборах в палату представителей, по которым предоставлялось право голоса женщинам и снижался возраст имеющих право принимать участие в голосовании.

Однако по новому закону избирательное право не было предоставлено бывшим политическим заключенным. Пришлось вмешаться оккупационным властям и издать указ о предоставлении избирательных прав освобожденным из заключения политическим деятелям.

Поражение в войне, крайне тяжелое экономическое положение имели своим следствием значительное повышение активности народных масс. Однако в первое время эта активность носила по преимуществу характер экономических требований. Широкие массы трудящихся связывали надежды на изменения к лучшему не столько с собственной борьбой, сколько полагались на действия американских оккупационных властей.

Сразу после капитуляции к восстановлению своих партий стали готовиться бывшие руководители довоенных буржуазных партий. Разгоревшаяся борьба за власть меж-

ду различными группировками долгое время не позволяла достичь этой цели. Однако боязнь упустить инициативу и влияние, особенно в связи с выходом на свободу коммунистов и социалистов, побудила довоенных политиков ускорить образование своих партий.

9 ноября 1945 года была образована Либеральная партия Японии (Нихон дзюто). Основатель партии Итиро Хатояма стремился объединить всех «либералов», которые в парламенте военного времени высказывали некоторое недовольство методами правления военщины, а также ученых, журналистов, представителей делового мира. Однако ему удалось привлечь в основном бывших членов довоенной буржуазно-помещичьей Партии друзей конституционного правления (Сэйюкай), которые и составили ядро Либеральной партии. И. Хатояма стал председателем партии, а Итиро Коно — генеральным секретарем.

16 ноября 1945 года была сформирована Прогрессивная партия Японии (Нихон симпото), которую возглавил сначала Т. Матида, а затем К. Сидэхара. В партию в основном вошли члены довоенной партии Минсэйто, а также депутаты парламента — бывшие члены Ассоциации помощи трону.

Обе партии стремились снять ответственность за агрессивные действия Японии с политических и деловых кругов, переложить вину исключительно на японскую военщину. Партии признавали необходимость внесения ограниченных изменений в политическую и экономическую структуру, но при сохранении основ «национального государственного строя» и императора.

В декабре 1945 года под руководством Нака Фунада была создана Партия сотрудничества (Нихон кёдото), отражавшая интересы зажиточных крестьян, мелких и средних предпринимателей, служащих.

2 ноября 1945 года состоялся учредительный (первый) съезд Социалистической партии (Нихон сякайто).

СПЯ сложилась путем объединения представителей довоенных социал-демократических партий и групп. Предшественниками СПЯ можно считать Социал-демократическую партию (Сямин), выражавшую взгляды правой реформистской социал-демократии; Японскую рабоче-крестьянскую партию (Нитиро), центристскую, но находившуюся ближе к правым; Рабоче-крестьянскую партию (Роното), отражавшую взгляды левых социал-демократов, ставивших целью добиваться радикальных политических и социальных преобразований.

Кроме того, в СПЯ влились близкая к правым социал-демократам Японская крестьянская партия (Нихон номинто), созданная Рикидзо Хирано, а также социал-демократические группы, возглавлявшиеся Тёсабуρο Мидзутани, Эйти Фукути и другими.

Руководящую роль в создании СПЯ играли правые социалисты. Правое течение в СПЯ представляли члены бывшей Социал-демократической партии, старейшие деятели японской социал-демократии Бундзи Судзуки, Тэцу Катаяма, Суэхиро Нисио, центристское — Дзётаро Каваками, Мицу Коно, Инэдзиро Асанума, левое — Мосабуро Судзуки, Кодзо Сасаки.

Учредительный съезд СПЯ принял программу, включавшую требования демократии, мира и социализма, а также план мероприятий по внешней и внутренней политике. Программа и план носили весьма общий малоконкретный характер. Реформы, начатые в Японии, во многом обгоняли задачи, поставленные в плане.

Генеральным секретарем СПЯ съезд избрал Тэцу Катаяма. Представляя объединение течений социал-демократии различного толка, СПЯ оказалась не в состоянии завоевать авторитет в широких кругах населения страны.

В довоенной Японии Коммунистическая партия с момента своего создания 15 июля 1922 года действовала в

подполье. Все буржуазно-помещичьи и правосоциалистические партии в результате создания т. н. «новой политической структуры» либо добровольно, либо под нажимом властей в 1940 году «самораспустились».

11 октября 1945 года вместе с другими политическими заключенными из тюрем были освобождены коммунисты. Коммунистическая партия Японии впервые получила возможность легальной деятельности. С 20 октября стала издаваться партийная газета «Акахата», а с февраля 1946 года — журнал «Дзэнъэй».

1 декабря 1945 года состоялся IV съезд КПЯ — первый легальный съезд японских коммунистов, на котором была принята программа действий, содержащая позицию партии по наиболее актуальным проблемам послевоенного развития страны, а также устав партии. Генеральным секретарем партии стал видный деятель коммунистического движения Японии Кюити Токуда.

Программа, принятая съездом, требовала строгого соблюдения Потсдамской декларации, ликвидации монархического строя и создания народного правительства, роспуска всех антидемократических организаций, предоставления полной свободы слова, собраний, вероисповедания, предоставления избирательных прав всем гражданам, достигшим 18 лет. Съезд призвал к созданию широкого народного фронта для борьбы за демократизацию и демилитаризацию страны.

Через три месяца, 26 февраля 1946 года, открылся V съезд КПЯ, на котором присутствовало 95 делегатов, представлявших 6,5 тысячи членов партии. Съезд наметил курс борьбы партии в легальных условиях.

Партия выдвинула требования ликвидации помещичьего землевладения и передачи земли крестьянам, оказания помощи трудящимся, пострадавшим от войны, требовала привлечь к суду военных преступников.

Благодаря активной деятельности КПЯ быстро укрепила свои позиции в профсоюзах, крестьянских союзах, женских, молодежных, кооперативных и студенческих организациях. Партия пользовалась влиянием среди демократически настроенных представителей интеллигенции.

Возобновление деятельности политических партий обострило внутреннюю политическую борьбу в стране. Встал вопрос об объединении левых сил страны для создания «единого народного фронта».

Инициатором создания единого демократического фронта выступала КПЯ. Уже в октябре 1945 года КПЯ предложила подготовительному комитету по созданию СПЯ выступить с совместными действиями по ликвидации продовольственного кризиса, против безработицы, за передачу земли крестьянам с тем, чтобы в дальнейшем перейти к созданию демократического коалиционного правительства. В дальнейшем КПЯ неоднократно обращалась к руководству СПЯ с призывом не обострять разногласия по отдельным вопросам, а сконцентрировать внимание на достижении единства действий. В январе 1946 года по призыву видного деятеля Коммунистической партии Сандзо Носака, вернувшегося на родину после шестнадцатилетней эмиграции, КПЯ активизировала движение за создание демократического народного фронта.

Однако правое руководство СПЯ не проявляло интереса к установлению единства действий с Коммунистической партией и вело переговоры с Либеральной партией, не входившей в правительство, о создании коалиции. Деятели левого крыла СПЯ, даже признав необходимость единых действий, проявляли колебания, питали недоверие к коммунистам. Тем не менее часть левого крыла СПЯ предприняла определенные шаги в отношении совместных действий с КПЯ. Местные организации СПЯ в Токио, Осаке, Киото (всего в 18 префектурах) установили единство действий с

организациями КПЯ. Во время политических кампаний, при проведении митингов и демонстраций местные организации СПЯ часто выступали вместе с КПЯ, на местах создавались комитеты содействия образованию демократического народного фронта, в которые входили представители политических партий, профсоюзов, крестьянских союзов, культурных и других массовых демократических организаций.

В этой обстановке, когда широкие массы еще не включились в активную политическую деятельность, когда политические партии либо только создавались, либо возобновляли свою деятельность, когда правящие круги перегруппировывали свои силы, а демократические силы начинали поиски возможных путей объединения своих рядов, т. е. в обстановке внутренней политической неустойчивости, по указам и распоряжениям оккупационных властей начинают осуществляться реформы по демилитаризации и демократизации страны.

Глава IV

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ ЯПОНСКОЙ АРМИИ, НАКАЗАНИЕ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ И ЛИЦ, ОТВЕТСТВЕННЫХ ЗА АГРЕССИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЯПОНИИ

К концу войны на территории Японии имелась армия, насчитывающая 3,9 миллиона солдат и офицеров. Кроме того, за границей оставались войска общей численностью около 3,5 миллиона человек. Япония располагала 159 боевыми кораблями, в том числе 3 линкорами и 4 авианосцами, а также 13 тысячами самолетов¹.

Согласно Общему военному и военно-морскому приказу № 1 от 2 сентября 1945 года о принятии капитуляции и разоружении всех вооруженных сил Японии², а также о прекращении производства всех видов оружия, амуниции и средств ведения войны к 1 декабря 1945 года было демобилизовано около 2,2 миллиона солдат и офицеров, находившихся в Японии, а в октябре 1945 года началась репатриация японских солдат с территорий, захваченных Японией в ходе военных действий.

Разоружение и ликвидация японской армии в целом проходили быстро и без серьезных инцидентов, что объясняется подавляющим военным преимуществом Союзных Держав и полной бесперспективностью оказания какого-либо сопротивления. Со стороны высших военных кругов предпринимались отдельные попытки вывести из-под удара, сохранить связи с наиболее важными офицерскими кадрами.

Так, в период после принятия капитуляции и до высадки в Японии оккупационных войск были уничтожены или спрятаны многие мобилизационные документы и списки офицерского состава, уволены в запас и переведены на периферию многие военные начальники.

В соответствии с закрытым постановлением кабинета К. Судзуки от 14 августа были уничтожены архивы и документы, свидетельствующие о военных преступлениях Японии и ответственности за войну высших государственных лидеров страны. Использовалось и то, что демобилизация осуществлялась под контролем американских военнослужащих до 1 декабря 1945 года военным и военно-морским министерствами японского правительства, затем 1-м (армия) и 2-м (флот) демобилизационными управлениями, а с июня 1946 года — демобилизационной палатой, которая существовала при правительстве на правах самостоятельного министерства и возглавлялась государственным министром. Во всех этих органах широко использовались бывшие офицеры военного и военно-морского министерств, армейского и морского генеральных штабов. Японская пресса, а также иностранные корреспонденты неоднократно сообщали о создании офицерских организаций, замаскированных под группы по совместной обработке земли, использовании бывших офицеров на государственной службе, в полиции и т. п.³ Это были опасные рецидивы политики военщины и правящих кругов военного времени и на их ликвидации особенно настаивал Советский Союз⁴ и демократические силы страны.

Гораздо более трудную и важную задачу, нежели ликвидация японской армии, представляла собой проблема «духовной демилитаризации» бывшей императорской армии, и в первую очередь ее офицерского состава. Поражение в войне, те бедствия и страдания, которые принесла война народным массам, в значительной степени дискре-

дитировали в их глазах военных руководителей. Положительную роль в деле ликвидации господствующего влияния на политическую жизнь страны милитаристской идеологии сыграли преобразования первого этапа оккупации, а также подъем демократического и антивоенного движения. Однако ни оккупационные власти, ни тем более японские правящие круги не проводили постоянной целенаправленной антимилитаристской пропаганды. Не случайно поэтому, когда в 1950 году было объявлено о создании «резервного полицейского корпуса», желающих вступить в его ряды было в пять раз больше, чем требовалось.

Рассматривая мероприятия оккупационных властей по наказанию лиц, ответственных в той или иной степени за те бедствия, которым подверглись народы стран Азии и Дальнего Востока в результате японской агрессии, следует учитывать, что в ходе войны Советский Союз, США и Великобритания приняли решение о суровом наказании всех военных преступников.

Масштабы японской агрессии, зверства, совершенные японскими милитаристами в оккупированных странах, ставили на повестку дня вопрос о наказании японских военных преступников, суда над которыми требовали Советский Союз, страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, пострадавшие от японской агрессии, а также широкие круги демократически настроенной общественности в США.

Учитывая эти моменты, правительства США, Великобритании и Китая в Потсдамской декларации от 28 июля пошли на признание необходимости суда над японскими военными преступниками⁵.

После капитуляции Японии в результате дипломатических переговоров между заинтересованными государствами, в число которых входили СССР, США, Великобритания, Китай, Франция, Австралия, Канада, Новая Зеландия,

Голландия, было достигнуто соглашение о том, что главных японских военных преступников будет судить Международный военный трибунал, состоящий из представителей этих стран. Впоследствии к этому соглашению присоединились также Индия и Филиппины. Из представителей этих 11 стран и был сформирован Международный военный трибунал⁶.

Суду трибунала были переданы 28 лидеров правящей группировки милитаристской Японии.

Предвидя неизбежное проведение со стороны оккупационных властей «политики наказаний» руководства страны довоенного и военного времени, японские правящие круги пытались по возможности «смягчить ожидавшийся удар».

5 ноября 1945 года правительство К. Сидэхара приняло документ под названием «Проблема ответственности за развязывание войны и некоторые другие вопросы», который фактически оправдывал агрессивную политику Японии, утверждал, что «вступить в великую восточноазиатскую войну империю вынудил ряд внешних обстоятельств»⁷, а не тщательно спланированная и последовательно проводившаяся политика внешней экспансии и завоеваний. Отсюда следовал вывод о том, что если Япония и виновна в развязывании войны, то только частично. Другие страны также должны нести свою долю ответственности.

Большие усилия предпринимались для того, чтобы не допустить привлечения императора Хирохито к международному суду как военного преступника.

Активно против осуждения императора выступал генерал Д. Макартур и сообщил об этом своем мнении в Белый дом. Он писал в Вашингтон: «Обвинительный приговор императору приведет японское общество к глубочайшему эмоциональному потрясению, трагические отголоски которого ощутят на себе и грядущие поколения страны»⁸.

Как уже отмечалось, Д. Макартур «наладил контакт» с императором и исходил из того, что оккупационные власти смогут использовать эту знаковую для японского общества фигуру в своих интересах.

Несмотря на то, что Д. Макартур был против привлечения императора к суду, он избегал делать на этот счет официальные заявления⁹, и потому вплоть до 17 июня 1946 года, когда американский адвокат Джозеф Кинан, главный обвинитель Международного военного трибунала для Дальнего Востока, ясно дал понять, что император не будет привлечен к суду, в правящих кругах существовало постоянное беспокойство на этот счет¹⁰.

После того как стало очевидным, что император в связи с позицией США не будет привлечен к суду, он выразил свою признательность президенту Г. Трумэну, направив ему послание, в котором благодарил за великодушное к нему отношение и говорил о готовности способствовать «воспитанию в японском народе демократии, подобной американской»¹¹.

Заседания Международного трибунала проходили в течение более двух лет.

После всестороннего судебного разбирательства трибунал вынес приговор 25 подсудимым (во время процесса умерли Е. Мацуока и Р. Нагано; подсудимый С. Окава был признан невменяемым, и его дело было приостановлено).

К смертной казни через повешение были приговорены 7 человек, из которых шестеро являлись профессиональными военными. Это Хидэки Тодзио (генерал, премьер-министр), Коки Хирота (премьер-министр), Иванэ Мацуи (генерал), Кэндзи Доихара (генерал), Сэйсиро Итагаки (военный министр), Хэйтаро Кимура (генерал, заместитель военного министра), Акира Мута (генерал).

Кэйити Кидо (лорд-хранитель печати), Киитиро Хиранума (премьер-министр), Окинори Кая (министр финан-

сов), Тосио Сиратори (посол в Италии), Хироси Осима (генерал-лейтенант, посол в Германии), Наоки Хосино (генеральный секретарь кабинета министров), Садао Араки (военный министр), Кунияки Койсо (генерал, премьер-министр), Суюроку Хата (военный министр), Ёсидзиро Умэдзу (генерал, командующий Квантунской армией, начальник генерального штаба), Дзиро Минами (военный министр), Тэйити Судзуки (генерал-лейтенант), Кэнрё Сато (генерал-лейтенант), Кингоро Хасимото (полковник), Такадзуми Ока (вице-адмирал, заместитель военно-морского министра), Сигэтаро Симата (адмирал, военно-морской министр) были приговорены к пожизненному заключению.

Сигэнори Того (министр иностранных дел) был приговорен к 20 годам заключения, Мамору Сигэмицу (министр иностранных дел) — к 7 годам заключения.

Виновность этих людей в совершении преступлений была доказана с исчерпывающей полнотой.

Следует отметить, что советский судья, так же как австралийский (председатель трибунала), индийский и французский, голосовал против всех смертных приговоров. Для Советского Союза приоритетным было зафиксировать в приговоре осуждение агрессии против СССР в районе озера Хасан и на Халхин-Голе, а также агрессивные планы Японии против СССР во время Второй мировой войны.

Токийский трибунал, проведя 818 заседаний, рассмотрев 4356 документальных доказательств, заслушав 1149 показаний свидетелей, вынес подсудимым суровый и справедливый приговор. Трибунал своим приговором осудил агрессию как международное преступление и установил, что милитаристская Япония была тесно связана с гитлеровской Германией, в союзе с которой добивалась порабощения многих народов. Трибунал признал, что Япония в течение многих лет готовила агрессию против СССР.

В ночь с 22 на 23 декабря 1948 года приговор над семью осужденными к смертной казни через повешение был приведен в исполнение во дворе тюрьмы Сугамо в Токио.

В ходе токийского процесса был рассмотрен вопрос об ответственности за военные преступления в отношении военнопленных и интернированных гражданских лиц. Было установлено, что лица, направляющие и контролировавшие деятельность японского правительства, ответственны за преступления против военнопленных и интернированных гражданских лиц. На наказании этих лиц особенно настаивали страны, на оккупированных территориях которых японской армией были совершены многочисленные преступления, а также широкие круги общественности США, которым было известно о зверской расправе японской военщины над военнопленными союзных держав¹². Суды США, Голландии, Филиппин, Франции, Китая, Австралии и Англии к 1950 году рассмотрели в общей сложности около пяти тысяч дел по обвинению в военных преступлениях. Около тысячи человек было приговорено к смертной казни, более трех тысяч — к длительному тюремному заключению, остальные — к различным срокам тюремного заключения.

После прибытия американских оккупационных войск в Японию и начала оккупации перед американскими властями встал весьма важный вопрос: предстояло решить, на какие политические круги, на каких политических деятелей им следует опираться в Японии для успешного проведения оккупационной политики и каких политических руководителей необходимо отстранить от активного вмешательства в политическую жизнь страны.

В Потсдамской декларации и «Основных принципах политики США в отношении Японии в начальный период оккупации» определялся довольно широкий круг лиц, подлежащих наказанию. В него входили и высшие чины японской императорской ставки, генерального штаба и других воен-

ных и военно-морских учреждений, а также лидеры крайних националистических и милитаристских организаций и прочие адвокаты милитаризма и агрессии. «Их надлежало взять под стражу для решения их судьбы в будущем». Кроме того, должны были быть «устранены из общественных учреждений, сняты с постов в различных органах или постов важных частных предприятий «лица, которые активно проповедовали милитаризм и воинствующий национализм»¹³.

Вместе с тем оставалось неясным, какими критериями надлежало руководствоваться оккупационным властям при определении степени виновности того или иного военного, политического или общественного японского деятеля довоенного и военного периода.

На первом этапе оккупации Соединенные Штаты считали, что для достижения поставленных целей им следует устранить с политической арены в первую очередь милитаристских руководителей и тесно связанных с ними антиамерикански настроенных политических деятелей, а взамен их поставить у руководства государственного аппарата людей, готовых или проявляющих склонность к сотрудничеству с оккупационными властями и Соединенными Штатами.

Нельзя, однако, сказать, что в вопросе о наказании лиц, ответственных за агрессивные действия Японии, американские оккупационные власти действовали быстро и решительно. 11 сентября 1945 года были арестованы лишь наиболее видные и влиятельные военные руководители. Директива Штаба оккупационных войск «О смещении и устранении нежелательных лиц из государственных учреждений» была направлена японскому правительству лишь спустя 4 месяца после начала оккупации — 4 января 1946 года. Объясняется это не только тем, что Соединенные Штаты не могли подобрать соответствующие критерии, определяющие круг лиц, подлежащих наказанию, но главным образом незнанием обстановки в стране и отсюда боязнью, что «ва-

куум», образовавшийся в результате чистки, могут заполнить неугодные Соединенным Штатам лица из числа демократически настроенной общественности левых сил.

В приложении «А» к директиве от 4 января 1946 года определялось семь категорий лиц, подлежащих устранению с политических постов государственных и общественных учреждений (см. таблицу). Из анализа директивы становится очевидным, что подавляющее большинство — две трети — лиц, подвергшихся чистке, составляют профессиональные военные и тесно связанные с ними политические деятели. Именно за счет профессиональных военных, которые так или иначе оставались не у дел, так как японская армия подлежала ликвидации, столь внушительно выглядят итоговые цифры о чистке — 210 288 человек.

**Военные, политические, общественные деятели,
представители экономических кругов,
подвергшиеся чистке**

Категории	Число лиц, подвергшихся чистке (чел.)
А — Военные преступники	3422
В — Профессиональные военные	122 235
Из них:	
армейские офицеры	53 854
гражданские лица, назначенные на военные должности указом императора	62
офицеры военно-морского флота	37 691
гражданские лица, назначенные на должности в военно-морском флоте указом императора	109
сотрудники кэмпэйти (военная жандармерия)	39 394
сотрудники органов армейской разведки	1055
сотрудники органов военно-морской разведки	70

С — Влиятельные члены ультранационалистических, террористических и секретных организаций	3064
D — Влиятельные члены Ассоциации помощи трону (Тайсэй екусанкай), Политической ассоциации помощи трону (Екусан сэйдзикай), Политической ассоциации Великой Японии (Дай Нихон сэйдзикай)	34 396
Е — Сотрудники органов «развития заморских территорий»	488
F — Губернаторы оккупированных территорий	89
G — Другие	46 276
министры и высокопоставленные чиновники	145
сотрудники токко кэйсацу (политическая тайная полиция)	319
сотрудники сисо кэйсацу (полиция контроля за мыслями)	37
сотрудники органов пропаганды	831
экономические круги	1410
члены организаций, аналогичных организациям, указанным в категории «С»	57
депутаты парламента	434
Общество резервистов (Дзайго гундзинкай)	41 378
Ассоциация военных искусств (Бутокукай)	1219
отдельные лица	385
ВСЕГО:	210 288 ¹⁴

И в Вашингтоне, и в оккупационном штабе были определенные расхождения относительно масштабов проводившейся чистки¹⁵. Однако в целом преобладало мнение, что чистка не должна быть радикальной в отношении бюрократии и руководящего состава крупнейших компаний. Исходной посылкой для выработки такой позиции служило за-

ключение о том, что устранение этих людей от активной деятельности может настроить их антиамерикански и они станут чинить препятствия проведению оккупационной политики. Представлялось гораздо более выгодным привлечь их на сторону США и воспитать под руководством оккупационных властей из наиболее проамерикански настроенных будущих руководителей страны¹⁶.

В то же время США намеревались использовать проведение чистки в качестве средства давления на правящие круги страны. В любой момент оккупационный штаб мог направить японскому правительству специальный меморандум с требованием подвергнуть чистке тех их представителей, которые не проявляли достаточного желания сотрудничать с американскими властями. Так, расценив, что Тандзан Исибаси (министр финансов в первом кабинете С. Ёсида) потенциально может стать лидером антиамериканской группировки в правящих кругах, штаб потребовал отстранения его от политической деятельности. Аналогичная судьба постигла и основателя Либеральной партии Итиро Хатояма, который также был заподозрен в антиамериканских настроениях.

На первом этапе чистка затрагивала руководящих политических деятелей и верхушку бюрократии, т. е. лиц, несущих наибольшую ответственность за разработку и проведение милитаристской и шовинистической политики. Однако, по данным японского правительства, представленным 15 сентября 1946 года, из 7769 человек, подвергшихся проверке, от политической деятельности были отстранены и из министерств и ведомств удалены лишь 894 человека¹⁷ (см. таблицу).

Таким образом, чистки в весьма незначительной степени затронули бюрократическую систему страны, и несмотря на то, что «эта система выполняла главные функции в ведении войны, она была подвергнута лишь частичным ограничениям»¹⁹. Одна из главных причин этого заключается

в том, что оккупационные власти при проведении своей политики использовали японский бюрократический аппарат.

Наименование организации	Лица, подвергшиеся проверке (чел.)	Подпавшие под чистку (чел.)
Тайный совет	28	9
Палата пэров	518	172
Палата представителей	465	10
Канцелярия кабинета министров	91	9
Министерство иностранных дел	110	22
Министерство внутренних дел	514	344
Министерство финансов	52	6
Министерство юстиции	232	37
Министерство образования	1712	52 ¹⁸
Министерство социального обеспечения	85	23
Министерство сельского хозяйства	75	18
Министерство торговли и промышленности	53	14
Министерство транспорта	125	8
Министерство связи	4	0
Другие организации	3705	170
ВСЕГО:	7769	894

Подобные ограниченные меры (масштабы чистки были меньше, чем в Германии) не могли удовлетворить ни страны, пострадавшие от японской агрессии, ни демократические круги Японии, которые начали сами собирать документы и сведения о политических деятелях, отличившихся

реакционными взглядами, и направлять их в Штаб оккупационных войск.

В сентябре 1946 года Штаб оккупационных войск потребовал от японского правительства распространить чистку на деловые круги, местные органы власти, прессу. Японское правительство более всего было озабочено тем, как вывести из-под удара руководителей японской экономики. Поэтому оно неоднократно апеллировало к руководству штаба, намеренно затягивало принятие конкретных мер. Сразу же после начала в январе 1947 года второго этапа чистки, как об этом пишет С. Ёсида, правительство на своем заседании приняло решение обязать японских должностных лиц, ответственных за проведение чистки, сделать все возможное, чтобы уменьшить ее масштабы в отношении деловых кругов²⁰. При этом правительство заботилось не только о том, чтобы в сложной и трудной экономической обстановке, в условиях подъема профсоюзного движения сохранить у руководства экономикой опытные кадры. Японская бюрократия, тесно связанная многочисленными узами с финансовой олигархией, стремилась оказать помощь и содействие своему партнеру и союзнику.

Следует отметить, что и в США постоянно росло число противников проведения чистки, особенно среди японских деловых кругов, которые, мол, «под дулами ружей» военных вынуждены были сотрудничать с ними²¹.

Что касается ведущих представителей делового мира, то вопрос решился не столько в плане их ответственности за сотрудничество с японскими милитаристами, сколько с точки зрения перспективы их возможного возрождения в качестве опасных экономических соперников американских монополистов. Причем в этом вопросе, по мнению правящих кругов США, внимание следовало акцентировать не на наказании крупнейших деятелей финансовых кругов и монополий, а на реорганизации экономической

структуры, роспуске дзайбацу, наложении ограничений на экономическое развитие страны и т. д. В частности, с этой целью США добивались, чтобы в приговоре Токийского трибунала не затрагивался вопрос о роли капиталистических монополий в развязывании войны, а основная вина была переложена на военные круги.

В результате чистке было подвергнуто всего лишь 1410 президентов, вице-президентов и директоров, составлявших руководство 161 японской компании и 85 компаний, действовавших на территориях, оккупированных японскими войсками. Причем это были отнюдь не самые крупные японские компании, о чем свидетельствует тот факт, что более 50 из них не входили в список компаний, подлежавших разукрупнению. Чистке подлежало руководство в основном тех компаний, которые выпускали военную продукцию или были связаны с производством на военные цели.

В соответствии с директивой Штаба оккупационных войск от 4 января 1946 года было распущено и запрещена деятельность более 1300 ультранационалистических, милитаристских и аналогичных им организаций.

Однако это не означало, что деятельность подобных организаций в оккупационный период полностью прекратилась. После капитуляции было образовано более 200 организаций, которые, пытаясь приспособиться к новым условиям, камуфлировались под демократические организации и выдвигали лозунги «полного претворения в жизнь Потсдамской декларации», обеспечения свободного и мирного развития страны и т. д. Однако на деле эти организации, такие как Новая массовая партия (Синэй тайсюто), Третий японский демократический союз (Нихон Дайсан минсюдомэй), Японская антикоммунистическая лига (Нихон ханкё рэммэй), являлись прямыми преемницами довоенных шовинистических фашистских организаций и свою основ-

ную цель видели в противодействии развертывавшемуся демократическому движению²².

После вступления в силу Сан-Францисского договора деятельность этих и подобных им организаций начинает активизироваться, а из их программных заявлений исчезают слова о мире и демократии, которые заменяются лозунгами «возрождение японского государства во главе с императором», «ремилитаризация страны», «борьба с демократическими силами».

В результате демобилизации японской армии и проведения чистки наибольший урон понесли профессиональные военные, особенно руководящего состава. 11 октября 1945 года были расформированы генеральные штабы сухопутных и военно-морских сил, а к 1 декабря 1945 года упразднены соответствующие министерства. В целом к концу 1945 года японская армия перестала существовать. Вместе с тем часть военных, не подлежащих судебному преследованию, привлекалась к различным видам сотрудничества Штабом оккупационных войск, в частности отделом «Джи-2», другая выжидала время, третья — пыталась сохранить прежние связи путем создания нелегальных и полулегальных обществ. После окончания оккупации бывшие военные получили разрешение на создание своих профессиональных организаций, к чему они незамедлительно приступили. В этот период наблюдается активизация политической деятельности бывших профессиональных военных, в том числе их успешное участие в парламентских выборах. Депутатами палаты представителей были избраны такие видные деятели японской военной верхушки, как Масанобу Цудзи, Дзэнси-ро Хосина, Кацудзи Мадзаки, Хидэицу Мацумура; палаты советников — Кадзухидэ Угаки, Китасабуро Номура, Тоносукэ Отани.

Вместе с тем следует отметить появление в Японии после завершения оккупации ряда организаций бывших сол-

дат, выступающих против ремилитаризации страны и в известной степени против деятельности возродившихся милитаристских организаций.

Проведение чистки способствовало ослаблению позиций тех группировок правящих кругов страны (особенно военных), которые стояли у руководства до капитуляции. Одновременно это вызвало активизацию политической деятельности группировок правящих кругов, которые по тем или иным причинам (например, некоторое расхождение с правящей верхушкой во взглядах на методы достижения поставленных экспансионистских целей, пути выхода из войны) были отеснены на второй план или оказались не у дел. К числу таких лиц относился, например, С. Ёсида, который, являясь последовательным противником чистки, в то же время, как отмечает американский исследователь Г. Квигли, умело использовал ее для устранения своих политических соперников в борьбе за лидерство в либеральной партии и ослабление позиций демократической партии²³.

Однако устранение с политической арены многих видных политических деятелей довоенной Японии (например, Кэн Инукаи, Такэхидэ Исигуро, Ватаро Нарахаси, Итиро Хатояма) имело своим следствием ослабление буржуазных партий и вызывало необходимость укрепления их рядов. Именно в послевоенный период к активной политической деятельности были привлечены многие выходцы из высших и средних слоев бюрократии, которые стали играть весьма важную роль в буржуазных политических партиях. Ставшие впоследствии премьер-министрами Японии Хаято Икэда и Эйсабуро Сато, занимавшие ответственные партийные и государственные должности С. Маэо, Ю. Окадаки, Т. Охаси, Э. Еситакэ вступили на путь политической деятельности именно в этот период. Выборы в парламент в январе 1949 года показали возросший процент среди депутатов от консервативных партий — выходцев из бюрокра-

тических кругов. По сравнению с выборами 1947 года количество депутатов, в прошлом чиновников государственного аппарата, от Либеральной партии (Дзюто) увеличилось с 12,1 до 18,2 %, от Демократической партии (Минсюто) с 8,7 до 12,2 %²⁴. Особо большое влияние в этих партиях стали приобретать те выходцы из бюрократических кругов, которые имели тесные связи с финансовыми и деловыми представителями.

Впоследствии многие подвергшиеся чистке вернулись к активной политической деятельности, стали депутатами парламента, министрами и т. д. Уже на выборах в палату представителей, состоявшихся в октябре 1952 года, в числе избранных оказалось 193 человека, в недавнем прошлом подвергшихся чистке²⁵.

Во втором кабинете И. Хатояма (1956) было 13 министров (из 17), которые в оккупационный период подвергались чистке²⁶. Это стало возможным во многом благодаря тому, что чистка носила временный (хотя многие из подвергшихся ей первоначально полагали, что запрет на ведение политической деятельности и занятие государственных должностей будет действовать на постоянной основе), но, главное, формальный, механический характер.

За критерий бралась занимаемая должность, а не степень ответственности того или иного лица в осуществлении антидемократической, милитаристской и шовинистической деятельности. Наказание носило административный характер и не сопровождалось соответствующей пропагандистской работой по дискредитации политических руководителей военного времени. Это приводило к обезличиванию, к затушевыванию различий между лицами, несущими главную ответственность за милитаризацию страны, ее агрессивный курс, и руководителями низовых звеньев. Не случайно Э. Рэйшауэр пишет о том, что для многих японцев было не понятно, какими критериями ру-

ководствовался Международный трибунал при определении вины подсудимых и почему именно они были преданы его суду²⁷.

Значительное количество ответственных работников, не дожидаясь чистки, ушло в отставку со своих постов, но продолжало сохранять контроль за деятельностью тех органов, которые они ранее возглавляли²⁸. Чтобы не привлекать внимания оккупационных властей, многие создаваемые в послевоенной Японии организации, включавшие в свой состав лиц, подлежащих чистке, не избирали руководящие органы. Так, в Кэйданрэн (Федерация экономических организаций), объединявшей руководителей крупнейших компаний, до окончания чистки оставались вакантными посты президента и вице-президентов.

Обращает на себя внимание и то, что чисткой не были затронуты религиозные организации. А как отмечал в то время ряд американских исследователей, «нет сомнения в том, что существовало немало ультранационалистически настроенных синтоистских священнослужителей и не меньшее количество подобно мыслящих в других религиозных организациях»²⁹. Более того, после окончания войны значительное число бывших офицеров армии и флота переквалифицировалось в священнослужителей.

Отличительной особенностью проведения чистки было то, что практически всю работу выполняли японские органы, укомплектованные японскими чиновниками. Оккупационные власти осуществляли лишь контроль за их деятельностью и сохраняли право пересматривать решения этих органов.

К середине мая 1948 года чистка была в основном завершена, распущены комиссии по ее проведению, а при канцелярии премьер-министра создана секция, занимающаяся проверкой биографических данных лиц, желающих поступить на государственную службу.

С конца 1948 года США начинают активно пересматривать свою политику в вопросе наказания японских руководителей военного времени. В соответствии с курсом на стабилизацию политической власти в руках консервативных сил оккупационные власти предпринимают шаги по освобождению от чистки все большего числа лиц. 24 декабря 1948 года, на следующий день после казни семи военных преступников, осужденных Международным трибуналом, США, явно давая понять, что период «наказаний» завершен, освободили из-под ареста 19 осужденных, квалифицировавшихся как военные преступники (категория «А»). Среди них бывшие министры внутренних дел Гэнки Абэ, Ксабуро Андо, Эйди Амо, бывший председатель департамента информации Фумио Гото, идеолог японского фашизма Сюмэй Окава, руководители фашистских организаций Есио Кодама, Рёити Сасакава, Есихиса Кудзуу (председатель Общества Черного дракона). Среди освобожденных находился бывший государственный министр Нобусукэ Киси, который сразу же начал активную деятельность по возвращению на политическую сцену.

Несмотря то, что Штаб оккупационных войск не имел права досрочно освобождать военных преступников, отбывающих наказание по решению Международного трибунала и военных судов, в марте 1949 года при штабе из числа его сотрудников был создан специальный орган, рассматривавший вопросы по досрочному освобождению осужденных. Для осужденных пожизненно срок тюремного заключения сокращался до 15 лет, для всех других — уменьшался на 1/3.

С 1947 года чистка стала применяться в качестве средства подавления деятельности коммунистов и их сторонников.

В апреле 1949 года по указанию штаба оккупационных войск правительство С. Ёсида издало указ о регулировании

деятельности организаций, составленный на основе правительственного указа № 101 1946 года, по которому осуществлялись роспуск и чистка членов ультранационалистических, террористических и секретных организаций. По новому указу так же, как и по указу № 101, организации, квалифицированные вышеприведенным образом, должны были представлять списки членов своих организаций, а также лиц, оказывающих им финансовую поддержку. Однако вводилось весьма важное дополнение о том, что положения указа помимо вышеперечисленных организаций распространяются и на «антидемократические» организации, под которыми подразумевались в первую очередь КПЯ и связанные с ней организации.

Уже в сентябре 1949 года правительство С. Ёсида на основании этого указа потребовало роспуска Лиги корейских граждан, проживающих в Японии, а в июне 1950 года указ был использован для развертывания кампании «чистки красных». Было распущено профсоюзное объединение Дзэнрорэн и ряд демократических организаций.

В январе 1949 года Д. Макартур дал согласие на просьбу правительства С. Ёсида об организации апелляционного комитета по рассмотрению прошений о снятии наказаний. К октябрю 1950 года комитетом было рассмотрено 32 тысячи прошений и реабилитировано 10 тысяч человек. В ноябре 1950 года было отменено положение чистки в отношении первой группы бывших офицеров армии и флота. После начала войны в Корее от чистки было освобождено 201 507 человек, в том числе все бывшие сотрудники политической тайной полиции.

После вступления в силу Сан-Францисского договора 28 апреля 1952 года все указы и постановления, касающиеся проведения чистки, были отменены.

Подводя итоги проведения политики наказания лиц, ответственных за милитаристскую, агрессивную политику

Японии, можно прийти к заключению, что, несмотря на все ее недостатки, она имела весьма важное значение для политического развития страны. Произошла смена и перегруппировка политических элит.

Демобилизация, наказание военных преступников и запрет на политическую деятельность военных привели к отстранению традиционно господствующего влияния военной группировки-клики (гумбацу) на политическую жизнь страны, способствовали дискредитации политики военных авантюр.

Впервые в истории страны почти одновременно удалялся из государственных и частных учреждений и отстранялся от политической деятельности столь значительный контингент лиц. Не случайно многие японские историки отмечают, что «по старым правящим кругам был нанесен серьезный удар»³⁰. Признает это и С. Ёсида, отмечая, что чистки проводили в правящих кругах страны «шоковое состояние»³¹.

Роспуск ультранационалистических и милитаристских организаций серьезно устранял возможности широкого и активного использования идеологической обработки населения в духе превосходства японской расы и оправданности господства над другими народами.

Удаление с политической сцены, даже временно, многих видных представителей прежней правящей элиты открыло путь к приходу во властные структуры реалистически мыслящих политиков, сконцентрировавших свои усилия не на возрождении военного потенциала страны, а на обеспечении экономического и социального развития.

На первом этапе оккупации чистка способствовала активизации деятельности широких народных масс и демократических сил, что оказывало немалое воздействие на более эффективное осуществление послевоенных реформ и закрепление их результатов.

Возвращаясь к политической деятельности после чистки, многие представители прежней правящей элиты уже не находили в ней для себя «достойного места», а другие вынуждены были приспособливаться, менять свои взгляды в соответствии с новыми реалиями в стране.

Глава V

РЕФОРМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРАХ

Новая конституция

Конституционная реформа занимает центральное место среди главных послевоенных реформ.

Конституция 1889 года, хотя и декларировала ряд буржуазно-демократических свобод, не создавала препятствий для установления в конечном итоге монархо-милитаристского режима.

После капитуляции Японии было очевидно, что будущее страны будет во многом зависеть от того, каким будет содержание основного закона государства — конституции.

Поэтому не случайно процесс становления новой конституции вылился в острую политическую борьбу.

11 октября 1945 года на встрече с премьер-министром К. Сидэхара Д. Макартур поставил вопрос о пересмотре действовавшей конституции. В конце октября при правительстве была создана комиссия по изучению конституционных вопросов во главе с министром без портфеля, ученым-юристом Дзёдзи Мацумото. Комиссия не спешила с выработкой проекта новой конституции, а основное внимание уделяла изучению тех положений довоенной конституции, которые можно было бы подвергнуть тем или иным изменениям, не затрагивая при этом основополагающие

принципы государственного правления, зафиксированные в конституции 1889 года.

Эту позицию всецело разделял видный правовед Тацуки-ти Минобэ, который в серии статей, опубликованных в ноябре 1945 года, во-первых, выступил против пересмотра конституции в «условиях чрезвычайной ситуации», а во-вторых, утверждал, что «демократия может процветать в условиях конституции 1889 года»¹.

Как признает С. Ёсида, комиссия не ставила задачи «немедленного пересмотра конституции», а изучала те положения довоенной конституции, которые можно было бы подвергнуть тем или иным изменениям в случае, если бы возникла в этом необходимость². Кроме того, правительство созданием этой комиссии хотело продемонстрировать свою «готовность» рассматривать конституционный вопрос, а также было вынуждено пойти на это в силу невозможности игнорировать позицию Союзных Держав и определенных групп населения внутри страны, которые пользовались предоставленной возможностью критиковать императора и императорскую систему и требовали пересмотра конституции³. Однако в любом случае правительство, как откровенно пишет об этом С. Ёсида, собиралось «вносить лишь те изменения, которые рассматривались как абсолютно необходимые»⁴, при этом не затрагивая основополагающих принципов государственного правления, зафиксированных в конституции Мэйдзи⁵.

Именно в таком плане к январю 1946 года комиссией были составлены два сходных между собой варианта внесения изменений в конституцию, по которым, в частности, предлагалось в положении «император — лицо священное и неприкосновенное» заменить одно слово «священное» на «верховное». Также имелось в виду ограничить права императора как верховного главнокомандующего японскими вооруженными силами, несколько расширить права парла-

мента, ввести прямую ответственность министров перед парламентом, а не императором, предоставить более широкие права и свободы населению⁶.

Один из этих вариантов был утвержден правительством и 8 февраля 1946 года направлен в Штаб оккупационных войск на утверждение.

Подготовили свои проекты конституции и политические партии. 21 января 1946 года Либеральная партия (Дзюто) опубликовала проект, в котором предусматривались незначительные изменения в положениях конституции 1889 года. В частности, император лишался права издавать чрезвычайные указы, упразднились особые привилегии армии и флота, несколько увеличивались полномочия палаты представителей, вводилась ответственность премьера перед правительством и расширялась компетенция Верховного суда. Примерно с такими же предложениями по изменению конституции выступала и Прогрессивная партия (Симпото)⁷. Однако в принципиальном плане обе партии отстаивали сохранение «национальной государственной структуры»⁸.

Правое крыло руководства СПЯ считало важным не менять монархический строй. Левое крыло предлагало поставить во главе страны президента, но сохранить императора для представительства. В резолюции ЦИК партии от 16 января 1946 года не исключалась возможность «продвижения по пути претворения в жизнь демократии и социализма при сохранении императорской системы»⁹.

В конечном итоге Социалистическая партия опубликовала свой проект конституции 23 февраля 1946 года, в котором предусматривалось сохранение императорской власти до решения этого вопроса всенародным голосованием и декларативно объявлялось о «праве за народом на обеспеченную жизнь»¹⁰.

С наиболее радикальной позицией по изменению конституции выступала Коммунистическая партия. В опубли-

кованной 30 декабря 1945 года партийной программе конституционной реформы предлагалось отказаться от императорской формы правления, создать Японскую Народную Республику, учредить однопалатный парламент, ввести всеобщее избирательное право, гарантировать народу право на труд и образование, на свободу объединения в организации, на забастовки и демонстрации¹¹.

Все другие политические партии — а их, учитывая самые мелкие, к парламентским выборам в апреле 1946 года насчитывалось 363 — пытались в своих программных документах в той или иной форме увязать существование императорской системы с провозглашенной Союзными Державами политической демократизации и демилитаризации страны.

Вместе с тем большинство населения страны, находившегося все еще под воздействием идеологической обработки докапитуляционного времени (об этом свидетельствуют, в частности, опросы общественного мнения)¹², выступало лишь за реформу императорской системы, имея в первую очередь в виду устранение власти и влияния военщины и связанной с ней бюрократии, а также предоставление широких политических и демократических свобод, но не требовало при этом ликвидации монархии.

Что касается Штаба оккупационных войск, то до января — февраля 1946 года с его стороны не предпринималось каких-либо серьезных действий, направленных на скорейшую разработку новой конституции. Не было направлено японскому правительству и каких-либо четких инструкций относительно формулирования ее основных положений.

Это вносило успокоенность в правительство и правящие круги Японии. Премьер-министр К. Сидэхара после встречи с Д. Макартуром, на которой затрагивался вопрос об изменении конституции, 12 октября на заседании кабинета, излагая свои впечатления от встречи, говорил, что «под частичной демократизацией конституции Союзные Державы

отноудь не подразумевают ее пересмотра» и что необходимости в этом пересмотре не будет, если будут достигнуты цели, изложенные в директиве штаба, направленной японскому правительству 11 октября 1945 года¹³. В этой директиве во исполнение положений, зафиксированных в Потсдамской декларации, от японского правительства требовалось предоставить избирательное право японским женщинам, способствовать созданию профсоюзов рабочих, перестроить систему образования, распустить тайную полицию и другие органы подавления, провести демократизацию японской экономики. Поэтому вручение японскому правительству 13 февраля 1946 года проекта конституции, составленного Штабом оккупационных войск, стало весьма неприятной неожиданностью для правительства и правящих кругов Японии.

Поспешность (в течение недели), с которой был составлен штабом проект конституции, а также давление, оказанное на правительство Японии в целях быстрее составления текста конституции в соответствии с американским проектом, объясняются стремлением США завершить деятельность по составлению новой конституции до начала работы Дальневосточной комиссии и Союзного совета.

После того как на Московской конференции в конце декабря 1945 года министров иностранных дел Советского Союза, США и Англии было принято решение о создании ДВК и Союзного совета, США, учитывая, что как бы отрицательно они ни относились к существованию этих органов, им по многим соображениям будет затруднительно полностью игнорировать их деятельность, стремятся завершить разработку основных реформ и преобразований в соответствии со своими интересами, и в первую очередь работу над составлением новой конституции, до начала работы этих органов, чтобы поставить их перед свершившимся фактом.

В подтверждение вышеприведенного анализа поведения Штаба оккупационных войск в отношении реформы конституции говорит и тот факт, что еще 7 января 1946 года комитет по координации действий Госдепартамента и военного и военно-морского министерств направил Д. Макартуру документ «Реформа японской государственной системы», в котором ему и его штабу предписывалось осуществить радикальный пересмотр японской конституции, в т. ч. изменить статус императорской власти.

Однако только в начале февраля 1946 года руководству отдела гражданской администрации Штаба оккупационных войск было сообщено указание Д. Макарута в срочном порядке разработать проект японской конституции, предусмотрев в нем в качестве главных положения о том, что Япония «навсегда отказывается от войны, уничтожает свои вооруженные силы и обязуется никогда не возрождать их, что суверенитет принадлежит народу, а император является символом государства»¹⁴.

Подготовленный сотрудниками — а среди них были кадровые офицеры, гражданские юристы, профессора, журналисты — отдела гражданской администрации Штаба оккупационных войск проект конституции включал помимо положений о новом статусе императора положения об отказе от войны и учреждении однопалатного парламента, наделенного верховной властью.

После получения американского проекта конституции японское правительство вынуждено было принять решение о подготовке своего нового проекта конституции на основе американского варианта.

Причем с тем, чтобы у японской стороны не было попыток затянуть принятие конституции, начальник отдела гражданской администрации ШОВ генерал К. Уитни на встрече с Дз. Мацумото четко заявил, что если японская сторона не примет американский вариант конституции, то ШОВ «не

будет отвечать за то, что может произойти с императором». Подразумевалось, что американцы не будут возражать против осуждения императора военным трибуналом или ликвидации монархии¹⁵.

Вместе с тем японские политики постарались добиться изменений в ряде положений американского проекта. Так, в подготовленном к 4 марта 1946 года японском варианте конституции парламент определялся не как однопалатный, а как двухпалатный. Других сколь-либо значимых изменений японским правительством сделано не было. Американские оккупационные власти с этим японским, а по сути лишь незначительно скорректированным собственным вариантом конституции согласились.

Серьезные попытки вмешаться в процесс подготовки и принятия новой конституции предпринимала Дальневосточная комиссия. Комиссия неоднократно обсуждала вопрос о конституционной реформе, направляла свои рекомендации Д. Макартуру не спешить с принятием новой конституции, дав возможность японской общественности тщательно изучить ее и с этой целью созвать учредительное собрание.

Несмотря на усилия Д. Макартура воспрепятствовать вмешательству ДВК в процесс составления новой конституции, она благодаря активной позиции Советского Союза сыграла важную роль по внесению ряда существенных изменений и добавлений в проект конституции. В ходе обсуждения в ДВК 2 июля и 19 октября 1946 года основных принципов новой конституции советские представители внесли ряд предложений и поправок, которые были направлены на расширение демократических свобод японского народа. В частности, предлагалось зафиксировать в конституции такие положения, как выборность судебных органов, в том числе членов Верховного суда, право на труд, введение 8-часового рабочего дня, запрещение детского труда,

организация государственного социального страхования, бесплатного медицинского обслуживания населения и др. Советская делегация настаивала на том, чтобы суверенная власть народа была определена в конституции более точно и ясно, чтобы за парламентом признавалось право назначения не только премьер-министра, но и остальных членов кабинета¹⁶.

По требованию ДВК, принявшей 2 июля 1946 года директиву «Основные принципы новой японской конституции», в проект конституции был внесен ряд существенных добавлений: гарантировано всеобщее избирательное право для совершеннолетних, зафиксировано, что министрами могут назначаться лишь гражданские лица, а большинство членов кабинета должны быть депутатами парламента, более четко определено положение о том, что суверенитет принадлежит народу, а император является лишь «символом государства и единства народа»¹⁷.

По конституции парламент провозглашается «высшим органом государственной власти и единственным законодательным органом государства». Кабинет министров несет коллективную ответственность перед парламентом. Так, парламент имеет право избирать премьер-министра и может отправить его и правительство в отставку, если вынесет им вотум недоверия. Таким образом, Японию можно охарактеризовать как парламентскую монархию.

17 апреля 1946 года правительство Японии опубликовало согласованный со Штабом оккупационных войск проект конституции, который 25 июня был представлен на обсуждение в парламент. После одобрения обеими палатами 3 ноября 1946 года конституция была утверждена императором и вступила в силу 3 мая 1947 года. Новая конституция, таким образом, не была одобрена на всеяпонском референдуме, однако она открыла принципиально новую эпоху в развитии японской нации.

До настоящего времени среди японских политических и общественных деятелей, в кругах американских, японских и некоторых ученых-исследователей других стран продолжаются дискуссии относительно как процесса составления конституции, так и формулирования ее наиболее важных положений.

В Японии вопрос о пересмотре конституции в целом или по крайней мере ее основных статей стал подниматься практически сразу после обретения страной в 1952 году полной самостоятельности и независимости.

Японские сторонники пересмотра конституции в качестве главного выдвигают аргумент о том, что конституция была «привнесена извне», «навязана», ее текст — это перевод с английского языка и в целом она «не отвечает духу исторического развития японской нации».

Между тем С. Ёсида, которого невозможно заподозрить «в предательстве национальных интересов», в своих мемуарах прямо указывает на то, что сторонники пересмотра конституции «слишком легко и часто игнорируют» участие японцев в составлении конституции и что оккупационные власти «внимательно выслушивали японских экспертов и официальных лиц, ответственных за эту работу, и во многих случаях принимали наши предложения»¹⁸.

В частности, в результате переговоров японского правительства с ШОВ правительству Японии, как уже отмечалось, удалось добиться признания двухпалатной структуры парламента, была снята статья о том, что земли и другие природные ресурсы принадлежат государству, а также внесен ряд других изменений.

В дебатах вокруг конституции Сёва (думается, можно ее так называть, поскольку она была принята в эпоху Сёва) наибольшее внимание привлекают два ее положения: новый статус императора как «символа государства и единства народа» без полномочий, «связанных с осуществлением госу-

дарственной власти» (статьи 1 и 3), а также отказ «на вечные времена от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров» и запрет на создание сухопутных, морских и военно-воздушных сил, равно как и других средств войны (статья 9)¹⁹.

Распространению мнения, что автором-инициатором столь радикальных положений (отказ от войны не имеет прецедента в конституциях других стран) является генерал Д. Макартур, который выдвинул общую идею, а сформулировали ее в соответствующие статьи сотрудники Штаба оккупационных войск.

Даже если принять указанную версию, следует признать, что требования изменить форму государственного правления, ликвидировать японский военный потенциал и не допустить его возрождения активно выдвигались многими высокопоставленными политическими руководителями, представителями военных и общественных кругов США, а также практически всех стран, пострадавших от японской агрессии. Таким образом, «идеи Д. Макартура» были рождены не на пустом месте, а отражали господствующие настроения в США, странах-победительницах. И, безусловно, без одобрения Белым домом указанные положения не были бы внесены и сохранены в тексте конституции.

Вашингтон, как известно, дал указание Д. Макартуру обеспечить изменение статуса императорской власти. В то же время генерал стремился сохранить в какой-то форме императора Хирохито у власти, считая его своим союзником в деле реформирования Японии. 1 января 1946 года все японские газеты поместили на своих страницах полный текст первого в истории страны новогоднего обращения Хирохито к нации, которое стало известно как «декларация человечности» (нингэн сэнгэн). Смысл обращения сводился к тому, что император не является «живым божеством (аки-

цу миками — “воплощенный бог”), а императорская династия не имеет божественного происхождения». «Связи между мной и моим народом, — говорилось в обращении, — всегда складывались на основе взаимного доверия и привязанности. Они не зависели только от легенд и мифов. Не жиджились они и на ложной концепции, что японцы превосходят все остальные расы и что им суждено править миром»²⁰.

После первоянварского заявления Хирохито в Штабе оккупационных войск стало превалировать мнение о возможности и целесообразности применить в Японии британскую формулу парламентской монархии²¹.

На встрече с К. Сидэхара, состоявшейся 21 февраля 1946 года, в ответ на утверждение японского премьер-министра о том, что американский проект конституции предусматривает чересчур радикальные изменения, Д. Макартур говорил о том, что лично он «последовательно защищает императорскую систему в Японии»²² и что в условиях, когда среди стран — членов ДВК имеются настроения в пользу принятия самых решительных мер в отношении реорганизации политической и государственной структуры, проект конституции разработан Штабом оккупационных войск таким образом, чтобы «уберечь трон от возможности решительных реформ, которые будут предложены и введены в действие Дальневосточной Комиссией»²³.

Кроме того, Д. Макартур спешил закрепить положение императора в новой конституции до начала работы Международного трибунала, так как продолжали раздаваться и даже усиливаться, в т. ч. в Вашингтоне, голоса за привлечение императора к суду как военного преступника²⁴.

Но более, чем новый статус императора, дебаты вызывает статья 9.

Безусловно, у Вашингтона и лично у Д. Макартура, испытывавшего позор поражения от японской армии на Филипп-

пинах в начальный период войны, не могло быть симпатий к японским военным и к перспективе возрождения мощной японской военной машины.

Но примечательно, что К. Сидэхара в своих мемуарах утверждает, что именно по его инициативе было выдвинуто предложение о включении в конституцию положения об отказе Японии от войны как суверенного права нации и сделано это на его встрече в начале 1946 года с Д. Макартом²⁵. Как бы там ни было, но ни японское правительство, ни депутаты парламента в период принятия конституции против этого положения не выступали.

Поражение Японии в войне заставило японские правящие круги реалистично оценить уровень экономического развития страны в сравнении с крупнейшими державами мира, а также сделать критические выводы относительно военной доктрины и методов достижения экспансионистских целей.

После капитуляции начала преобладать тенденция к тому, чтобы поставить на первый план решение проблем, связанных с ликвидацией экономического отставания Японии, развития ее экономики на современных организационных основах с учетом опыта США и стран Западной Европы, с самым широким использованием новейших достижений науки и техники. По мере решения этих проблем, с учетом международной обстановки и расстановки сил на международной арене, соответствующее место должно было отводиться и военному фактору. Правящие круги Японии вынуждены были согласиться с включением в конституцию 9-й статьи, однако в то же время они рассматривали это как тактическую, временную уступку и не исключали возможности отказа от этой статьи, как и от пересмотра конституции в целом, когда, по их мнению, возникнет в этом необходимость.

Требуюя в конце 1945 года — начале 1946 года демилитаризации Японии, США преследовали в первую очередь

обеспечение собственных интересов. Демилитаризация Японии, превращение ее в «Швейцарию Тихого океана» в первое время оккупации рассматривалось необходимым условием господства США в бассейне Тихого океана. В соответствии с этим курсом США требовали передачи им не только находившихся после Первой мировой войны под опекой Японии территорий, но и прав на управление целым рядом японских островов, в том числе о. Окинава, на которых сооружались многочисленные американские военные базы.

Уже 7 ноября 1946 года Белый дом передал для опубликования текст заявления президента Трумэна, в котором говорилось, что «Соединенные Штаты готовы поставить под опеку, с сохранением за Соединенными Штатами административной власти, острова, находившиеся под мандатом Японии, и любые из японских островов, за которые США принимают на себя ответственность в результате Второй мировой войны»²⁶.

После окончания Второй мировой войны США считали, что их военной мощи будет достаточно для того, чтобы обеспечить господство своей политики в этом районе земного шара и сдерживать развитие коммунистического и национально-освободительного движения.

На процесс составления и принятия послевоенной конституции Японии оказал влияние целый ряд факторов. Как справедливо отмечает японский исследователь Т. Исида, неправильно было бы считать, что новая конституция составлялась лишь на основе тех концепций, которых придерживались ее создатели. Новая конституция, пишет он, «явилась продуктом взаимодействия международных и внутренних политических отношений»²⁷. При этом особо важное значение имело значительное укрепление в результате разгрома германского фашизма и японского милитаризма позиций и влияния идей мира, демократии и социализма.

Во многом благодаря этому в японской конституции содержатся положения, выходящие за традиционные для конституции буржуазно-демократического государства рамки.

Во-первых, утвержден принцип народовластия — «народ является носителем суверенной власти». Монархия сохранена, но «император является символом японской нации и единства японского народа». Император наделен рядом важных функций: назначение премьер-министра, главного судьи Верховного суда, созыв парламента, роспуск палаты представителей, объявление всеобщих парламентских выборов, промульгация поправок к конституции, законов, правительственных указов и договоров, подтверждение назначений и отставок государственных министров, пожалование наград. Однако все действия, связанные с государственными делами, император может предпринимать «не иначе как с совета и одобрения кабинета министров».

Во-вторых, в конституции закреплён принцип разделения властей, а также утверждён широкий круг прав граждан, примат этих прав и судебная защищённость.

В конституции положениям, гарантирующим гражданские права и свободы, посвящена тридцать одна статья. В них декларируются не только свобода мысли и совести, свобода вероисповедания и политической деятельности, свобода выбора занятий, свобода собраний и прессы, всеобщее избирательное право для совершеннолетних, равенство прав мужчины и женщины, но и содержатся такие положения, которых, как правило, нет в конституциях буржуазных государств, — признание в «качестве вечных и нерушимых прав» за всеми гражданами права поддерживать минимальный уровень обеспеченной, здоровой и культурной жизни, признание за рабочими права на организацию и ведение коллективных переговоров, признание права за всеми гражданами на труд и получение бесплатного начального образования.

Не случайно ряд американских исследователей оккупации Японии, рассматривая положения японской конституции, связанные с декларированием общегражданских прав и свобод, признают, что их появление связано с влиянием советской конституции. Бывший сотрудник Штаба оккупационных войск Г. Уайлдс пишет, что при составлении проекта японской конституции чиновники штаба внимательно изучали Конституцию СССР²⁸.

Принятие новой конституции повлекло за собой разработку нового гражданского и уголовно-процессуального кодексов.

В области гражданского права были полностью пересмотрены положения гражданского кодекса 1898 года, регулирующие семейные и наследственные права. Провозглашен принцип равенства полов, изъято положение о недееспособности замужних женщин, понятие «глава семьи». Были отменены исключительные права старшего сына, всем детям предоставлены равные права наследования.

В области уголовного права отменены все репрессивные законы довоенного и военного времени, касающиеся обеспечения общественного порядка, охраны военной тайны. Были усилены законы за злоупотребление властью.

Радикально изменилось правовое регулирование организации правоохранительных служб. Приняты новые законы о судах, прокуратуре, полиции, адвокатах. Судебная система обрела самостоятельность, выйдя из подчинения министерству юстиции, прокуратура была отделена от судебной системы.

Конституция Сёва — вторая в истории Японии.

Конституция 1889 года, или, как ее называли, конституция Мэйдзи, предусматривала наличие парламента, в ряде статей гарантировались определенные буржуазно-демократические свободы. Однако император юридически сохранял

в своих руках всю полноту политической власти. На практике не парламент и правительство, а окружавшие императора неконституционные учреждения — Тайный совет, Совет старейшин (гэнро), Совет бывших премьеров, министерство императорского двора — определяли стратегию развития страны и ее внешнюю политику.

Вместе с тем конституция открыла возможность для участия в политической деятельности довольно значительного слоя населения. Избирательное право получала большая часть мужского населения, право на легальную деятельность было предоставлено политическим партиям различной ориентации, в том числе социал-реформаторской, появились рабочие профсоюзы, организации интеллигенции демократической направленности.

В годы агрессивной политики все политические партии были распущены, рабочие профсоюзы ликвидированы. Однако активное участие достаточно серьезного количества японцев в конце XIX — первых двух десятилетиях XX века в политической и общественной деятельности способствовало накоплению соответствующего опыта и даже определенных традиций парламентаризма, на базе которых претворение в жизнь радикально более широких и значимых в демократическом плане положений новой конституции стало осуществляться и проникать в ткань японского общества достаточно эффективно.

Поэтому, хотя послевоенные правящие круги Японии и заявляли, что принятие новой конституции не означает никаких изменений в характере существовавших социально-экономических отношений (имелось в виду прежде всего сохранение буржуазно-капиталистических принципов построения общества), закрепленные в основном законе широкие демократические и социальные права граждан позволили обеспечить, в т. ч. не в последнюю очередь в результате активной борьбы населения за их реализацию, достой-

ный уровень жизни и экономико-социальные гарантии для большинства граждан страны.

Не случайно за более чем шесть десятилетий действия конституции Сёва в ее текст не было внесено ни одной поправки, а неоднократные попытки пересмотреть во многом ключевую 9-ю статью оказывались безуспешными.

В целом можно сделать заключение о том, что привнесенная извне конституция Сёва тем не менее соответствовала главной тенденции исторического развития японского общества, заложенного в начальный период реставрации Мэйдзи, создала необходимые условия для быстрого экономического и социального подъема страны в послевоенное время.

Реформы органов местного самоуправления и полиции

В довоенной Японии местные административные органы являлись подорганами правительства, и вся их деятельность сосредотачивалась на выполнении указаний из центра. Губернатор префектуры назначался правительством и являлся чиновником государственного аппарата. В префектуре он пользовался значительной властью, в том числе правом утверждать мэров городов, избираемых членами городских собраний. В свою очередь мэры городов утверждали старост деревень и поселков, избираемых поселковыми и деревенскими собраниями. Подобная централизованная система позволяла правительству держать под своим контролем местные органы власти, исключала возможность появления во главе их неугодных правительству лиц и препятствовала активному участию широких слоев населения в политической деятельности.

Без реформы системы местных административных органов, активизации политической деятельности на местах

нельзя было рассчитывать на то, что осуществляемые реформы и преобразования будут закреплены.

В соответствии с общими положениями конституции о местном самоуправлении (глава VIII) был разработан и 16 апреля 1947 года принят закон о местном самоуправлении. По закону вводилась система прямого избрания населением губернаторов префектур, мэров городов, старост поселков и деревень. Члены городских и деревенских собраний избирались в Японии с 1890 года, однако только с 1947 года женщины получили равное право с мужчинами избирать и быть избранными; был снижен возрастной ценз, сокращен ценз оседлости, сняты другие ограничения на участие в выборах. Расширились права и сфера деятельности префектуральных, городских, поселковых и деревенских собраний, ослабилась их зависимость от правительства¹.

Исполнительные органы местного самоуправления были выведены из прямого подчинения государственным структурам, получили самостоятельность. Однако за государством сохранялись средства административного и финансового воздействия на местную власть. Органы местного самоуправления муниципального уровня были наделены правом устанавливать местные налоги и принимать нормативные акты местного значения.

Выборы в органы местного самоуправления, проводившиеся в течение оккупационного периода дважды (в апреле 1947 года и в апреле 1951 года), показали, что подавляющее большинство избранных губернаторов и мэров являлись членами Либеральной и Демократической партий или же «независимыми». Однако уже тогда появлялись признаки того, что именно в сфере местной политики возможно появление новых тенденций. Если на выборах 1947 года кандидаты от Социалистической партии стали мэрами только в 9 из 209 крупных городов, то в 1951 году уже в 32². В 1947 году кандидаты от СПЯ стали мэрами в 254 городах и

поселках из 10 210, а кандидаты от КПЯ — в 11. Представители Коммунистической и Социалистической партий завоевали значительное количество мест в местных собраниях³.

Это встревожило правящие круги страны и повлекло за собой принятие мер по усилению контроля правительства за органами местного самоуправления.

Особые усилия предпринимались для сохранения министерства внутренних дел, которое до капитуляции страны сосредотачивало в своих руках руководство разветвленным полицейским аппаратом, контроль за местными административными органами и являлось центральным органом, выполнявшим основные функции по подавлению оппозиционного движения и упрочению военно-бюрократической структуры. И чиновничество министерства, и его союзники в самых различных политических кругах оказывали сопротивление разработке планов роспуска министерства. Даже кабинет, возглавляемый социалистом Т. Каятама, в июне 1947 года высказывался лишь за частичные изменения в структуре министерства и изменение его названия.

Однако под давлением демократически настроенной общественности, а также под нажимом со стороны Штаба оккупационных войск, в представлении которого министерство являлось сосредоточием менее всего расположенного на сотрудничество, а во многом и антиамерикански настроенного чиновничества, правительству пришлось пересмотреть свою политику в этом вопросе. Причем определенную роль сыграли и настроения находившегося традиционно в подчиненном и зависимом положении от бюрократии министерства внутренних дел чиновничества других министерств и ведомств и поэтому выступившего за ограничение прав и компетенции этого министерства.

27 декабря 1947 года просуществовавшее 76 лет министерство внутренних дел было распущено. Одновременно

было распущено министерство юстиции и образовано управление юстиции.

Часть чиновников распущенного министерства устроилась на работу в другие государственные учреждения, другая часть выжидала время, чтобы затем подключиться к политической деятельности на стороне консервативных партий. Наконец, значительная группа чиновников из числа руководящего состава министерства, используя свои связи с политическими кругами на местах, отправилась в префектуры, где развернула активную деятельность в местных органах власти⁴. Из 46 губернаторов, избранных на выборах 1947 года, 30 губернаторов были выходцами из бюрократических кругов, причем большинство из них в прошлом назначалось на должность губернатора министерством внутренних дел. С 1947 по 1950 год из 48 вице-губернаторов 25, т. е. более половины, были в прошлом чиновниками министерства внутренних дел.

В 1949 году правительство С. Ёсида, объединив отдел по делам местного самоуправления при канцелярии премьер-министра с комитетом по вопросам местных финансов, создало управление по делам местного самоуправления, костяк сотрудников которого составили чиновники бывшего министерства внутренних дел. В 1952 году правительство С. Ёсида внесло поправки в закон о местном самоуправлении в плане усиления зависимости органов местного самоуправления от правительства, особенно в сфере финансовой деятельности.

Используя финансовые затруднения органов местного самоуправления, правительство и управление по делам местного самоуправления стали практиковать направление в эти органы для работы на важных постах в префектуральных и муниципальных управлениях (вице-губернатора, начальника общего отдела, отдела финансов) своих чиновников. Эта практика, с помощью которой правительство через

своих людей стремилось изнутри направлять деятельность органов местного самоуправления, получила наименование системы «подосланных лиц» («мавасимоно»).

Параллельно с реформой органов местного самоуправления осуществлялись меры по ликвидации системы «соседских общин».

Еще при феодальном режиме сёгуната Токугава существовала система пятидворок (гонингуми), с помощью которой обеспечивался централизованный контроль за положением на местах. В ходе преобразований, последовавших после реставрации Мэйдзи, система пятидворок была формально устранена, однако фактически оставалась без изменений и продолжала использоваться.

В 1940 году указом министерства внутренних дел система «соседских общин» была официально возрождена и использовалась для обеспечения мобилизации всех местных ресурсов на военные цели.

На нижней ступени этой системы находились соседские общины (тонаригуми), объединявшие всех домовладельцев одного района (обычно от 10 до 20 домов). В сельских районах несколько соседских общин составляли поселковую ассоциацию (буракукай), а в городских — районную ассоциацию (тёнайкай), объединявшие 400–600 домов. В политическом плане ассоциации находились под руководством Ассоциации помощи трону (Тайсэй екусанкай) и являлись ее низовыми организациями. Указания по административной линии ассоциации получали от министерства внутренних дел, а их выполнение контролировалось префектуральными управлениями. Причем старосты деревень и мэры городов имели право непосредственно вмешиваться во всю деятельность этих ассоциаций⁵.

В компетенцию ассоциации входила регистрация жителей района, направление рабочей силы по правительственным разнарядам, сотрудничество с полицией, распределе-

ние продуктов питания, ведение милитаристской и шовинистской пропаганды. Таким образом, деятельность ассоциации охватывала практически все наиболее важные стороны жизни населения и поэтому являлась весьма эффективным орудием в руках военно-бюрократической правящей верхушки.

После капитуляции правящие круги страны, естественно, стремились сохранить систему ассоциаций и использовать ее в своих интересах в новых условиях. На запрос Штаба оккупационных войск от 4 ноября 1945 года о характере деятельности ассоциаций правительство отметило, что, хотя в годы войны их использовало центральное правительство, они являются органами местного самоуправления и нуждаются лишь в небольшой реорганизации — установлении выборности глав ассоциаций и ограничении деятельности по выполнению административных функций⁶.

Между тем правительство и особенно министерство внутренних дел продолжали поощрять деятельность ассоциаций, возлагая на них распределение риса, купонов на одежду, мобилизацию населения на строительные работы, сбор денег для оказания финансовой поддержки синтоистским храмам после отделения религии синто от государства⁷. Особо активно ассоциации и их руководители подключались консервативными партиями и политическими деятелями к проведению предвыборных кампаний. Используя свое влияние на население, а также такие рычаги давления, как распределение продовольствия и т. п., руководители ассоциаций принуждали избирателей отдавать свои голоса за консервативные партии, местных политических боссов.

Положение не претерпело серьезных изменений и после распоряжения Штаба оккупационных войск от 17 января 1947 года о роспуске ассоциаций и сообщения министерства сельского хозяйства и лесоводства об отмене распределения через них продовольствия.

Причем если в крупных городах влияние ассоциаций постепенно шло на убыль, то в небольших городах и сельских местностях дело обстояло сложнее. Весьма живучими оказались воспитывавшиеся десятилетиями у населения традиции избегать конфликтов ради общего спокойствия в поселке, поддерживать действия большинства, проявлять уважение к родовитым домам.

И после роспуска ассоциаций продолжало существовать некое их подобие. По-прежнему на местную политику, особенно в период выборов в местные органы, серьезное влияние оказывала «поселковая солидарность», когда решение общего собрания, ходом которого заправляли, как правило, зажиточные крестьяне и бывшие помещики, голосовать за определенного кандидата считалось обязательным для всех жителей поселка. Отмечались многочисленные случаи использования бывших ассоциаций для ограничения деятельности левых партий, прежде всего СПЯ и КПЯ, для оказания давления на крестьян, выступавших против помещиков, за радикальное проведение земельной реформы⁸.

По мере того как проводилась земельная реформа, происходили выборы в местные органы власти и демократически настроенные силы получили возможность вести свою пропагандистскую деятельность, положение в сельских местностях претерпевало определенные изменения. Среди населения повысился интерес к политике, особенно местной, появилось стремление действовать в соответствии с собственными убеждениями. Так, уже с мая 1948 года по май 1949 года было зарегистрировано 192 случая, когда на основе использования положения конституции и новых законов развертывались кампании за отзыв мэров городов, поселков, деревень⁹.

Тем не менее процесс проникновения в послевоенную деревню демократических идей происходил медленными темпами. Причина этого и в отсутствии радикальной ломки

системы соседских ассоциаций, и в живучести полуфеодалных традиций, которые в наибольшей степени сохранились в сельской местности, и в политической незрелости японского крестьянина, получившего после окончания войны землю, как ему представлялось, от японского правительства, и в недостаточном уделении внимания японской деревне со стороны демократически настроенной городской общественности.

Вместе с тем важнейшее значение реформы органов местного самоуправления заключается в том, что она открыла возможность для участия в политических и социальных движениях широким слоям населения страны. И хотя процесс изменения политического сознания в небольших населенных пунктах и в сельской местности в отличие от крупных городов шел медленно и растянулся на многие годы, можно сказать, что некогда «спящая» и почти полностью подконтрольная центральным властям периферия пришла в движение и стала оказывать существенное влияние на решение проблем, затрагивающих повседневную жизнь «человека из глубинки», а также на расстановку политических сил в масштабах всей страны.

В соответствии с директивой Штаба оккупационных войск от 4 октября 1945 года был отменен закон «Об охране общественного спокойствия (тиан идзихо)», по которому запрещалось создание организаций, ставящих своей целью изменение государственного строя или уничтожение системы частной собственности, и распущена токко кэйсацу (специальная полиция), осуществлявшая на основе этого закона, а также на основе ряда других полицейских законов жесткий контроль за населением, гонения на оппозиционно настроенных по отношению к правительству политических деятелей, представителей интеллигенции. Кроме того, были подвергнуты чистке полицейские из числа офицерского состава и более чем вдвое сокращена общая численность по-

лиции¹⁰. Тем не менее до конца 1947 года в Японии продолжала сохраняться довоенная полицейская система, которая характеризовалась высокой централизацией и полной независимостью полиции от местных органов власти. Решение вопроса о реформе полицейской системы постоянно откладывалось, главным образом в связи с расхождениями во мнениях, выявившихся в Штабе оккупационных войск.

Секция «Джи-2» считала, что в Японии в условиях быстро растущей силы рабочего и демократического движения необходимо сохранить централизованное управление полицейскими соединениями. Секция гражданской администрации, исходя из того, что нахождение под контролем японского правительства значительных полицейских формирований создает удобную возможность для преобразования полицейских сил в армейские соединения и возрождения на этой основе японской армии, настаивала на децентрализации полиции.

В конечном итоге было выработано компромиссное решение, в соответствии с которым правительство Т. Катаяма разработало проект реформы, легший в основу закона о полиции, принятого 17 декабря 1947 года первой сессией японского парламента и вступившего в силу 7 марта 1948 года.

По этому закону каждый населенный пункт с числом жителей более чем 5000 человек за счет местного бюджета содержал автономные муниципальные полицейские силы, которые находились под контролем комитета общественной безопасности (коаниинкай), состоявшего из гражданских лиц, назначавшихся мэром с согласия муниципального собрания. Районы, поддержание порядка в которых не входило в компетенцию муниципальной полиции, были поставлены под контроль национальной местной полиции, которая содержалась за счет государственного бюджета и была подчинена премьер-министру. Однако, так как силы этой полиции были распределены между префектурами, контроль за

их деятельностью был возложен на префектуральные комитеты общественной безопасности, члены которых назначались губернатором с согласия префектурального собрания.

При премьер-министре создавался комитет государственной общественной безопасности (кокка коаниинкай), пять членов которого назначались премьер-министром с согласия обеих палат парламента. Рабочим органом комитета являлся штаб государственной местной полиции. Однако в функции комитета не входило руководство полицией в масштабе всей страны. Комитет ведал вопросами подготовки и обучения полицейских кадров, местами заключения правонарушителей, изучением проблем преступности и т. д.¹¹

Предусматривалось, что в случае чрезвычайных обстоятельств премьер-министр временно может взять в свои руки управление всеми полицейскими силами страны.

Численность полиции по сравнению с довоенным периодом значительно увеличилась и составила 125 тысяч человек (95 тысяч — муниципальная полиция и 30 тысяч — государственная местная полиция), что объяснялось ее сильной децентрализацией. По всей стране было создано 1605 автономных муниципальных полицейских отрядов, т. е. в среднем 50 полицейских на один населенный пункт.

Несмотря на громоздкость и несовершенство новой системы, она являлась определенным шагом вперед по сравнению с довоенной системой, которая не случайно создавала впечатление о Японии как о централизованном полицейском государстве. Децентрализация полиции и система контроля за ее деятельностью со стороны комитетов общественной безопасности, как отмечают многие японские историки, в том числе профессор Токийского университета С. Вагацума, создавали предпосылки для демократизации полицейской системы¹².

Однако новая система довольно быстро дискредитировала себя, главным образом в связи с тем, что в тяжелой по-

слевоенной экономической обстановке содержание муниципальной полиции было весьма обременительно для бюджета местных органов власти. Населенные пункты с населением, немногим превышавшим 5000 человек, за счет своего бюджета могли позволить содержание 10–15 полицейских, что было явно недостаточно для поддержания порядка в послевоенной Японии, когда активизировалась деятельность различных гангстерских банд, воровских шаек и число преступлений значительно возросло¹³.

Кроме того, малоэффективной оказалась деятельность комитета общественной безопасности. На периферии деятельность демократических организаций разворачивалась более медленными темпами, чем в крупных городах, и старые политические лидеры по-прежнему сохраняли значительное влияние на местную политическую жизнь. В результате муниципальная полиция оказывалась под их контролем, и они использовали ее в личных политических интересах, особенно для обеспечения победы на выборах. В глазах населения муниципальная полиция представляла как малоэффективная, разьедаемая подкупам и коррупцией организация.

Поэтому, когда в 1951 году в закон о полиции было внесено положение, предоставлявшее жителям населенных пунктов, имевших муниципальную полицию, путем референдума решать вопрос о сохранении этой полиции или же о замене ее на государственную местную полицию, 1024 из 1605 населенных пунктов высказались за ликвидацию муниципальной полиции. Таким образом, было положено начало возрождению централизованной полицейской системы, на чем настаивали консервативные политические круги, видевшие в этом возможность более эффективного использования полиции в своих интересах. С ними солидаризировались оккупационные власти, которые также считали, что направление американских войск с Японских островов для

участия в войне в Корее должно компенсироваться численным увеличением и организационным усилением японских полицейских сил.

В 1950 году государственная местная полиция послужила основой для создания 75-тысячного резервного полицейского корпуса, который в августе 1952 года был реорганизован в корпус безопасности, явившийся ядром будущих сил самообороны.

После завершения оккупационного периода правительственные круги Японии предприняли шаги по дальнейшей централизации полицейской системы и усилению контроля за полицией со стороны центральных органов.

В июне 1954 года, несмотря на протесты со стороны демократически настроенной общественности страны, был принят новый закон, по которому ликвидировалась муниципальная полиция, а национальная местная полиция распределялась по префектурам, которые содержали ее за счет своих бюджетов. Контроль за полицией был возложен на префектуральные комитеты общественной безопасности, члены которых назначались губернатором с согласия префектурального собрания. Внешне, таким образом, был сохранен принцип распределения полицейских сил между органами местной автономии. Однако на деле начальник и высшее руководство префектуральной полиции являются государственными служащими (в том числе получают жалование из государственного бюджета), а их назначение на должность осуществляет государственный комитет общественной безопасности. Кроме того, префектуральная полиция находится под руководящим надзором главного полицейского управления, которое занимается конкретными вопросами организации и руководства полицейской службой. Центральным органом по контролю за полицией является, как и по закону 1947 года, государственный комитет общественной безопасности, 5 членов которого назначаются

премьер-министром с согласия парламента. Однако возглавляет этот комитет член кабинета министров в ранге государственного министра.

Вместе с тем нынешний японский полицейский аппарат существенно отличается от довоенного как по организационному построению, так и, что более важно, по сфере своей деятельности. Из компетенции полиции изъят контроль над экономикой, санитарный надзор, руководство противопожарной службой и другие административные функции. Полиция лишена возможности участвовать в контроле за политической деятельностью в стране.

В результате полиция сконцентрировала усилия на борьбе с преступностью, поддержании общественного порядка, нередко в сотрудничестве с населением, и добилась в этом серьезных успехов. В настоящее время в японском обществе деятельность полиции в целом оценивается позитивно, а уровень общественной безопасности и раскрываемости преступлений находится на одном из первых мест среди наиболее развитых государств мира.

Новое трудовое законодательство и развитие профсоюзного движения

В 1945–1946 годах были отменены законы, препятствовавшие развитию профсоюзного движения, в том числе закон 1900 года «Об охране порядка и спокойствия» и закон 1925 года «Об охране общественного спокойствия», вопросы трудовых отношений изъяты из компетенции министерства внутренних дел и переданы министерству здравоохранения и социального обеспечения, а впоследствии — впервые созданному в истории Японии министерству труда.

Наряду с этим вводилось в действие новое трудовое законодательство. В декабре 1945 года был принят закон о профсоюзах, основные положения которого были анало-

гичны Национальному закону о трудовых взаимоотношениях (закон Вагнера), введенному в США в 1935 году в обстановке подъема рабочего движения и обеспечившего весьма широкие социальные права и гарантии американскому рабочему классу, в том числе право всем рабочим как частного, так и государственного сектора (за исключением пожарных и полицейских) на организацию, на заключение коллективного договора, на забастовки.

По закону о профсоюзах впервые в истории Японии рабочим предоставлялось право создавать свои организации, право на забастовку, заключать коллективные договоры с предпринимателями; предпринимателям запрещалось увольнять рабочих за принадлежность к профсоюзам.

В 1946–1947 годах были приняты законы о трудовых нормах, о страховании и компенсации при несчастных случаях, о пособиях по безработице, о нормах охраны труда. Основные положения этих законов запрещали увольнять рабочих за профсоюзную деятельность, обеспечивали введение 8-часового рабочего дня и 48-часовой рабочей недели, системы оплачиваемых отпусков, системы оплаты за сверхурочную работу, устанавливали минимальный уровень заработной платы, запрещали использовать детский труд, устраняли многие полуфеодалские правила взаимоотношений между предпринимателями и рабочими.

Вместе с тем, чтобы попасть под защиту законов, профсоюзы должны были получить государственную регистрацию и доказать, что они являются «демократическими организациями», цель которых регулировать трудовые отношения с руководством компаний или организаций, а не политическая деятельность.

Само по себе принятие этих законов еще не означало коренных изменений во взаимоотношениях между рабочими и предпринимателями. Когда в 1948 году проводилась про-

верка на 2000 предприятий того, как выполняется закон о трудовых нормах, то выяснилось, что на 90 % предприятий имеются примеры прямого нарушения этого закона¹.

Предприниматели предметно препятствовали практическому осуществлению положений нового трудового законодательства. Вместе с тем поражение Японии в войне, крайнее обострение нужды и лишений широких масс трудящихся, представившаяся возможность активной политической деятельности вызвали в послевоенной Японии невиданный в истории этой страны подъем рабочего движения.

Следует также отметить, что на первом этапе оккупационного периода США поощряли рост численности профсоюзов, рассматривая их в качестве определенной стабилизирующей силы, которая, с одной стороны, должна была препятствовать стремлению дзайбацу и финансовой олигархии вернуться к политике тоталитарного государства, а с другой стороны, противостоять движению левых сил. Кроме того, по замыслу оккупационных властей, движение профсоюзов за повышение заработной платы должно было способствовать расширению внутреннего рынка, узость которого, по мнению правящих кругов США, являлась в прошлом одной из основных причин агрессивности японского империализма, а также установить «более справедливый баланс между трудом и капиталом» и создать фундамент для формирования среднего класса, который поддержит реформы².

В своих расчетах США исходили из того, что японский народ, воспитывавшийся в духе преданности императору и повиновения правящим кругам страны, будет не в состоянии играть какую-либо значительную роль в политической жизни страны и потребует длительный период времени, прежде чем массы придут в движение. Американский профессор Г. Тейлор в связи этим писал: «Народ — фабричные рабочие, лавочники, ремесленники, крестьяне, другими

словами, основная масса 70-миллионного населения Японии, не имеет значения в политическом отношении. Он не является политической силой»³.

«Первое время, — отмечает Е. Ока, — оккупационные власти не понимали революционности и особенно политичности рабочего движения... Вопреки расчетам штаба оккупационных войск на то, что рабочее движение будет проникнуто экономизмом, как и рабочее движение в США, оно приобрело чрезвычайно острую политическую направленность»⁴.

В довоенные годы профсоюзное движение не носило массового характера, характеризовалось отсутствием единства и соглашательской, реформистской позицией большинства его руководителей. В тот период предпринимались попытки разработать законодательство о профсоюзах. В частности, в 1926 и 1930 годах в парламент вносились проекты такого законодательства, однако парламентские дебаты не приводили к принятию каких-либо позитивных решений, хотя вопрос в основном шел лишь о признании за рабочими права на организацию профсоюзов. В 1936 году насчитывалось всего лишь 500 тысяч членов профсоюзов при общей численности рабочих в 17 миллионов человек⁵. В 1940 году все профсоюзы были запрещены, а вместо них создана полуправительственная организация Промышленная патриотическая ассоциация (Сангё хококукай; сокращенно — сампо).

Однако уже в первые послевоенные месяцы долгие годы сдерживавшаяся жестокой эксплуатацией, полицейскими законами и репрессиями политическая энергия масс начинает выходить наружу. Ухудшавшееся экономическое положение подавляющего большинства населения, а также принятие нового трудового законодательства стимулировали процесс создания профессиональных организаций (см. таблицу) и развязывали творческую инициативу масс, кото-

рая в 1945–1946 годах породила не имеющий в истории Японии прецедента рабочий контроль над производством.

Профсоюзное движение в 1945–1951 гг.⁶

Год	Число членов профсоюзов, в тыс.	Число конфликтов
1945	—	256
1946	4926	920
1947	5692	1035
1948	6677	1517
1949	6655	1414
1950	5774	1487
1951	5687*	1186

* Примерно 50 % от общей численности рабочих и служащих.

В ответ на пассивное отношение правящих кругов страны к экономическому восстановлению и переводу промышленности на производство мирной продукции рабочие уже в октябре — декабре 1945 года на некоторых предприятиях вводили свой контроль за производством, получением сырья и сбытом продукции. Впервые рабочий контроль за производством был осуществлен в издательстве газетного концерна «Ёмиури-Хоси» в октябре 1945 года. А с конца 1945-го по май 1946 года было зарегистрировано уже 108 случаев введения рабочего контроля.

Стремительное развитие профсоюзного и демократического движения, появление таких форм борьбы, как рабочий контроль за производством, создавали объективные предпосылки для формирования единого демократического фронта, на основе которого можно было бы ставить вопрос об изменении характера государственной власти.

Однако отсутствие достаточной теоретической подготовки руководства КПЯ и профсоюзов того времени, склонность действовать старыми методами, неправильная оценка характера проводимых реформ и преобразований и политики Штаба оккупационных войск, а также отказ правого крыла СПЯ от единых действий с коммунистами препятствовали достижению многих позитивных результатов. В частности, не удалось соединить движение рабочего контроля за производством с движением за создание единого демократического фронта, так как не была осознана объективная реальность того, что, восстанавливая производство, рабочие действовали не только в своих интересах, но и в интересах самых широких слоев населения. В связи с этим движение за контроль за производством не получило широкой внешней поддержки, осталось лишь средством борьбы рабочих за свои интересы и не ставило перспективной задачи по осуществлению глубоких социальных преобразований.

Стимулирующее воздействие на развитие профсоюзного движения оказывали такие внешние факторы, как поражение и разгром фашистских и милитаристских сил, распространение социалистических идей, подъем рабочего движения в странах Западной Европы.

Большую роль в разработке нового трудового законодательства сыграла последовательная позиция СССР в ДВК и Союзном совете. Советские представители неоднократно вносили конкретные рекомендации по рабочему законодательству Японии, гарантировавшие основные политические и экономические интересы рабочих.

10 июля 1946 года советский представитель в Союзном совете предложил объединить все законы и труды в единое рабочее законодательство. Предлагалось распространить трудовое законодательство на все категории рабочих, гарантировать свободу профсоюзов, запретить какие бы то ни

было репрессии и увольнения за участие в забастовках, закрепить право рабочих на коллективные соглашения, установить равную оплату труда мужчин и женщин и др.⁷

Многие положения, содержащиеся в советском заявлении, были включены в принятое 6 декабря 1946 года ДВК политическое решение о принципах организации японских профессиональных союзов. В решении специально оговаривалось право японских профсоюзов поддерживать политические партии, участвовать в политической деятельности, в демократизации страны и в деятельности, направленной на обеспечение и улучшение условий жизни и труда японских трудящихся, а также право японских рабочих и служащих на забастовки и запрещалось использование полиции или других правительственных органов для проведения слежки за рабочими, срыва забастовок или подавления законной деятельности профсоюзов.

Несмотря на то, что в принципах содержалось указание о возможности запрета забастовки, если она наносит ущерб целям оккупации, профсоюзы восприняли принятие этих принципов как поддержку и поощрение своей деятельности.

Необычайно активная деятельность профсоюзов — причем оккупационные власти особенно волновало, что в большинстве профсоюзов руководящие посты оказались в руках коммунистов и их союзников, — поставила вопрос об изменении политики США в японском профсоюзном движении. Первоначально основной упор предполагалось сделать на обучении членов профсоюзов и их лидеров «американским методам» профсоюзной деятельности⁸, использовать для урегулирования конфликтов новое законодательство (в частности, отдел труда штаба считал, что большинство рабочих конфликтов возникает из-за того, что не уделяется должного внимания заключению коллективных соглашений и использованию арбитражных трудо-

вых комитетов) и, таким образом, избегать забастовок на основе налаживания сотрудничества между трудом и капиталом.

После принятия «Программы экономической стабилизации» оккупационные власти все чаще запрещают проведение стачек и забастовок и требуют от японского правительства пересмотра ранее принятых законов о трудовом законодательстве.

22 мая 1949 года парламент одобрил изменения, вносимые в закон о профсоюзах, по которым объявлялись неконституционными и подлежали роспуску те профсоюзы, которые занимаются организацией взаимопомощи, а также культурной и политической деятельностью. Кроме того, вводились изменения в структуру трудовых посреднических комитетов, в результате которых эти комитеты превращались в органы, подчиненные министерству труда. Нарушение положений закона каралось тюремным заключением до одного года и крупным денежным штрафом.

Одновременно были внесены изменения в принятый 20 августа 1946 года закон о регулировании трудовых отношений, ограничивавшие права рабочих, общественных и коммунальных предприятий на забастовку. По закону профсоюзы работников транспорта, почты, связи, электрического, газового, водопроводного, медицинского обслуживания должны на 30 дней откладывать начало забастовки для проведения арбитража. Аналогичное положение вводилось также для тех отраслей промышленности, забастовки в которых могли «оказать серьезное препятствие к развитию экономики и нанести серьезный ущерб повседневной жизни населения». Осуществление арбитража возлагалось на трудовые посреднические комитеты, которые формировались из представителей рабочих, предпринимателей и «нейтральных».

В соответствии с внесенными изменениями уже не центральный трудовой посреднический комитет, а премьер-

министр получал право дополнительно включать предприятия в категорию предприятий, имеющих «общественное значение», права рабочих которых на забастовку и другие коллективные действия существенно ограничивались. Вводилось также новое положение, предусматривающее, что по истечении 60-дневного периода после начала забастовки рабочим запрещается продолжать забастовку и они должны снова начать переговоры об урегулировании конфликта. Вместе с тем исключалось положение, запрещающее предпринимателю увольнять рабочих или создавать для них дискриминационные условия за участие в трудовых конфликтах.

Одновременно правительство на основании закона о штатных расписаниях начало проводить сокращение численности управленческого аппарата рабочих и служащих государственных и коммунальных учреждений, а впоследствии распространило его действия и на частные компании. Увольнениям в первую очередь подвергались коммунисты, им сочувствующие, активисты профсоюзного движения.

В результате принятия американскими оккупационными властями и правящими кругами Японии этих мер с осени 1949 года наблюдается заметный спад рабочего движения, сокращается процент рабочих, объединенных в профессиональные союзы, усугубляется раскол и идейные разногласия. Тем не менее правящие круги по-прежнему опасаются массовых выступлений рабочего класса, в результате чего многие завоевания рабочего класса были сохранены, а проекты более радикального пересмотра трудового законодательства не были осуществлены.

Отличительной особенностью послевоенного профсоюзного движения явилась его ярко выраженная политическая направленность, характеризовавшаяся тесными связями профсоюзов с СПЯ и КПЯ, выдвижением политических требований и развертыванием массовой борьбы за их удовлетворение.

В течение всего оккупационного периода остро стоял вопрос о единстве профсоюзного движения⁹. В период подъема рабочего и демократического движения многие идейные и теоретические расхождения по принципиальным вопросам развития рабочего и массового демократического движения между СПЯ и КПЯ, руководством различных профобъединений не вставали так остро и не выходили на первый план так, как после принятия американскими оккупационными властями курса на активное вмешательство в деятельность профсоюзов и ограничение их активности. В результате в период наиболее трудных испытаний профсоюзное движение оказалось расколотым, его наиболее активное, боевое руководство подвергалось гонениям и увольнениям.

Отрицательное влияние на развитие послевоенного профсоюзного движения оказывало также то, что большинство профсоюзов создавалось по предприятиям, а не по отраслям промышленности, что приводило к местничеству, борьбе за интересы рабочих лишь данного предприятия. Многие профсоюзы объединяли и служащих управленческого аппарата, и рабочих. Когда вводился рабочий контроль за производством, это имело свои положительные стороны. Однако следует учитывать, что в то время в равно тяжелом экономическом положении находились как средние и низшие слои управленческого аппарата, так и рабочие. По мере восстановления производства и изменения политики американских оккупационных властей между ними все острее стали проявляться идеологические разногласия и расхождения в классовых интересах.

Несмотря на небывалый рост политической сознательности рабочих, весьма затруднительным оказалось избавиться от влияния лидеров довоенного профсоюзного движения, зарекомендовавших себя как приверженцев соглашательской политики и идеологии патернализма. Нередко профсоюзы создавались по инициативе самих предпринимателей

и находились под их контролем. Большой ущерб общему делу борьбы рабочего класса за свои права наносила крайне слабая организованность рабочих мельчайших, мелких и средних предприятий, на которых в Японии трудится более 70 % трудоспособного населения¹⁰.

Тем не менее общая тенденция развития рабочего и профсоюзного движения в послевоенной Японии характеризуется небывалым ростом организованности, активности и политической сознательности японских рабочих. Правительство, предприниматели вынуждены были считаться с силой профсоюзного движения и идти на многие уступки в вопросах повышения зарплаты, удовлетворения социальных потребностей рабочих и служащих.

Ликвидация государственного синтоизма и реформа системы образования

В довоенной Японии синтоизм являлся обязательной религией для каждого японца, а государственные органы, контролировавшие и направлявшие деятельность синтоистских храмов и священников, использовали толкование древних синтоистских текстов, содержавших, в частности, мифы о божественном происхождении японского императора, в целях идеологической обработки населения в духе преданности монархии, веры в исключительность судьбы японского народа, для разжигания националистических и милитаристских настроений, оправдания агрессии. Школа, средства массовой информации, «соседские общины», религиозные учреждения держали под своим неослабным контролем процесс духовного воспитания населения в соответствии с реакционными религиозными догмами и инструкциями, разработанными правительством.

США в ликвидации государственного синтоизма, реформе системы образования, перестройке деятельности пропа-

гандистского аппарата видели путь к созданию в Японии условий, при которых господствующее место в идеологическом воспитании населения займет идеология, основанная на принципах демократии, аналогичной американской.

15 декабря 1945 года японскому правительству штабом Д. Макартура была направлена директива «Об отмене государственного покровительства, поддержки, увековечения, руководства и распространения государственного синто»¹.

В соответствии с этой директивой запрещалось руководство деятельностью, а также оказание финансовой поддержки синтоистским религиозным учреждениям со стороны государственных органов. Пожертвования должны были отныне носить личный и добровольный характер. Ликвидировалась палата по делам синто в министерстве внутренних дел. Государственным служащим, политическим деятелям запрещалось в официальном порядке посещать синтоистские храмы для «докладов предкам» о различных важных событиях. Запрещалось преподавание синтоизма в государственных и муниципальных учебных заведениях, а также организованное посещение учащимися этих учебных заведений синтоистских храмов и участие в синтоистских обрядах. Из всех учреждений, школ и общественных организаций изымались изображения синтоистских божеств и символов. Запрещалось использование синтоизма для ведения милитаристской, ультранационалистической пропаганды, обоснования божественного происхождения японской монархии, превосходства японцев над другими нациями, восхваления войны и т. д.

Серьезный удар по позициям синтоизма нанесло сделанное 1 января 1946 года императором заявление, в котором опровергался миф о божественном происхождении японской императорской династии.

Еще в середине декабря 1945 года Д. Макартур «советовал» министерству императорского двора для укрепления

положения императора подготовить заявление о том, что император не является божеством².

В обстановке усиливавшейся критики со стороны многих государств, участвовавших в войне против Японии, в адрес США, не проявлявших намерения консультироваться по вопросам оккупационной политики, в частности по вопросу об императоре, Вашингтон считал, что подобное заявление снимает многие из этих критических замечаний и, кроме того, будет способствовать ослаблению влияния синтоизма на идеологическую и политическую жизнь страны.

В заявлении императора особо подчеркивалась прочность связей императора с народом. В целом, как отмечал принимавший участие в составлении заявления глава правительства К. Сидэхара, оно должно было произвести более сильное впечатление на иностранцев, чем на японцев³.

Новая конституция провозгласила отделение синтоистской религии от государства. Согласно статье 20, «ни одна из религиозных организаций не должна получать от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью», и «государство и его органы должны воздерживаться от проведения религиозного обучения и какой-либо иной религиозной деятельности».

Одновременно с ликвидацией государственной поддержки синтоизма США предприняли весьма активные шаги по поощрению деятельности христианской церкви. 24 октября 1945 года оккупационный штаб направил японскому правительству директиву, предписывавшую устранить все ограничения, накладывавшиеся в довоенной Японии на распространение христианства. США видели в усилении позиций христианства в Японии одно из средств «противодействия» синтоизму, а также канал идеологического влияния в этой стране.

Активным сторонником превращения Японии в «христианское государство» выступал Д. Макартур. Сразу же после

начала оккупации штаб пригласил представителей различных христианских организаций США посетить Японию с целью изучения вопроса о возобновлении миссионерской деятельности⁴. По распоряжению Д. Макартура в Японии было распространено 10 миллионов экземпляров Библии, переведенной на японский язык⁵. Дислоцированной в Японии Восьмой армии было дано указание оказывать помощь и содействие христианским миссионерам, значительное число которых после победы революции в Китае переехало в Японию.

В заявлении по случаю формирования кабинета во главе с социалистом Т. Катаяма Д. Макартур особо подчеркивал тот факт, что впервые в истории Японии премьер-министром стал приверженец христианской религии, и рассматривал это как важное международное событие в свете того, что в Китае приверженцем христианства был Чан Кайши, а на Филиппинах — М. Рохас⁶. В том, что во главе правительств трех государств Азии находились политические деятели христианского вероисповедания, Д. Макартур видел «духовное сближение Востока и Запада», которое станет эффективным средством по сдерживанию проникновения коммунистических идей.

Однако, несмотря на усилия американских оккупационных властей и миссионеров, христианство в послевоенной Японии не получило того распространения и влияния, на которое рассчитывали США.

Меры, предпринятые в Японии после ее капитуляции, по ликвидации государственной поддержки синтоизма, а также внешне малоактивное проявление религиозности среди японцев в сочетании с их веротерпимостью породили немало высказываний об отсутствии особой религиозности у современных японцев, а также выводов о том, что выполнение большинством японцев синтоистских обрядов объясняется свойственной им любовью к традициям⁷.

Однако в выполнении традиционных синтоистских обрядов, участие в которых большинство японцев, возможно, и не рассматривает как нечто глубоко «божественное», следует усматривать факт сохранения синтоизма как национальной религии. В отличие от христианства, ислама, буддизма синтоизм исповедуется в одном государстве одной нацией. Синтоизм всегда считался в Японии «чисто японской национальной религией» и в прошлом неоднократно был средством, с помощью которого политические элиты добивались необходимой им идеологической обработки населения, концентрации его усилий на достижении выдвигаемых ими целей. В этой связи можно согласиться с высказыванием американского исследователя Д. Кина о том, что «каким бы слабым ни проявлял себя в настоящее время синтоизм, он сохраняет свою привлекательность; будущие государственные лидеры, если они сделают такой выбор, могут использовать его скрытую силу в своих собственных интересах»⁸.

В довоенной Японии школа и университет являлись одними из наиболее жестко идеологически ориентированных институтов по воспитанию населения в духе верноподданничества, божественного происхождения японской нации, расового превосходства.

Не случайно поэтому реформе системы образования отводилось важное место среди других послевоенных реформ и преобразований. США стремились реорганизовать систему образования по образу и подобию существующей в США системы просвещения с тем, чтобы она обеспечивала воспитание японцев в духе демократии американского типа.

11, 22, 30 октября, 15 и 31 декабря Штаб оккупационных войск последовательно издает директивы о свободе образования, о запрещении воспитания в духе милитаризма, об отстранении от преподавания учителей, зарекомендовавших себя яркими поборниками милитаристской идеологии, о за-

прещении преподавания, вплоть до коренного пересмотра учебных пособий истории и географии Японии, о запрещении преподавания синтоизма и курса морали и этики (сюсин)⁹.

В марте 1946 года для разработки основных положений новой системы образования в Японию была направлена из США специальная делегация в составе 27 человек. Совместно с отделом образования секции гражданской информации и образования, которая готовила справочные материалы, а также при участии японских специалистов в области образования делегация составила доклад, который был утвержден штабом и опубликован 7 апреля 1947 года.

Для разработки законодательных мероприятий в соответствии с рекомендациями и положениями этого доклада при премьер-министре был создан Комитет реформы системы образования (Кёйку сассин иинкай), который и составил Основной закон об образовании, принятый парламентом и вступивший в силу 31 марта 1947 года.

По закону вводилось обязательное 9-летнее образование и декларировались равные возможности получения образования для всех слоев населения вне зависимости от пола, вероубеждений, социального положения. Запрещается воспитывать учащихся в духе поддержки или критики какой-либо политической партии. В государственных и муниципальных школах запрещаются религиозное воспитание и религиозная деятельность в духе какой-либо определенной религии. Отменялись довоенные курсы морали и этики¹⁰.

Впоследствии для конкретизации положений Основного закона об образовании были приняты законы о школьном образовании, о министерстве просвещения, о комитетах по вопросам образования и др.

Таким образом, была введена новая система образования, одним из существенных отличий которой от довоенной является ее новое структурное построение. До капитуляции

Японии обязательное обучение ограничивалось начальной школой (6 лет). Несмотря на то, что обязательным обучением уже с начала XX века были охвачены почти все дети школьного возраста¹¹, в связи с финансовыми трудностями, а также с искусственно создаваемыми государственными органами препятствиями лишь 6 % оканчивавших начальную школу поступали в среднюю и менее 1/10 из них поступало в старшие средние школы, выпускники которых могли поступать в институты¹². Следовательно, лишь крайне незначительная часть выходцев из наиболее привилегированных слоев населения получала высшее образование, обеспечивавшее возможность занять руководящие посты в государственных учреждениях, компаниях и т. д.

Одновременно наличие подобной системы тормозило развитие науки, техники, культуры страны, так как не обеспечивало возрастающих потребностей в квалифицированных научно-технических кадрах, что явилось одной из причин значительного отставания Японии от мирового уровня в развитии научных исследований и промышленного внедрения достижений технической мысли.

В результате проведения реформы системы образования уже к 1949 году, несмотря на трудности (нехватка классных комнат, учебных пособий, учителей), во многом благодаря настойчивым усилиям профсоюза учителей (Никкёсо) был завершен переход к обязательному бесплатному 9-летнему образованию (6 лет начальная школа + 3 года неполная средняя). После окончания неполной средней школы желающие (если позволяет экономическое положение семьи, так как обучение на дальнейших этапах платное) могут поступить в среднюю школу (3 года обучения), окончание которой дает право на поступление в высшее учебное заведение.

До капитуляции Японии преподавание в учебных заведениях велось только по учебникам и учебным пособиям,

утвержденным министерством просвещения, причем учителя должны были вести уроки и разъяснять материал в соответствии с инструкциями, также утвержденными министерством просвещения.

Была поставлена задача написания новых учебников с акцентом на ценностях демократии и пацифизма. Преподаватели большинства начальных и средних школ быстро восприняли новую идеологию. Они чувствовали свою вину за распространение повиннистической, милитаристской идеологии, которая привела к гибели сотни тысяч японцев.

В Основном законе об образовании задача учителей определялась следующим образом: «способствовать сохранению мира на земле и развитию благосостояния человечества путем построения демократического и культурного государства».

И в настоящее время школьные учителя отличаются в своей массе приверженностью указанным задачам и демократическим настроениям, что нередко приводит к конфликтам их профсоюза Никкёсо с чиновниками министерства просвещения, настроенными консервативно, а в ряде случаев и националистически, например, при оценке в школьных учебниках агрессивных действий Японии во Второй мировой войне.

В соответствии с новым законодательством министерство не имеет права вмешиваться в деятельность учебных заведений, а лишь оказывает им техническую помощь, составляет в качестве вспомогательного материала программы изучения общеобязательных предметов, координирует деятельность учебных заведений и научно-исследовательских органов, изучает проблемы образования, подготавливает для утверждения в парламенте бюджетные расходы на образование.

Практическое руководство начальными и средними школами, в частности вопросы открытия новых школ, их

управления, выбор учебников и учебных пособий, утверждение учебных программ, кадровые вопросы, находятся в ведении комитетов по вопросам образования, которые по закону 1948 года избирались прямым голосованием населения во всех префектурах, городах, поселках и деревнях¹³.

За университетами признается право на автономию.

С самого начала введения новой системы образования в правящих кругах выявилась группировка, представители которой считали, что реформа носит чересчур радикальный характер и не учитывает японских национальных традиций. Особое беспокойство, как это признает С. Ёсида, вызывало то, что в послевоенной Японии «коммунизм завоевывал все большие позиции в институтах как среди профессоров, так и среди студентов», а профсоюзы учителей принимали все более леворадикальный курс¹⁴.

В противовес этому начинают выдвигаться предложения об усилении воспитания учащихся в традиционном национальном духе, за введение курса морали и этики, за отмену совместного обучения и т. д.

Особенно активно различные планы пересмотра реформы системы образования начинают выдвигаться после заключения Сан-Францисского мирного договора. Были предприняты меры по возрождению централизованного контроля за школами со стороны министерства просвещения, что, в частности, выразилось в пересмотре программ изучения гуманитарных дисциплин в плане возрождения курсов морали и этики, усиления контроля за изданием учебников¹⁵. В 1956 году, несмотря на многочисленные протесты демократической общественности, правительство добилось одобрения парламентом нового закона о комитетах по вопросам образования, в соответствии с которым отменялась выборность его членов и вводилась система назначения состава комитетов главами муниципальных и префектуральных органов (причем назначение председате-

ля префектурального комитета должно получить одобрение министра просвещения).

Особое внимание было уделено противодействию влияния на японскую школу преподавателей-марксистов, членов КПЯ, активистов профсоюза учителей Никкёсо. Уже в 1949 году была развернута поддержанная Штабом оккупационных войск кампания по увольнению из школ учителей-коммунистов и активных членов Никкёсо. В 1954 году правительство С. Ёсида провело через парламент два закона, запрещающих учителям школ заниматься политической деятельностью. Одновременно усилия по распространению своего идеологического воздействия на профессорско-преподавательский состав, ученых, специализирующихся в области общественных наук, студентов активизировали США.

Оценивая в целом результаты реформы, следует отметить значительное увеличение в послевоенной Японии числа школ, институтов и университетов; а также числа обучающихся в них из различных слоев населения, в том числе из семей промышленных рабочих, крестьян, рыбаков. Если в 1948 году полную среднюю школу окончило всего 148 тысяч учащихся, то в 1968 году — 1601 тысяча. Если в 1936 году колледжи и университеты окончило всего 22,7 тысячи студентов, то в 1968 году — 194 тысячи¹⁶. Увеличилось число девушек, оканчивающих среднюю школу и поступающих в высшие учебные заведения.

В результате Япония была готова к научно-технической революции середины XX века, так как располагала хорошо обученными кадрами, что в свою очередь явилось одной из причин быстрого внедрения новейших достижений науки и техники, которые способствовали быстрому экономическому развитию страны в послевоенное время.

Глава VI

РЕФОРМЫ В ЭКОНОМИКЕ

Демилитаризация японской промышленности

На протяжении многих лет основная цель японской промышленности состояла в том, чтобы служить экономической базой подготовки и ведения агрессивных военных действий.

После капитуляции, естественно, встал вопрос о том, чтобы разрушить эту базу и создать условия, препятствующие Японии вновь повернуть свою экономику на путь милитаризации.

В связи с этим предполагалось осуществить демилитаризацию японской промышленности путем наложения запрета на производство вооружений, а также изъятием в качестве репараций оборудования военных заводов и предприятий. Затем должен был быть определен уровень экономического развития, который разрешалось иметь Японии после осуществления программы демилитаризации и демократизации ее экономики.

В Потсдамской декларации говорилось о том, что «Японии будет разрешено иметь такую промышленность, которая позволит поддержать ее хозяйство и взыскать справедливые репарации натурой, но не те отрасли промышленности, которые позволяют ей снова вооружиться для ведения войны»¹.

В заявлении Белого дома «О политике в отношении Японии», опубликованном 24 сентября 1945 года, подчеркивалось, что существующая экономическая база японской военной мощи должна быть уничтожена и исключена возможность ее возрождения. При этом предусматривалась ликвидация отдельных отраслей промышленности или цехов, ориентированных на производство продукции в целях войны, запрещение специализированных научных исследований, ограничение по размерам и характеру тяжелой промышленности до ее будущих мирных потребителей, сокращение японского торгового флота, введение системы инспекции и контроля над отдельными элементами японской экономической деятельности с тем, чтобы предотвратить скрытую военную подготовку.

Ставилась цель роспуска «крупных промышленных предприятий и банковских объединений, которые осуществляли контроль над большей частью торговли и промышленности Японии», запрещался «доступ и выбор постов, имеющих значение в экономической области, лицам, которые отказываются руководить будущими экономическими усилиями Японии исключительно в мирных целях»².

Союзные Державы, включая СССР, были едины в том, что экономическая база японского милитаризма должна быть ликвидирована. Однако по вопросу о том, до какой степени следует «экономически разоружить» Японию, в том числе посредством взыскания репараций, позиции расходились.

Представитель СССР в Дальневосточной комиссии неоднократно заявлял о том, что «Советское правительство не считает целесообразным требовать ограничения уровня развития мирной промышленности Японии на будущее» и считает, что «высокий уровень промышленного развития Японии сам по себе не представляет опасности, если в Японии не будет допущено восстановления военной промышленности и милитаризма»³.

Однако представители США в Дальневосточной комиссии затягивали решение вопроса об уровне экономического развития Японии. Правительство США нигде не высказывалось в пользу неограниченного развития японской невоенной промышленности, т. к. усматривало в этом косвенное согласие на возрождение Японии в качестве серьезного экономического конкурента.

На первом этапе оккупации, как отмечают многие американские и японские исследователи, с целью максимального ослабления своего экономического конкурента со стороны США предпринимались попытки свести Японию на положение аграрной страны с незначительным производством, в основном текстильным, превратить Японию в рынок сбыта товаров американской промышленности⁴.

Предсказывая путь развития японской экономики, журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Репорт» в августе 1945 года писал о том, что будущая экономика Японии будет характеризоваться в основном сельскохозяйственным производством и текстильной промышленностью, а также легкой промышленностью, которую нельзя перестроить для производства на военные цели⁵.

Органы, планировавшие политику США в отношении Японии, считали, что для предотвращения возрождения японской экономической экспансии следует до минимума сократить внешнюю торговлю Японии. Представитель США в Союзном совете Дж. Ачесон, выступая в марте 1946 года в радиопередаче компании Эн-би-си, говорил о том, что японская экономика сможет, и не полагаясь на развитие внешней торговли, за счет использования внутренних ресурсов обеспечить необходимый прожиточный минимум⁶.

Официальная позиция Вашингтона заключалась в том, что «бедственное положение Японии явилось прямым следствием ее собственного поведения, и союзники не будут

брать на себя бремя экономического восстановления», а оккупационные власти не будут «нести какую-либо ответственность за экономическую реабилитацию Японии или за укрепление японской экономики»⁷.

В соответствии с этим курсом в первые два-три года оккупации американские власти не предпринимали каких-либо серьезных мер содействия японскому правительству по преодолению бедственного положения японского населения, испытывавшего острый недостаток продовольствия и предметов первой необходимости. Это способствовало серьезной политической радикализации масс, росту демонстраций протеста. В свою очередь такое развитие ситуации начинало беспокоить оккупационные власти, опасавшиеся дестабилизации политической обстановки и, как следствие этого, перспективы утратить контроль в стране и не обеспечить проведение намеченных реформ. Однако только в апреле 1946 года в Японию начало поступать импортированное из США продовольствие, а оккупационные власти стали требовать от японского правительства предпринятия действий по улучшению распределения продовольствия и обузданию инфляции.

На первом этапе оккупации США выступали за осуществление жесткой репарационной политики. Прибывший в Токио по поручению президента США для изучения вопросов, связанных с подготовкой репарационной программы, американский экономист Эдвин Поули на пресс-конференции, состоявшейся 15 ноября 1945 года, заявил: «Мы изыдем из Японии все, что не является необходимым для поддержания минимального уровня, который был бы не выше жизненного уровня в странах, подвергшихся агрессии со стороны Японии»⁸. Э. Поули предлагал осуществить такую репарационную программу, которая вернула бы экономику Японии к уровню, на котором она находилась в 1928–1932 годах⁹, т. е. фактически в период мирового экономического кризиса.

Впоследствии США признают ошибочность многих своих исходных посылок в отношении реформирования японской экономики и изъятия репараций.

Оценивая послевоенную политику США в отношении Японии, многие американские политические деятели, представители деловых кругов, ученые начнут критиковать тогдашний политический курс США за то, что слишком большое внимание на первом этапе оккупации уделялось демилитаризации экономики Японии и незначительное экономическому восстановлению. Если бы, утверждают они, тот курс, который начал проводиться с 1948–1949 годов, осуществлялся с самого начала оккупации, цели США были бы достигнуты меньшей ценой, а в Японии никогда бы не получили столь сильного развития рабочее и демократическое движение¹⁰.

«Более разумным, — пишет Э. Рейшауэр, — был бы курс, направленный на поощрение, а не на предотвращение промышленного восстановления Японии, даже если бы это повлекло за собой некоторое сокращение нашей программы реформ. В этом случае Япония могла бы сама обеспечить себя и перестала бы быть гигантским финансовым бременем для нас, которым она была в течение первых послевоенных лет. Еще более важно, что японский промышленный потенциал мог бы быть пущен в ход в построение экономических антикоммунистических оплотов во всей свободной Азии»¹¹.

С 1947 года оккупационные власти начинают пересматривать свою политику в экономической области. США постепенно склонялись к тому, чтобы уменьшить репарационные платежи до минимальной суммы и не накладывать жестких ограничений на развитие японской промышленности, т. к. это позволяло им быстрее реализовать свои планы достижения экономической стабилизации в Японии.

К этому времени американцы уже достаточно полно ознакомились с состоянием японской промышленности и пришли к выводу, что для них получение оборудования японских предприятий не представляет большого интереса. Причем вывод этот основывался не на признании того ущерба, который понесла японская промышленность от бомбардировок американской авиации. Гораздо более важным было то, что подавляющая часть машинного парка японской промышленности устарела и морально, и физически и вывоз его в США с целью последующего использования был экономически невыгоден.

В конце 1946 года Дж. Гэлбрейт, входивший в состав группы по изучению результатов бомбардировок Японии стратегической авиацией США, говорил: «У США нет ни малейшего желания получить устаревшие японские сталелитейные заводы и электростанции»¹².

Кроме того, изучение американскими специалистами японской промышленности показывало, что по технической оснащенности предприятий Япония значительно отстает от США и за первые послевоенные годы это отставание еще более усугубилось. В связи с этим делался вывод о том, что Японии потребуется значительное время, прежде чем ее промышленность сможет хотя бы приблизиться к довоенному уровню, и, следовательно, нет необходимости дополнительно ослаблять японскую промышленность путем изъятия репараций.

Между тем следует отметить, что США получили по сравнению с другими странами весьма значительную часть репараций. США конфисковали в качестве репараций замороженные в июле 1941 года японские активы в США, составлявшие около 130 миллионов долларов. Кроме того, по директиве Штаба оккупационных войск от 19 апреля 1946 года правительство Японии обязано было выявить и передать оккупационным властям имущество и ценности,

вывезенные в Японию из районов, находившихся под японской оккупацией. Несмотря на то, что общее количество имущества и ценностей, собранных после капитуляции, было несравненно меньшим, чем награбленное японцами в оккупированных странах, к 1947 году штабу были переданы золото, серебро, драгоценные камни, художественные изделия и другие ценности на сумму около 100 миллионов долларов. Под предлогом того, что установить принадлежность этих ценностей прежним владельцам затруднительно, большая часть их была отправлена в США¹³.

Следует также учитывать, что на протяжении всего оккупационного периода Япония несла значительные расходы по содержанию оккупационной армии, которые в условиях и без того крайне напряженного финансового положения отнимали в 1946–1948 годах 33 % государственного бюджета. В 1946–1951 годах т. н. оккупационные расходы составили сумму, более чем в 2 раза превышавшую сумму оказанной американской «помощи»¹⁴.

Однако если США не проявляли интереса к получению устаревшего японского оборудования, то Великобритания, Китай и Филиппины получали в качестве репараций оборудование с японских предприятий¹⁵.

К концу 1948 года по программе предварительных репарационных поставок было изъято около 20 тысяч станков, несколько электростанций, небольшое количество оборудования. Половина этих репараций была направлена в Китай (на сумму в 20 миллионов долларов), приблизительно по 1/3 получили Филиппины (8 миллионов долларов), Голландия (для Индонезии — 5 миллионов долларов) и Англия (для Бирмы и Малайи — 7 миллионов долларов)¹⁶.

13 мая 1946 года ДВК определила отрасли, производственные мощности которых подлежали полному или частичному изъятию в счет репараций. Полностью предлагалось изъять оборудование армейских и военно-морских арсеналов

лов, самолетостроительных заводов, предприятий по производству газа, алюминия, магния. Частичному изъятию подлежало оборудование станкостроительных заводов, судостроительной промышленности, отраслей металлургической промышленности, синтетического горючего, частных военных предприятий.

Для репараций было выделено 1090 предприятий военного значения (314 авиазаводов, 131 артиллерийский завод, 18 военных верфей и т. д.)¹⁷.

Советский Союз в качестве репарации вывозил оборудование с японских предприятий в Китае, а также получал японские заводы, оборудование, имущество, находившиеся на Южном Сахалине и Курильских островах.

Материально-техническая база японского милитаризма была серьезно ослаблена и дезорганизована еще в ходе войны, а после капитуляции Японии было запрещено выпускать военную продукцию и осуществлять научные исследования, результаты которых могли быть использованы в военных целях. Свою роль сыграли и репарационные изъятия с предприятий военной промышленности, что содействовало демилитаризации промышленного производства.

После окончания оккупационного периода в Японии шаг за шагом шло определенное возрождение производства вооружений. И в настоящее время японская промышленность производит военные суда, самолеты, танки, различные виды боевой техники на современном техническом уровне. Однако процесс создания этой экономической базы происходил на качественно новой основе, нежели военно-промышленная база довоенного и военного времени.

Начало этого процесса связано с проведением реформ в экономике страны в оккупационный период.

Ликвидация концернов-дзайбацу и антимонополистические мероприятия

Для Соединенных Штатов, разрабатывавших оккупационную политику в экономической области, было очевидно, что именно дзайбацу должны стать объектом самого пристального внимания и в качестве еще недавно могущественных конкурентов американских монополий, и как вдохновители экспансионистских устремлений японского милитаризма.

Большинство торгово-банкирских домов, из которых впоследствии выросли концерны-дзайбацу, возникли в Японии в 70–80-х годах XIX столетия, когда машинное производство только начинало свое развитие (распространен перевод дзайбацу как «финансовая клика», но более правильно переводить этот термин как «финансовый клан»).

После реставрации Мэйдзи наиболее быстро развивались банки, торговля и транспорт. Процесс формирования банковских и торговых монополий опережал появление крупных промышленных монополий. Денежные средства с помощью торговли и кредита аккумулировались в руках богатейших купеческих и банкирских домов, возникших еще в феодальной Японии, а также у ряда разбогатевших в первые годы после реставрации Мэйдзи семей, оказывавших финансовую и политическую поддержку антисёгуновской коалиции. При активной поддержке государства они возглавили формирование монополистических объединений, которые приняли специфическую форму концернов-дзайбацу, носящих закрытый семейный характер. Аккумуляция значительных средств в руках узкой группы лиц, а также поддержка дзайбацу государством позволяли им доводить свои капиталы до размеров, необходимых для крупного предпринимательства, не прибегая к открытому выпуску акций¹.

Через систему кредита дзайбацу подчиняли себе возникавшие в процессе капиталистического накопления крупные промышленные предприятия, превращая их в дочерние и побочные компании. Головные компании дзайбацу выполняли роль холдингов и контролировали сотни «дочерних» и «внучатых» компаний в различных отраслях экономики. В свою очередь головные держательские компании контролировались одной семьей или несколькими тесно связанными между собой семейными узлами группами.

Крупнейшими концернами-дзайбацу являлись «Мицуи», «Мицубиси», «Сумимото» и «Ясуда». За ними шел ряд промышленно-торгово-финансовых объединений, которые по своей мощи уступали четырем главным концернам и потому получили название «второстепенных концернов». Это концерны «Асано», «Аюкава», «Фурукава», «Окура», «Номура», «Ногутти», «Кухара», ориентированные главным образом на военное производство и имеющие особо тесные связи с военными кругами.

Дзайбацу господствовали во всех отраслях японской экономики.

На 15 дзайбацу к концу войны в Японии приходилось 51 % добычи угля, 69 % производства алюминия, более 50 % бумаги и пульпы, 88 % соды, 69 % паровозов и 88 % паровых двигателей.

Однако уже в 30-е годы XX столетия старые организационные формы монополий начинают изживать себя.

Высокая концентрация богатства в руках семей-владельцев дзайбацу, наличие дешевой рабочей силы позволяли им сохранять свое господство, не прибегая к решительной модернизации сравнительно отсталой технической базы промышленности.

Вместе с тем тяжелая промышленность не может развиваться без постоянного притока значительных средств. Закрытый характер головных держательских компаний пре-

пятствовал мобилизации необходимых средств путем выпуска в открытую продажу акций. С началом войны в Китае дзайбацу сами уже начинают осознавать те трудности, которые стоят на пути развития в японской экономике тяжелой химической промышленности².

Рихард Зорге в своих статьях для газеты «Франкфуртер цайтунг», в которую он направлял корреспонденции из Токио начиная с 1936 года, анализируя экономическое положение Японии, неоднократно отмечал, что после начала войны в Китае «очень отчетливо выяснилось... что промышленный аппарат теперь далеко не отвечает растущим потребностям сухопутных сил и военно-морского флота» и «начинаются трудности, связанные с изысканием капиталов для промышленного скачка»³. «Китайско-японский конфликт, — писал он, — ежедневно приносит все новые доказательства того, что возможности японского хозяйственного аппарата, в особенности его тяжелая и военная промышленность, все еще не отвечают политическому положению Японии в мире...»⁴

Система дзайбацу начинает выступать тормозом развития технического прогресса, препятствием к мобилизации капиталов, необходимых для развития современных отраслей промышленности и обеспечения потребностей военного хозяйства.

Кроме того, подготовка к войне ускорила процесс формирования мощных промышленных монополий, что привело к повышению роли промышленного капитала в структуре старых дзайбацу. В отраслях главным образом военной промышленности появились «новые», или, как их еще называли, «молодые», концерны («Мори», «Нихон тиссо», «Накадзима», «Кавасаки», «Ниссан-Хитати-Мангё»), которые образовались в основном в качестве промышленных монополий и по своей внутренней структуре и методам мобилизации средств отличались от старых дзайбацу, хотя,

так же как и они, как правило, находились под личным управлением их создателей. Это свидетельствовало о том, что все активнее созревают предпосылки для радикального изменения организационных форм монополистических объединений и всей экономической структуры.

Однако в ходе войны определенная реорганизация экономики осуществлялась главным образом на основе дальнейшего усиления государственного контроля и регулирования.

В августе 1941 года по инициативе Японской экономической федерации, объединявшей как «старые», так и «молодые» дзайбацу, был издан императорский указ «Об ассоциациях в основных отраслях промышленности». В соответствии с указом создавались ассоциации контроля (тосэй-кай) из представителей правительства и крупнейших монополий, которые контролировали размещение военных заказов, выпуск промышленной продукции, распределение сырья и рабочей силы.

Деятельность ассоциаций способствовала не только дальнейшей милитаризации экономики, но и устранению конкуренции, поглощению крупными компаниями средних и мелких предприятий.

Посредством налогов и принудительных займов, государственных и принудительных закупок, системы лицензий, максимальных цен и рационирования (карточной системы), через сеть «контрольных организаций» под прямой или косвенный контроль государства были поставлены экспорт и импорт, внутренняя торговля, кредиты и инвестиции, номенклатура продукции (как в крупной промышленности, так и в мелкой и средней, а также в сельском хозяйстве), мобилизация и распределение рабочей силы и ее эксплуатация (ставки заработной платы, особый режим на военных заводах и т. д.)⁵. Финансирование возрастающих ежегодно военных расходов осуществлялось за счет повышения налогов на

население страны, введения принудительных военных займов, вывоза сырья, ограбления захваченных территорий, а также путем сокращения расходов на гражданские цели.

Однако перечисленные меры не давали ожидаемых результатов.

Опыт войны показал ведущим кругам японской монополистической буржуазии, насколько экономика страны не отвечала уровню развития, достигнутому передовыми странами Запада.

Японская экономика не выдержала испытания войной.

Наиболее дальновидные представители японских деловых кругов понимали, что поражение Японии, ее военная несостоятельность заключались во многом в самой системе экономической структуры страны. Уроки поражения свидетельствовали о необходимости серьезных преобразований и реформ в этой области. Разумеется, в их представлении эти реформы должны были путем ликвидации полуфеодальных пережитков в экономике модернизировать японский капитализм, сделать его более динамичным, отвечающим требованиям современности.

Показательным в этом отношении является выступление в Хиросиме в сентябре 1945 года одного из виднейших экономических деятелей Японии Мамору Нагано⁶, в котором была отражена позиция определенной части делового мира страны. В лекции, посвященной разбору причин, приведших Японию к поражению, и проблемам будущего развития страны, М. Нагано резко критиковал военных и вместе с ними большую группу чиновничества за то, что они привели страну к поражению, выступал за выполнение требований, изложенных в Потсдамской декларации, за отказ от огромных военных расходов и высказывался в пользу развития мирных отраслей промышленности⁷.

Бывший директор Промышленного банка, в прошлом служащий концерна «Ясуда» Тадао Сасаяма, назначенный в

1946 году председателем Комиссии по ликвидации держательских компаний, также считал, что вне зависимости от того, какие действия предпримут оккупационные власти, настало время провести определенную реформу дзайбацу⁸.

Средние слои японских предпринимателей с ограничением деятельности дзайбацу связывали надежды на укрепление своих позиций. Ими был выдвинут лозунг «реформированного капитализма» («сюсэй сихонсюги»), под которым подразумевалось устранение господствующей роли в экономике дзайбацу, и начата деятельность по созданию экономических организаций для защиты своих интересов. Так, в апреле 1946 года было создано Общество экономических единомышленников (Кэйдзай доюкай).

Что касается мелкого бизнеса, то «он с энтузиазмом встретил известие о роспуске дзайбацу»⁹.

Следует отметить, что и среди управленческого аппарата дзайбацу получили распространение настроения в пользу ликвидации архаичных полуфеодальных порядков. Так, началось движение среди сотрудников среднего звена компаний «Мицуи», требовавших осенью 1945 года отставки 11 семей Мицуи, роспуска головных компаний, а также других реформ¹⁰.

Все это свидетельствовало о том, что среди японских предпринимателей и политических деятелей весьма серьезно ставился вопрос о необходимости реорганизации существующей экономической структуры. Вместе с тем обозначились различные подходы к решению вопроса о том, насколько глубокий и радикальный характер должна носить эта реорганизация.

Большинство руководителей старых дзайбацу считало, что следует ограничиться лишь незначительными формальными изменениями, в том числе увеличить выпуск в открытую продажу акций. Они понимали, что после поражения в войне им трудно будет сохранить в неизменном виде свое

господство. Однако они рассчитывали на то, что им удастся повернуть дело таким образом, чтобы острое оккупационной политики было направлено не против них, а против их конкурентов, т. н. «новых концернов», возникших в начале 30-х годов на волне военно-инфляционной конъюнктуры. Выразителем этих устремлений «старых дзайбацу» выступил министр иностранных дел С. Ёсида, который на пресс-конференции, состоявшейся для иностранных журналистов 19 октября 1945 года, обвинил «новые концерны» в сговоре с военными и заявил, что «экономическая структура Японии создана “Мицуи”, “Мицубиси” и другими старыми дзайбацу... а так как процветание японского народа было достигнуто благодаря усилиям этих дзайбацу, то вызывает сомнение, будет ли роспуск этих старых дзайбацу соответствовать интересам народа»¹¹.

Когда из документа «Основные принципы политики США в отношении Японии в начальный период оккупации» стало очевидно, что оккупационные власти предполагают осуществить программу «ропуска крупных промышленных и банковских объединений, которые осуществляли контроль над большей частью торговли и промышленности Японии»¹², дзайбацу предприняли ряд организационных реформ с тем, чтобы создать видимость определенных изменений в своей структуре и характере.

Так, в «Мицубиси» была проведена перестановка в руководстве: президент дзайбацу Коята Ивасаки стал председателем совета директоров, вице-президент Хикоята Ивасаки стал президентом, а вице-президентами были назначены лица, не представляющие семью Ивасаки — хозяев дзайбацу.

Руководство «Сумитомо» пошло на предоставление самостоятельности компаниям, находившимся под контролем головной компании. Однако акции в широкую продажу не поступили и головная держательская компания продолжала

существовать. Аналогичные изменения были произведены и в «Мицуи».

Однако в сложившейся в послевоенной Японии обстановке хозяевам дзайбацу было нелегко сохранить свои прежние позиции.

22 октября 1945 года министр финансов Кэйдзо Сибусава (одновременно руководитель одного из «второстепенных дзайбацу») и министр торговли и промышленности Санкуро Огасавара выступили с совместным заявлением, в котором говорилось, что «правительство не имеет намерений протестовать против основного курса союзных в отношении перестройки дзайбацу и не будет иметь таких намерений в будущем»¹³.

В этом заявлении можно усмотреть и тактические моменты, но тем не менее оно свидетельствует о том, что многие представители правящих кругов страны понимали необходимость реформы экономической структуры.

Соединенные Штаты в ликвидации дзайбацу видели достижение многих выгодных для себя целей.

Глава американской миссии, направленной в Японию в январе 1946 года с целью изучения структуры и деятельности дзайбацу, Корвин Эдвардс писал в своем отчете о том, что роспуск дзайбацу необходим по следующим основным причинам.

Во-первых, — отмечал он, — дзайбацу являлись инструментом войны, несут ответственность за развязывание агрессии, и проведение политики демилитаризации страны невозможно без реорганизации экономической структуры Японии.

Во-вторых, господство в японской экономике дзайбацу приводило к концентрации доходов в руках небольшой группы их владельцев, ограничивало развитие внутреннего рынка и придавало особое значение для Японии развитию экспорта, что приводило к стремлению захватить наиболее

важные рынки сбыта и вызвало острую конкурентную борьбу, в частности, с американскими монополиями.

Наконец, дзайбацу препятствовали появлению независимых предприятий и сдерживали рост зарплаты, были враждебны по отношению к профсоюзам, таким образом, не позволяли укреплять средние слои населения, которые призваны служить оплотом демократии, противостоять агрессивным устремлениям военщины и одновременно распространению коммунистических идей¹⁴.

Исходя из этого, К. Эдвардс и ряд американских экономистов, историков, политических деятелей и представителей деловых кругов выступали за проведение широкой программы ликвидации дзайбацу и их влияния на всех уровнях экономической структуры.

Оговаривая, что лично он придерживается другого мнения, Э. Рейшауэр тем не менее отмечает, что в конце войны в Соединенных Штатах популярной была теория, согласно которой «сама система дзайбацу должна быть осуждена как главный источник японского империализма и агрессии»¹⁵. «Система дзайбацу, — пишет он далее, — вне всякого сомнения создавала экономическую и социальную атмосферу, препятствующую развитию демократии»¹⁶.

Американскому общественному мнению претил и сам факт концентрирования значительной экономической мощи в руках нескольких богатых семей, и то, что наличие мощных дзайбацу препятствовало проникновению иностранных капиталов на японский рынок. Американская система «свободного предпринимательства» должна была стать образцом будущего развития японского капитализма.

США стремились провести роспуск дзайбацу как можно быстрее, в опережение даже проведения других реформ, т. к. понимали, что реформы системы дзайбацу затрагивают основу экономики страны. Однако к какой-либо позитивной деятельности правительство США и Штаб оккупационных

войск не были готовы. В секции экономики и науки, в ведении которой находились вопросы, связанные с роспуском дзайбацу, не было четкого представления об их сложной структуре, а руководство секции, так же как и руководство оккупационного штаба, ожидало, что дзайбацу сами предпримут меры к своему роспуску.

16 октября 1945 года начальник секции полковник Р. Крамер выступил с заявлением, в котором, в частности, подчеркнул, что «в отношении дзайбацу будет избегаться применение насильственных методов и ожидается, что с японской стороны будут самостоятельно проведены необходимые реформы. Штаб главнокомандующего окажет в этом необходимую помощь... Однако, если японская сторона не предпримет никаких шагов, будет отдан приказ»¹⁷.

После ряда совещаний руководители крупнейших дзайбацу разработали «план самороспуска» дзайбацу «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо» и «Ясуда», который получил название «План Ясуда» (по имени руководителя дзайбацу Хадзимэ Ясуда).

6 ноября 1945 года этот план был одобрен Верховным главнокомандующим, и Штаб оккупационных войск потребовал от японского правительства разработать на основе плана программу соответствующих законодательных и административных мероприятий, а также распространить действие плана и на другие концерны, которые были также классифицированы как дзайбацу.

По «Плану Ясуда» головные держательские компании четырех дзайбацу самоликвидировались и передавали все ценные бумаги и другую собственность ликвидационной комиссии, которая должна была путем продажи ценных бумаг распределить их среди новых владельцев. Вырученные от продажи ценных бумаг средства передавались в качестве компенсации прежним владельцам и носили форму нереализуемых в течение 10 лет специальных государственных

бон. Члены семей-владельцев дзайбацу отстранялись от всех занимаемых ими в компаниях должностей и передавали ликвидационной комиссии в обмен на заблокированные государством бонны все ценные бумаги, которыми они владели в компаниях, связанных или контролируемых их дзайбацу.

Ликвидационная комиссия (Комиссия по ликвидации и упорядочению специально оговоренных держательских компаний) была создана правительством Японии в апреле 1946 года. Однако ее практическая деятельность началась лишь в конце августа 1946 года, т. к. долгое время оставались неопределенными ни ее права, ни компетенция, ни сфера деятельности. Перечень же держательских компаний, подлежащих «самороспуску», затянулся до сентября 1947 года. В конце концов были определены подлежащие ликвидации 83 крупные и второстепенные держательские компании и 56 семей дзайбацу, у которых изымались контрольные пакеты акций.

К весне 1950 года Ликвидационной комиссией было продано 57,5 % находившихся в ее распоряжении акций (см. таблицу).

Продажа акций к концу марта 1950 года Ликвидационной комиссией¹⁸

		Акции, переданные Ликвидационной комиссии 1	Проданные акции 2	Процентное соотношение 2 к 1, %
Держательские компании («мотикабу кайся»)	83	6 849 759	4 087 667	59,7
Семьи дзайбацу	56	488 228	132 491	27,1
ВСЕГО		7 337 987	4 220 158	57,5

Таким образом, к лету 1950 года Ликвидационная комиссия в основном завершила свою деятельность, т. к. среди нераспределенных акций 2/3 приходилось на акции распущенных или подлежащих роспуску компаний, а также различных ликвидированных органов. Ликвидационная комиссия прекратила свою деятельность в 1951 году.

Как же осуществлялась продажа акций и кто становился их владельцами?

Как уже говорилось выше, Соединенные Штаты стремились к тому, чтобы путем продажи акций «вырастить независимый средний класс»¹⁹. Однако в послевоенной Японии оказалось немного желающих приобрести акции. Объясняется это и тем, что приобретение акций было необычным для японцев делом, и тем, что перспективы экономического развития, равно как и судьба многих компаний, чьи акции распродавались, были неясны, и тем, что в условиях экономической разрухи и инфляции не у многих находились деньги, чтобы вкладывать их в столь сомнительное предприятие, как покупка акций.

В результате часть акций оказалась в руках работников компании, их выпустившей, которые покупали акции, руководствуясь воспитанным в них чувством лояльности и преданности своей компании, а зачастую и по прямому указанию руководства компании; часть акций передавалась работникам компании в качестве вознаграждения за длительную службу. Некоторое число акций было скуплено мелкими и средними дельцами, нажившимися на спекуляциях на «черном рынке» и поставках оккупационным властям. Однако подавляющая часть акций была скуплена банками, которые не подверглись реорганизации и стали в послевоенной экономике страны играть особо важную роль.

Продажа акций населению сопровождалась пропагандистской кампанией оккупационных властей о «демократизации акционерного капитала». Действительно, к концу

1949 года около 5000²⁰ компаний было реорганизовано с целью выпуска акций в широкую продажу, в результате чего значительно увеличилось число индивидуальных акционеров. Однако в оккупационный период, как уже отмечалось выше, желающих покупать акции было немного. Мелкие торговцы, служащие, зажиточные крестьяне, ремесленники, составляющие большинство индивидуальных акционеров, стали вкладывать свои денежные накопления в акции после того, как экономическое положение стабилизировалось. Мелкие держатели акций не могут оказать какое-либо влияние на деятельность акционерных компаний, тем более что тенденция такова, что «все большая часть акций сосредотачивалась не в руках индивидуальных акционеров, а у корпораций и банков»²¹. Кроме того, не эмиссия акций, а займы у кредитно-финансовых учреждений стали главным источником финансирования японских промышленных корпораций²².

Тем не менее послевоенная перестройка экономической структуры способствовала появлению значительного числа индивидуальных владельцев акций, которых уже к концу 60-х годов XX века насчитывалось более 18 миллионов (в 1946 году — 1,7 миллиона) и которые владели 42 % общего количества находившихся в обращении акций²³. Это, безусловно, новое явление в послевоенной японской экономике.

На первом этапе оккупации США считали недостаточным осуществить лишь ликвидацию держательских компаний дзайбацу. Ликвидация держательских компаний не затрагивала промышленные, банковские и торговые монополии, составлявшие основу дзайбацу, и не сопровождалась принятием законодательных мер, препятствующих созданию гигантских монополий.

На основе рекомендаций, разработанных миссией, возглавлявшейся К. Эдвардсом, был составлен документ «Политика в отношении чрезмерной концентрации экономиче-

ской силы в Японии», который был впоследствии представлен в Дальневосточную комиссию и получил известность в качестве документа ДВК-230. Основу документа составляла программа по разукрупнению наиболее мощных концернов на несколько отдельных предприятий и принятию мер, препятствующих воссозданию «чрезмерной концентрации» в будущем.

Более, чем ликвидацией держательских компаний, японские правящие и деловые круги были напуганы содержанием этих двух документов²⁴. Их беспокойство еще более усилилось, когда в соответствии с директивой Штаба оккупационных войск парламент принял в апреле 1947 года закон о запрещении частных монополий и об обеспечении справедливых и честных сделок, составленный по подобию американского антитрестовского закона Клейтона. Согласно закону учреждался специальный административный орган — Комитет честных и справедливых сделок, на который возлагались обязанности по проведению положений этого закона, предусматривающих запрещение создания специальных держательских компаний, запрещение компаниям приобретать акции конкурирующих с ними компаний и фирм и проводить дискриминационную политику в области цен, ограничение занятия одним лицом руководящих должностей в нескольких компаниях, запрещение слияния компаний и приобретения компаниями контрольного пакета акций других компаний без разрешения Комитета честных и справедливых сделок.

В декабре 1947 года парламентом был принят закон о ликвидации чрезмерной концентрации экономической мощи, который был направлен против образования «чрезмерной концентрации» производства, при которой одна компания держит в своих руках абсолютную монополию на производство и продажу какого-либо товара, а также против организации картелей и других объединений, вызывающих

создание монополии или ограничения свободы конкуренции. В соответствии с законом подлежали роспуску наиболее крупные компании, доминирующие в отдельных отраслях экономики.

В соответствии с установленными 11 критериями для определения компаний, подпадающих под определение «чрезмерная концентрация», Ликвидационная комиссия до конца сентября 1948 года должна была составить список компаний, подлежащих деконцентрации (впоследствии эти функции были возложены на Комитет честных и справедливых сделок — Косэй торихики иинкай).

Документ ДВК-230 разрабатывался, а антимонополистическое законодательство принималось в период, когда Соединенные Штаты еще не полностью отказывались от своего первоначального курса в отношении решительного экономического ослабления Японии.

Однако уже к концу 1947 года в Конгрессе и деловых кругах США начали раздаваться голоса с критикой как документа ДВК-230, так и в целом политики оккупационных властей в отношении японских монополий. При этом отмечалось, что эта политика затрагивает не столько сферу экономики, сколько сферу политики и в конечном итоге может привести к социализации Японии²⁵.

В результате этих настроений, а также в связи с изменением общей политики в отношении Японии США в начале 1948 года прекратили свое участие в дискуссиях Дальневосточной комиссии по выработке конкретных мер в соответствии с представленным ими же документом ДВК-230, а 9 декабря 1948 года заявили о том, что изымают из обсуждения план ДВК-230.

Кроме того, осенью 1948 года были внесены значительные изменения в 11 критериев, по которым определялись компании, подлежащие деконцентрации. Так, были полностью устранены такие критерии, как контроль компанией

большой пропорции производственных мощностей отрасли или наличие определенных организационных черт, благодаря которым создаются препятствия свободной конкуренции²⁶.

В результате число компаний, намеченных к разукрупнению, значительно сократилось. Первоначально было предусмотрено разукрупнение 325 компаний. Однако в конечном итоге в списке компаний, подлежащих децентрализации, осталось лишь 18 компаний. Фактически разукрупнено было только 11 компаний, в том числе «Нихон сэйтэцу» была разделена на 2 компании («Явата сэйтэцу» и «Фудзи сэйтэцу»), «Мицубиси дэюкогё» — на 3, «Одзи сэйси» — на 3, «Кобэ сэйкосе» — на 3, «Нихон кокан» — на 3 компании²⁷.

В июне 1949 года были изменены многие из наиболее жестких положений «антимонополистических» законов, в частности, были введены менее строгие ограничения на межкорпоративное владение акциями, на владение акциями руководством компании, упрощены условия, по которым разрешалось слияние компаний²⁸.

«США понимали, — пишет японский ученый Х. Оути, — что более решительные меры в отношении японских монополий могли бы привести к краху японского капитализма»²⁹.

Исходя из того, что дзайбацу были ликвидированы, часть из наиболее крупных компаний раздроблена на несколько мелких, 616 компаний ослаблены, т. к. по закону, принятому в ноябре 1946 года, они передали Ликвидационной комиссии принадлежавшие им акции других компаний³⁰, а также введено антимонопольное законодательство, США к концу 1947 года считали, что японские монополии достаточно ослаблены и реорганизация экономической структуры японской экономики достигнута.

Однако в связи с изменением целей политики США в Японии перед американскими оккупационными властями в

конце 1947 года была поставлена задача по стабилизации и укреплению экономического положения в Японии. Достичь этого без сотрудничества с японскими деловыми кругами, без смягчения наложенных ограничений на деятельность японских монополий, без экономической поддержки со стороны США представлялось невозможным.

В результате США пришлось пересмотреть, отказаться или пойти на смягчение многих из первоначально принятых ограничений на развитие японских монополий, что в конечном счете предопределило возможность возрождения мощных японских монополистических объединений, которые в настоящее время выступают серьезными конкурентами американских монополий.

В работах ряда исследователей оккупационного периода, посвященных политике оккупационных властей в области экономики, можно встретить утверждение о том, что монополии США использовали реорганизацию экономической структуры Японии для усиленного проникновения в экономику этой страны.

Однако в течение оккупационного периода монополии США в более или менее значительной степени проникли лишь в нефтеперерабатывающую промышленность и сумели распространить свое влияние на химическую и нефтехимическую промышленность. Иностранный, и в первую очередь американский, капитал не обеспечил каких-либо серьезных позиций в японской экономике³¹, и нет оснований говорить о том, что в оккупационный период были заложены основы экономической зависимости Японии от США.

Объясняется это целым рядом факторов. После окончания Второй мировой войны для американских монополий, казалось, сложились весьма благоприятные условия для проникновения в экономику Японии. Однако американские предприниматели не спешили вкладывать капитал в страну, экономика которой была подорвана войной, политическое

положение отличалось нестабильностью, а общие экономические перспективы были неясными.

Так, весной 1948 года в Японию приезжала группа руководителей американской компании «Дженерал электрик» с целью изучения перспектив капиталовложений в японскую промышленность. Но даже руководители этой компании, имевшей еще довоенные связи с крупнейшей электротехнической компанией «Тосиба», проанализировав экономическое положение, пришли к выводу, что условия не являются благоприятными для значительных капиталовложений³². Сыграла свою роль и неосведомленность американских бизнесменов о специфических особенностях организации и ведения деловой активности в этой стране. Гораздо более привлекательными для вложения капиталов представлялись богатые природными ресурсами, хорошо знакомые американским предпринимателям западноевропейские страны. Именно страны Западной Европы, монополии которых были ослаблены войной и не могли оказать серьезного сопротивления, находились в центре внимания американских монополий. Кроме того, японские монополии постоянно стремились сохранить максимальную самостоятельность и использовали для этого все средства, в том числе и законодательные.

Среди японских предпринимателей и политических деятелей были такие, кто считал, что восстановление японского капитализма должно осуществляться с помощью иностранных, и в первую очередь американских инвестиций. Однако даже они исходили из того, что эта политика должна носить временный характер и осуществляться в строго ограниченных рамках, чтобы не стать препятствием для будущего развития японских монополий.

Когда в конце 40-х годов США постепенно начали сталкиваться с окрепшими монополиями Западной Европы и склонны были обратить более пристальное внимание на

Японию, в 1950 году для защиты интересов японских монополий был принят закон об иностранном капитале, вводивший систему ограничений на проникновение в экономику страны иностранных монополий.

В результате к концу 1951 года прямые американские частные предпринимательские инвестиции составили всего 20 миллионов долларов³³, причем большая часть из них приходилась на нефтеперерабатывающую промышленность, т. к. США рассматривали Японию в качестве базы снабжения горючим армии США на Дальнем Востоке. За весь оккупационный период было заключено всего около 130 технических соглашений компаниями США и других стран с японскими компаниями³⁴.

В то же время японские правящие круги умело использовали заинтересованность США в стабилизации послевоенного японского капитализма и направили послевоенную экономическую помощь США Японии на укрепление позиций японских монополий³⁵.

Экономически Япония находилась в зависимости от США постольку, поскольку условия, сложившиеся после поражения Японии в войне, не позволяли японским монополиям восстановить свои позиции.

В довоенной Японии господство в экономике дзайбацу препятствовало появлению крупных независимых компаний. Реформирование структуры японской экономики в послевоенный период способствовало появлению быстро растущих промышленных компаний под фамильным контролем, особенно в новых отраслях производства. Это такие компании, как «Сони» (контролируется семьями Ибука — Морита), «Мацусита дэнки сангё» (семья Мацусита), «Хонда мотор» (семья Хонда), «Комацу сэйсакусё» (семья Каваи), «Бриджистон тайя» (семья Исибаси — Дан). Эти в известной степени «семейные» компании и по форме, и по структуре значительно отличаются от дзайбацу. «Семьи»

основателей предприятий с помощью относительно небольшого контрольного пакета акций лишь контролируют компании, а не распоряжаются ими как собственники.

Однако не эти компании, а финансово-монополистические группы определяют лицо современной японской экономики. Наиболее крупные финансово-монополистические группы сложились на базе банков и компаний старых дзайбацу в процессе сращивания промышленности и банковского капитала. Финансово-монополистические группы Японии во многом аналогичны финансово-промышленным группам Соединенных Штатов и существенно отличаются от концернов-дзайбацу довоенного времени.

В каждой из этих групп роль центра выполняют банки и связанные с ними кредитно-финансовые институты.

Шесть крупнейших банков дзайбацу, контролировавших подавляющую часть кредитных ресурсов страны, после окончания войны не были распущены или реорганизованы. В связи с ликвидацией дзайбацу контроль над ними со стороны дзайбацу был устранен, а антимонопольное законодательство наложило некоторые ограничения на их деятельность. Так, банкам было запрещено иметь ценные бумаги в других банках или других кредитных органах, ограничена 10-процентная возможность владения банками акциями, выпущенными той или иной корпорацией.

Несмотря на то, что после окончания войны в открытую продажу поступило значительное количество акций, как уже отмечалось выше, большая часть их была скуплена банками и именно банки в послевоенной экономике Японии в условиях острого недостатка инвестиционного капитала начали играть основную роль в качестве кредиторов промышленных компаний и стали центрами, вокруг которых образовались финансовые группы, контролирующие различные компании в промышленности и других отраслях экономики.

Банки взяли на себя поддержание финансовых связей с компаниями, входившими ранее в систему дзайбацу, и сохранили их в сфере своего влияния. Этому способствовало и то, что в руководстве этих компаний оставались лица, крепко связанные между собой как семейными, так и личными отношениями.

И система контроля, и организационное построение, и преобладающая роль в финансово-монополистических группах промышленного капитала свидетельствуют о том, что в послевоенной Японии была создана принципиально новая экономическая структура.

Ликвидация дзайбацу нанесла серьезный удар по старой финансовой олигархии. Семьи дзайбацу должны были получить крупные компенсации за конфискованные у них акции. Однако инфляция в значительной степени обесценила эти компенсации. Несмотря на то, что семьям дзайбацу удалось в той или иной форме сохранить часть своих капиталов и контроль над некоторыми компаниями, они уже не являются хозяевами корпораций и даже присутствие членов семей дзайбацу в правлениях ряда корпораций и банков в настоящее время редкое явление.

В начале 1947 года было уволено около 600 руководящих работников компаний. Сотни других управленцев ушли сами. В целом из компаний ушло около 15 тысяч менеджеров, причем четвертая часть из высшего руководства. На их место приходили молодые, амбициозные деятели, быстро перенимавшие американские методы управления бизнесом³⁶.

Антимонополистическое законодательство, принятое в оккупационный период, неоднократно пересматривалось в сторону смягчения его основных положений, и, как показывает практика, в частности волна слияний компаний и банков, последовавшая уже в 1950–1952 годах, а также слияния в дальнейшем, оно не является препятствием для

достижения самого высокого уровня концентрации производства и капитала.

Антимонополистические мероприятия нанесли удар по семьям дзайбацу и старым концернам с их архаичной организацией, а сопровождавшая их перестройка монополий и процесс образования современных финансово-монополистических групп повлекли за собой усиление конкурентной борьбы, которая оказала положительное влияние на накопление капитала и рост производительности труда, что в свою очередь явилось одним из наиболее важных факторов, способствующих достижению Японией высоких темпов экономического роста³⁷.

Перестройка экономической структуры, осуществленная в оккупационный период, положила начало качественно новому этапу в развитии японского капитализма, характеризующемуся превращением Японии из страны среднего в страну высокого индустриального развития.

Земельная реформа

Непоследовательный и незавершенный характер буржуазных преобразований первых лет эпохи Мэйдзи predetermined сохранил в японском обществе многочисленных феодальных пережитков, которые в деревне наиболее отчетливо проявлялись главным образом в господстве помещичьей системы землевладения, наличии огромного количества мелких и мельчайших арендаторских и полуарендаторских хозяйств, сохранении арендной платы в натуральной форме.

На первом этапе капиталистического развития страны японская буржуазия, оказавшаяся не в состоянии покончить с феодальными пережитками, встала на путь их использования в своих интересах. Более того, в этот период японская буржуазия была даже заинтересована в сохранении фео-

дальних пережитков в японской деревне, что позволило ей черпать из деревни крайне дешевую рабочую силу и держать японскую деревню фактически на положении внутренней колонии.

В целом до конца Первой мировой войны проблемы сельского хозяйства не вызывали серьезного беспокойства у правящего блока крупных помещиков и верхушки буржуазии. Комплекс своеобразных условий, сложившийся в стране, способствовал тому, что, как отмечают авторы книги «Лекции по истории Японии», «не было другой подобной Японии страны, которая при сохранении значительных феодальных пережитков в системе землевладения, достигла бы высокого уровня капиталистического развития»¹.

Однако долго подобное положение сохраняться не могло, и в конце 20-х годов XX века объективные законы экономического развития поставили на повестку дня вопрос необходимости аграрной реформы. Прочно укоренившиеся в японской деревне полуфеодальные отношения все более сдерживали темпы роста японского капитализма. Вместе с тем резко активизировалось крестьянское движение, расшатывающее устои помещичьей системы. «Рисовые бунты» 1918 года, в которых активное участие принимало крестьянство, охватили всю страну. В 1985 году крестьянские выступления достигают своего наивысшего уровня (6824 т. н. «арендных конфликта»)². С созданием первых крестьянских союзов крестьянское движение начинает приобретать организованный характер.

Таким образом, полуфеодальные отношения в деревне начинают подвергаться наступлению с двух сторон: со стороны японского капитала и со стороны крестьян-арендаторов. Правящие круги страны пытались смягчить обострившиеся внутренние противоречия главным образом путем активизации внешней экспансии, вплоть до раз-

вязывания агрессивных войн, а также решительным подавлением крестьянского движения.

Вместе с тем предпринимались и попытки осуществить ряд изменений в деревне «сверху». Бывший премьер-министр Японии С. Ёсида признает в своих мемуарах, что «проблема сельского хозяйства была важным вопросом, стоявшим перед всеми японскими кабинетами министров, начиная с первых лет нашего столетия»³. С начала 1920-х годов вопросы сельского хозяйства обсуждались практически на каждой сессии парламента. Однако даже намерения незначительно ограничить права помещиков наталкивались на решительное сопротивление с их стороны, а также со стороны их ставленников, имевших прочные позиции в органах государственной власти. «Всекие попытки поставить вопрос о решении земельной проблемы на путях буржуазных преобразований перед политической властью, ядро которой составляли помещичьи круги, были безнадежными»⁴. Так, например, палата пэров в 1931 году похоронила и без того куций проект закона об аренде, который подготавливался министерством земледелия и лесоводства в течение 11 лет.

Тем не менее в 20–30-х годах предпринимаются робкие попытки создать прослойку зажиточных крестьян за счет перевода крестьян-арендаторов с помощью правительственных субсидий в крестьян-собственников. Однако средства, выделенные для этой цели, были крайне незначительны. Более того, с 1926 по 1937 год число хозяйств крестьян-собственников сократилось с 1 732 180 до 1 731 139, а число хозяйств крестьян-арендаторов увеличилось с 1 508 539 до 1 517 701⁵. Эти цифры свидетельствуют о том, что процесс превращения мелких крестьян-собственников в арендаторов происходил быстрее, нежели претворялись в жизнь мероприятия правительства по увеличению числа крестьян-собственников.

С тем чтобы сбить волну крестьянских волнений и «поддержать стабильность помещичьей системы»⁶, правительством был принят в 1924 году закон о посредничестве при аренде, впоследствии дополненный законом 1938 года о регулировании аграрных отношений и указом 1939 года о регулировании аренды. Законы касались в основном вопросов арбитража при возникновении арендных конфликтов, но не решали главных проблем с арендой: юридическую ненадежность арендных договоров и снижение арендной платы. Законы не стимулировали переход арендаторов к более усовершенствованной обработке земли. Не облегчая положения крестьян-арендаторов, законы в то же время позволяли помещикам оказывать дополнительное давление на крестьян при возникновении арендных конфликтов.

Таким образом, до вступления Японии в «большую войну» никаких серьезных изменений в области сельского хозяйства предпринято не было. Война сразу же выявила отсталость сельского хозяйства страны, поэтому правительство вынуждено было принять ряд чрезвычайных мер, в том числе и законодательных, в целях обеспечения страны необходимым минимумом сельскохозяйственной продукции. Однако, несмотря на жесткий контроль за производством и поставками продовольствия и определенное ущемление прав помещиков в пользу арендаторов, аграрный кризис обострялся и к 1945 году уже угрожал экономике всей страны. Так, обязательные поставки продовольствия в 1944–1945 годах были на 2 миллиона коку (1 коку — 15 кг) меньше, чем в 1943–1944 годах⁷.

После капитуляции Японии крестьянское движение, возникнув стихийно, развивалось быстрыми темпами и постепенно начало принимать организованные формы. В феврале 1946 года создается Японский крестьянский союз (Нихон номин кумиай — Нитино), который уже к моменту своего образования насчитывает более 600 тысяч членов.

Правящие круги страны стоят перед перспективой возникновения единого рабоче-крестьянского фронта. Чтобы не допустить его создания, успокоить крестьянство, разрядить напряженную обстановку, разрабатываются планы по проведению земельной реформы «сверху». Кэндзо Мацумура, занимавший в послевоенном кабинете К. Сидэхара пост министра земледелия и лесоводства, подчеркивал, что «для того, чтобы сбить начавшую подниматься волну крестьянского движения и обеспечить поставки риса и других зерновых, необходимо было осуществить широкое преобразование в области землевладения»⁸.

Правящие круги Японии полагали, что, проводя аграрную политику, непосредственно вытекающую из довоенных мероприятий по созданию хозяйств крестьян-собственников, им удастся создать достаточно широкий слой зажиточных крестьян, которые станут основной опорой японского капитализма в деревне. Потеряв колониальные владения и лишившись возможности грабить другие народы, японская буржуазия рассчитывала получить средства на восстановление своей экономической мощи за счет эксплуатации деревни, которая, по их мнению, мало пострадала от войны и бомбардировок и при создании в ней значительного количества хозяйств крестьян-собственников могла выплачивать значительные налоги⁹.

Кроме того, преобразования в сельском хозяйстве должны были решить продовольственную проблему, смягчить проблему безработицы и тем самым способствовать спаду движения народных масс, все более выходившего из-под контроля не только правящих кругов, но и оккупационных властей.

Наконец, чтобы обеспечить себе максимальные выгоды при проведении земельной реформы, правящие круги Японии спешили ввести ее в действие до принятия соответствующих мер со стороны оккупационных властей.

Ставя перед собой все эти задачи, японское руководство в то же время было против проведения преобразований решительными мерами. В условиях оккупационного режима и развертывавшегося широкого демократического движения, когда требовалась консолидация всех сил правящего лагеря, японская буржуазия считала неразумным полное устранение с политической сцены своего недавнего союзника — помещиков. Предполагалось некое компромиссное решение, при котором власть и интересы помещиков, в основном так называемых «отсутствующих помещиков» (проживающих в городе, но имеющих земельные владения), были бы несколько ограничены, но чтобы в дальнейшем помещики обеспечили поддержку центральной власти в сельских районах. В работе японских авторов «Политические процессы современной Японии» отмечается, что японский капитал по окончании войны уже не признавал экономической необходимости существования помещичьей системы, но поддерживал политические функции, выполняемые помещиком в деревне¹⁰. Кроме того, несмотря на то, что в результате поражения Японии в войне политические и экономические позиции помещиков оказались подорванными, они продолжали сохранять, особенно в начальный период оккупации, серьезные позиции в правящем лагере, имели возможность оказывать влияние на развитие политической обстановки в стране и отстаивать свои интересы.

Какова же была позиция оккупационных властей по вопросу о земельной реформе? Уже после ее проведения и окончания оккупации в американской литературе широкое распространение получила тенденция превозносить политику американских оккупационных властей как инициатора и основного создателя новой системы аграрных отношений в Японии¹¹.

Как уже отмечалось, проект земельной реформы стал разрабатываться по инициативе японских правящих кругов,

и еще до того, как 9 декабря 1945 года генерал Д. Макартур направил японскому правительству директиву относительно земельной реформы, японское правительство уже представило в парламент собственный законопроект о земельной реформе и форсировало его одобрение парламентом.

По плану японского правительства предел помещичьего землевладения устанавливался в 5 тё (1 тё = 0,99 га). Предусматривалась замена натуральной арендной платы денежной. Предполагалось, что в течение 5 лет арендаторы смогут приобрести в собственность 950 тысяч тё земли¹². По своему характеру реформа представляла собой половинчатое, компромиссное решение проблемы, и ее осуществление не вело к коренным переменам в японском сельском хозяйстве. Достаточно сказать, что реформа затрагивала интересы лишь 39 % всех арендаторов¹³ и после ее проведения 1650 тысяч тё земли по-прежнему оставалось в руках помещиков¹⁴. Причем крайне невыгодные для арендаторов условия покупки земли, в том числе решение вопроса о купле-продаже земли путем прямых переговоров между помещиком и арендатором, при которых арендатор заведомо попадал в подчиненное от помещика положение; сохранение высокой арендной платы; наличие различных обходных путей, с помощью которых помещики могли сохранить за собой землю или передать ее своим родственникам, — все это заставляло сомневаться в том, что земли попадут в руки арендаторов.

Реформа практически не затрагивала интересов мелких и средних помещиков. Дело в том, что в Японии существовали специфические условия, при которых к помещикам причислялись и те землевладельцы, которые владели и сдавали в аренду земельные участки, не превышавшие по своим размерам 3–5 тё, и по своему экономическому положению не были, естественно, помещиками. Но именно эти земле-

владельцы располагали особо сильным влиянием и составляли основную опору сохранившихся полуфеодальных пережитков в деревне. Японские инициаторы земельной реформы считали, что эти мелкие и средние помещики найдут общий язык с крестьянами-собственниками и вместе с ними станут проводниками аграрной буржуазной политики в стране.

Но даже столь ограниченный и непоследовательный проект земельной реформы встретил решительную оппозицию со стороны помещиков. Как пишет С. Ёсида, многие члены правительства выступили против обязательной продажи земли помещиками, считая это чересчур радикальным шагом¹⁵. При рассмотрении законопроекта в правительстве, а затем в парламенте в него был внесен ряд существенных поправок в пользу помещиков. Так, размер минимальной площади, которая оставалась у помещиков, установлен не в 3 тё, как это предполагалось в первоначальном варианте, а в 5 тё. Однако и в значительно измененном виде законопроект имел мало шансов быть утвержденным парламентом. Лишь после того, как была опубликована директива Д. Макартура от 9 декабря 1945 года, парламент в необычайно короткий срок утвердил этот законопроект, который стал известен как закон о первой аграрной реформе. Однако расчеты правящих кругов Японии на то, что принятие закона «умиротворит» оккупационные власти, не оправдались. Генерал Д. Макартур признал закон не соответствующим условиям, сформулированным в декабрьском меморандуме, и закон так и не был введен в действие.

Соединенные Штаты имели свои собственные планы относительно будущего японской деревни. Важное место в американской политике демократизации Японии отводилось земельной реформе. При этом государственные органы США, планировавшие оккупационную политику, исхо-

дили из того, что именно полуфеодальные пережитки являлись одним из источников агрессивности японского империализма и социально-политической базой тоталитаризма. Ликвидация этой базы и насаждение буржуазной демократии составляли основное направление в разработке политики оккупационных властей в японской деревне¹⁶. «Многие американцы, — пишут авторы книги “Исследование японо-американских отношений”, — верили в то, что результат программы демократизации Японии будет зависеть от успеха или неудачи земельной реформы»¹⁷.

Реформирование японской деревни должно было, по планам США, также способствовать расширению внутреннего рынка, узость которого в прошлом стимулировала японскую экспансию.

Наконец, для политики американских оккупационных властей в аграрном вопросе характерна антикоммунистическая направленность, которая по мере изменения общей оккупационной политики США становилась все более ярко выраженной. Существовали «опасность аграрных волнений как источника коммунистической власти и убеждение, что послевоенная сельская Япония, как и вся Япония в целом, представляла собой благодатное поле для коммунистического проникновения. Идея выбить эту почву из-под ног коммунистов в их политике была столь же соблазнительна, сколь и настоятельна»¹⁸, — подчеркивали американские исследователи.

Крестьяне-собственники должны были стать стабилизирующей силой, способствующей воспитанию деревни в духе «здорового демократизма»¹⁹, призваны были, по замыслам США, «принести в деревню социальный мир, превратить ее в бастион антикоммунизма»²⁰.

США также рассчитывали на то, что преобразования в сельском хозяйстве успокоят народные массы, позволят стабилизировать экономическое положение, избавят США

от необходимости нести бремя по обеспечению Японии продовольствием и тем самым укрепят позиции оккупационных властей в стране.

Однако каковыми бы ни были намерения японских правящих кругов и американских оккупационных властей, за необходимость радикальной аграрной реформы выступал не только Советский Союз, но и Великобритания и ряд других государств — участников войны с Японией, а сами аграрные преобразования, и это особо важно, претворялись в жизнь в условиях развития широкого демократического движения в самой Японии. Эти факторы отмечают в своих работах и многие японские ученые²¹. Наглядным примером активного участия широких народных масс в борьбе за проведение демократических преобразований в сельском хозяйстве может служить провал планов правящих кругов Японии ограничиться принятием половинчатой земельной реформы. Быстрыми темпами увеличивалось число членов Японского крестьянского союза, насчитывавшего с апреля 1946 года в своих рядах уже 2 820 000 членов. В своей программе Японский крестьянский союз требовал решительного проведения реформы землевладения, ликвидации влияния помещиков в деревне, снижения арендной платы²².

При сопоставлении целей, которые преследовали оккупационные власти США, с намерениями правящих кругов Японии в аграрной политике можно легко заметить их точки соприкосновения. Общим является стремление создать в японской деревне хозяйства зажиточных крестьян, которые должны были препятствовать проникновению в деревню социалистических идей и обеспечивать поддержку консервативным силам, а также намерение создать условия для восстановления и развития японского капитализма. Это обусловило, как пишет С. Ёсида, то, что в отличие от других мероприятий Штаб оккупационных войск

и японское правительство «успешно работали вместе над разработкой окончательных деталей земельной реформы»²³. Однако, в отличие от правящих кругов Японии, США готовы были пойти на принятие более решительных мер в отношении японских помещиков.

При этом как японское правительство, так и Штаб оккупационных войск оказались не в состоянии разработать взаимоприемлемый проект земельной реформы.

В этой обстановке, когда практически вопрос о проекте земельной реформы зашел в тупик, 29 мая 1946 года представитель Советского Союза в Союзном совете выступил с конкретным планом проведения земельных преобразований²⁴. План предусматривал изъятие и выкуп всей земли, которая до 2 сентября 1945 года не обрабатывалась ее владельцами, а сдавалась в аренду или пустовала; всей земли, принадлежащей отсутствующим землевладельцам, а также всех излишков земли у землевладельцев, самостоятельно обрабатывающих землю, сверх нормы в 3 тё, а по Хоккайдо — свыше 10 тё.

По советскому плану изъятие и выкуп должны были осуществляться на следующих условиях: стоимость первых 3 тё подлежала оплате полностью по государственной цене; стоимость четвертого, пятого и шестого тё оплачивалась в половинном размере, а вся остальная подлежащая отчуждению земля поступала в фонд земельной реформы безвозмездно. Крестьянам, приобретавшим землю в собственность, предоставлялись льготные кредиты, предусматривалась оплата земли в рассрочку. Важным моментом являлось наличие в советском плане пункта о том, что между крестьянином, покупающим землю, и землевладельцем, у которого конфисковалась земля, не должно было проводиться прямых переговоров о купле-продаже земли. Эту функцию должны были осуществлять государственные органы.

Против советского плана в Союзном совете выступил представитель США Дж. Ачесон, особенно резко критиковавший положение о безвозмездной конфискации крупных землевладений, усматривая в этом прямой подрыв принципа частной собственности. Однако США так и не смогли представить на рассмотрение Союзного совета какой-либо конкретный проект земельной реформы. В результате за основу был принят проект реформы, предложенный представителем Британского Содружества наций в Союзном совете М. Боллом, по которому, по сравнению с советским планом, предусматривалось осуществление более умеренных преобразований.

Тем не менее выдвижение Советским Союзом плана земельной реформы сыграло важную роль, что признают в своих исследованиях и многие японские авторы. Они отмечают, что при обсуждении проекта земельной реформы США оказались под угрозой потерять инициативу и перед перспективой ослабления своих позиций в Японии²⁵. Это, с одной стороны, вынудило США поспешить с завершением составления проекта земельной реформы, а с другой — препятствовать намерениям американских оккупационных властей полностью игнорировать советский план, т. к. его содержание стало известно в Японии и он завоевал популярность. Кроме того, как вынужден был признать С. Ёсида, известие о том, что Советский Союз выступил за конфискацию всех земель, обрабатываемых арендаторами, «способствовало примирению помещиков с условиями второй земельной реформы»²⁶.

В создавшейся обстановке японское правительство поспешило согласиться с проектом аграрной реформы, разработанной на основе предложений М. Болла.

26 мая 1946 года японское правительство приняло решение одобрить проект земельной реформы, а 11 октября парламент принял два законопроекта о проведении специ-

альных мероприятий в отношении крестьян-собственников и исправленный и дополненный закон 1938 года о регулировании аграрных отношений, которые и составили юридическую основу последовавших преобразований, получивших в японской историографии название второй аграрной реформы.

Согласно вышеупомянутым законам, продаже подлежали земли отсутствующих помещиков. Помещики, живущие в деревне, но не обрабатывающие свою землю, имели право сохранить 3 тё сдаваемой в аренду земли. Землевладельцы, обрабатывающие часть своих земель, могли сохранить за собой эту часть плюс 1 тё сдаваемой в аренду земли, но с тем условием, чтобы общая площадь сохраняемой земли не превышала 3 тё (на Хоккайдо — 12 тё). Предел в 3 тё был установлен для всех землевладельцев. Для осуществления скупки и продажи земли создавались земельные комитеты в составе пяти арендаторов, троих помещиков и двоих крестьян-собственников, которые избирались соответствующими группами населения²⁷.

Многие американские и японские ученые склонны считать, что земельная реформа в Японии была осуществлена быстро и в целом в спокойной обстановке. Однако это не соответствует действительности. Реформа встретила ожесточенное сопротивление со стороны помещиков, особенно со стороны тех помещиков, которые проживали в деревне. Используя находившиеся в их распоряжении экономические и политические рычаги давления, помещики саботировали проведение преобразований в системе землевладения, прибегали к насильственному сгону арендаторов с земли, продолжали взимать арендную плату натурой, игнорировали положения закона об обязательном заключении арендных контрактов в письменной форме, запугивали крестьян, создавали свои организации Дзинуси юсикай (Общества помещиков-единомышленников), через которые пытались

оказать давление на правительство и оккупационные власти. С мая 1947 года, после вступления в силу новой конституции, помещики развернули широкое петиционное движение, пытаясь доказать неконституционность земельной реформы. Они получили поддержку и со стороны правительства С. Ёсида, которое явно затягивало сроки проведения реформы, что, в частности, выражалось в пассивном отношении правительства к созданию земельных комитетов и практически полном отсутствии с его стороны разъяснительной работы среди крестьянства об основных положениях нового земельного законодательства.

Изъятие земель началось фактически лишь в конце марта 1947 года, т. е. когда первый кабинет С. Ёсида доживал последние дни, а к власти в мае пришел кабинет социалистов во главе с Т. Катаяма. Вновь заняв пост премьер-министра, С. Ёсида в январе 1949 года назначил министром земледелия и лесоводства Мори, который, как пишет американский дипломат Р. Фири, был одним из «наиболее яростных противников реформы»²⁸. «В качестве министра, ответственного за проведение реформы, — отмечает он, — этот человек продемонстрировал свою последовательную враждебность земельной реформе и, при явной поддержке остальных членов кабинета, стремился помешать ее выполнению»²⁹. Р. Фири пишет также о том, что министерство земледелия и лесоводства, совместно с министерством финансов, в октябре 1949 года пыталось затормозить процесс регистрации (юридического оформления) продажи помещиками и покупки арендаторами земли. Более того, министерство земледелия и лесоводства под предлогом экономии на административных расходах практиковало «увольнение и перевод на другую работу чиновников, которые особенно эффективно выполняли программу земельной реформы и способствовали ускорению процесса регистрации земли»³⁰.

Однако подобные действия помещиков и правящих кругов встречали активное противодействие со стороны арендаторов, «проявлявших ярое стремление владеть землей»³¹. В 1947 году крестьянское движение достигает своего наибольшего подъема за весь послевоенный период. К этому времени по всей стране насчитывалось более 7000 крестьянских союзов, объединявших в своих рядах более 2 миллионов членов³². Крупнейший и наиболее влиятельный крестьянский союз Нитиро организовывал активное ознакомление крестьян с положением нового аграрного законодательства, осуществлял контроль за избранием членов земельных комитетов и надзор за деятельностью комитетов после их создания. В земельных комитетах, особенно в тех, где были представители арендаторов, тесно связанные с Японским крестьянским союзом, «можно было видеть бурную деятельность арендаторов и мелких собственников»³³.

Классовая борьба в деревне принимала все более острые формы. По свидетельствам японских авторов, «столкновения между помещиками и арендаторами часто сопровождались кровопролитиями»³⁴.

Обеспокоенные создавшейся ситуацией оккупационные власти были вынуждены вмешаться в процесс проведения реформы. 10 февраля 1948 года Штаб оккупационных войск издал указ, в котором указывал на недопустимость попыток саботировать проведение реформы³⁵. В аналогичном духе было выдержано и выступление генерала Д. Макарура 24 октября 1949 года по случаю третьей годовщины принятия законов об аграрной реформе³⁶. Оккупационные власти опасались, что создавшаяся обстановка будет способствовать активизации левых сил. Штаб оккупационных войск прямо указывал на то, что «если правительство не будет претворять в жизнь реформу, вместо него это сделает КПЯ»³⁷. С другой стороны, США были убеждены в том, что по окончании оккупации правящие круги

Японии предпримут попытки активного пересмотра наиболее важных преобразований, осуществленных после капитуляции, в том числе и «основных положений земельной реформы, с тем чтобы свести ее на нет»³⁸. В связи с этим американские оккупационные власти стремились завершить проведение земельной реформы еще в период их присутствия в Японии, закрепить ее результаты и, таким образом, добиться достижения поставленных целей.

Проведение земельной реформы, а именно ее главная задача — перераспределение земли — была в основном решена к 1950 году. К 1 августа 1950 года у 2062 землевладельцев была выкуплена 1951 тысяча тё земли, которая была передана 4476 тысячам арендаторов и полуарендаторов³⁹.

В результате этого к августу 1950 года арендные земли составили всего лишь 10,1 % всех обрабатывавшихся земель (в ноябре 1945 года — 45,9 %) ⁴⁰.

Многие японские ученые считают, что земельная реформа не вызвала коренных изменений в аграрных отношениях. Аргументируя свою позицию, они подчеркивают тот факт, что реформа не уничтожала полностью арендных отношений и что сохранилось около 600 тысяч тё земли, сдаваемой в аренду. С этими доводами нельзя согласиться. Не только изменился характер арендных отношений, но и арендная плата с сохранившихся и после реформы арендуемых земель должна была отныне взиматься в денежной форме и не превышать 25 % стоимости урожая на орошаемых полях и 15 % стоимости урожая на суходольных полях. Все условия аренды подлежали фиксации в письменном виде, и арендатор получил право обращаться в суд в случае нарушения условий аренды. Однако более важным является следующее: в ходе проведения реформы крупные помещичьи землевладения перестали существовать. В результате в деревне появляется новое лицо — бывший помещик, который либо сам начинает обрабатывать землю,

либо продолжает сдавать землю в аренду, но площадь земельного участка, сдаваемого в аренду одним землевладельцем, фактически ограничивается 1 тё. Таким образом, бывшие помещики все более превращаются в крестьян-собственников, а «сами арендные отношения сохранялись в основном внутри крестьянства, иначе говоря, один крестьянин арендует землю у другого, а не у помещика (что, конечно, в принципе не исключает возможности эксплуатации)»⁴¹. Кроме того, после завершения реформы наблюдается тенденция сокращения общей площади земель, сдаваемых в аренду. В 1960 году арендные земли составляли только 6,7 % всех обрабатывавшихся земель.

Именно это не учитывали те японские ученые, которые считали, что реформа не могла существенно изменить характер аграрных отношений потому, что проводилась «сверху».

Действительно, многие вопросы остались нерешенными. В японской деревне продолжали существовать мелкие и мельчайшие владения пахотной земли. «Можно сказать, — пишет японский ученый Т. Огура, занимающийся проблемами сельского хозяйства, — что японское хозяйство вышло из реформы при среднем размере земельного участка даже меньшем, чем прежде, и таком же раздробленном»⁴². Это объясняется тем, что после окончания войны из города в деревню хлынули массы безработных, демобилизованные солдаты, репатрианты из бывших японских колоний и захваченных территорий. В результате число семей, занимающихся сельским хозяйством, в 1960 году увеличилось по сравнению с 1939 годом на 12,5 % и превысило 6 миллионов⁴³. Очевидно, что многие проблемы, связанные с мелкокрестьянским характером японской деревни, можно было бы решить путем широкого кооперирования. Однако, опасаясь, что создание сельскохозяйственных кооперативов, особенно по совместной обработке земли, может по-

влекать за собой «социализацию» деревни, ни японское правительство, ни американские оккупационные власти не поощряли, а во многих случаях и препятствовали их созданию. Разрешалось создавать кооперативы лишь для выполнения отдельных специфических функций⁴⁴.

Реформа касалась только обрабатываемых земель и не распространялась на леса, невозделываемые земли и водоемы, которые продолжали оставаться в руках бывших помещиков, что позволяло им сохранять определенные рычаги экономического давления. Проведение реформы не сопровождалось принятием мер по радикальной ломке традиционных полуфеодальных политических связей в деревне. По указанию Штаба оккупационных войск подлежали ликвидации буракукай (поселковые ассоциации), являвшиеся одним из основных и наиболее реакционных институтов политического влияния помещиков в деревне. Однако роспуск буракукай носил зачастую формальный характер, и бывшие помещики во многом продолжали сохранять свое общественно-политическое влияние в деревне.

Тем не менее определяющим было то, что осуществление реформы неизбежно вело к исчезновению помещиков как класса. Что касается отсутствующих помещиков, то еще после Второй мировой войны все большее их число становилось профессиональными политиками, владело промышленными предприятиями, занималось торговлей, находилось на государственной службе, работало в частных компаниях и банках. Помещики, в основном средние и мелкие, проживавшие в пореформенной деревне, начинали заниматься торговлей, становились владельцами предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, поступали на государственную службу в местные органы власти или занимались обработкой земли⁴⁵.

Главной фигурой в пореформенной деревне стал крестьянин-собственник (см. таблицу).

Изменение процентного соотношения крестьян-собственников и крестьян-арендаторов в ходе проведения земельной реформы⁴⁶

	Крестьяне-собственники, %	Арендаторы, %
Апрель 1946	32,8	28,0
Март 1949	57,1	7,8
Февраль 1950	61,8	5,0

Укреплению позиций крестьянина-собственника способствовало и то, что к концу 1949 года большинство арендаторов (по некоторым данным, до 70 %) ⁴⁷ смогло полностью выплатить стоимость приобретенной земли. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, выкуп и продажа земли проводились по ценам на землю, замороженным правительством еще в 1939 году, что в условиях послевоенной инфляции предопределило низкую продажную цену земли. Во-вторых, в результате инфляции в военное время, еще более обострившейся в первые послевоенные годы, крестьяне смогли погасить значительную часть своей задолженности и в некоторых случаях создать и определенные накопления.

«Помещик, потеряв землю, терял власть в деревне» ⁴⁸, а крестьянин-собственник укреплял свои позиции в деревенской иерархии. Старая система почетных домов — домов помещиков и семей знатного происхождения — уже не могла пользоваться в деревне прежним престижем. Теперь влиянием располагает тот, кто занимает наиболее ответственный пост в административных органах деревень и поселков, в кооперативах, крестьянских союзах. Многие из этих постов оказались в руках бывших помещиков, но теперь они все более вынуждены считаться с крестьянами-собственниками, а зачастую и сами попадают под влияние наиболее зажиточных из них.

Если бы, как пишут некоторые японские ученые, земельная реформа практически ничего не дала крестьянству, то тогда было бы невозможно объяснить тот факт, что в пореформенной деревне практически не наблюдается какого-либо серьезного крестьянского движения. Более того, сельское население на долгие годы стало главной опорой власти Либерально-демократической партии, основной базой консерватизма.

У крестьян, получивших землю в результате реформы, укреплялось сознание мелких собственников со всеми вытекающими отсюда последствиями. Еще до завершения реформы наблюдается ясно выраженный спад крестьянского движения в стране, который затем переходит в длительный застой. Теряет свою боевитость Нитино, и в апреле 1949 года происходит его раскол, обусловленный прежде всего тем, что, созданный как союз мелких арендаторов в борьбе против помещиков, Нитино все более становится союзом крестьян-собственников. Принятие аграрного законодательства парламентом и осуществление реформы через официальные государственные органы поддерживало у большинства крестьянства впечатление о «дарованности» земельной реформы исключительно на основе «благих» намерений правительства и оккупационных властей и порождало «по крайней мере на время чувство удовлетворенности существующим социальным и политическим строем»⁴⁹.

Результаты реформы устраивали как американские оккупационные власти, так и японское правительство. Японские авторы отмечают, что изменение политического курса США в отношении Японии на втором этапе оккупации «практически не отразилось на земельной реформе»⁵⁰, а японские правящие круги после окончания оккупации страны не внесли каких-либо серьезных изменений в аграрное законодательство 1946 года. Более того, они встали на путь

оказания помощи и поддержки мелкому товаропроизводству, в котором они усматривали основного своего союзника.

Устраивало правящие круги Японии и положение, сложившееся в сельском хозяйстве в экономическом плане. Ликвидация феодальных и полуфеодальных пережитков в сельском хозяйстве создала предпосылки для его развития. Возросла заинтересованность крестьянина в увеличении производства сельскохозяйственной продукции, повысилась производительность труда.

Почти полная ликвидация аренды способствовала росту накоплений в сельском хозяйстве. Появилась возможность для использования разнообразных сельскохозяйственных машин, для внедрения в сельское хозяйство достижений науки и техники. Все это способствовало росту общего объема сельскохозяйственного производства, которое уже к 1955 году на 27,9 % превышало уровень 1933–1935 годов⁵¹.

Однако, получив в результате проведения аграрной реформы определенные возможности для своего развития, сельское хозяйство с конца 1950-х годов начинает сталкиваться с рядом серьезных проблем, которые в основном связаны с бесперспективностью дальнейшего развития в деревне мелкотоварного хозяйства.

Сознавая необходимость модернизации сельского хозяйства на путях создания крупных фермерских хозяйств, японские правящие круги во главе с Либерально-демократической партией, опасаясь, что проведение такой политики неизбежно будет сопровождаться разорением многих мелких хозяйств и, как следствие, повлечет за собой рост недовольства широких кругов крестьянского населения и может поставить под угрозу всю систему политического влияния в сельских районах, многие десятилетия весьма осторожно подходили ко всем вопросам, связанным с проблемами сельского хозяйства, ограничиваясь принятием половинчатых мер.

Глава VII

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ЯПОНИИ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ОККУПАЦИИ (1945–1947 гг.)

Поражение Японии в войне, крайнее обострение нужды и лишений широких масс трудящихся, предоставившаяся возможность активной политической деятельности вызвали в послевоенной Японии невиданный в истории этой страны подъем активности масс.

Реформы в политической и социальной сферах открыли возможность, стимулировали активное вовлечение в политическую деятельность миллионов японцев. В свою очередь эта деятельность способствовала быстрому и в целом успешному претворению в жизнь проводившихся реформ, а также препятствовала попыткам ограничить их воздействие на перестройку политической, социальной и экономической системы страны.

Значительное влияние на радикализацию умонастроений широких масс играло их крайне тяжелое материальное положение. Общий индекс промышленного производства в 1946 году составлял около 30 % довоенного. В стране насчитывалось около 10 миллионов безработных.

В том, что японская экономика восстанавливалась крайне медленно, намного медленнее, чем в странах Западной Европы, в том числе и в Западной Германии, есть результат

и сознательной политики США. Как уже отмечалось, первые два года после начала оккупации США не обращали внимания на тяжелое экономическое положение Японии. Органы, планировавшие политику США в отношении Японии, считали, что японская экономика должна восстанавливаться собственными усилиями и в дальнейшем полагаться в основном на использование внутренних ресурсов.

В соответствии с этим курсом после начала оккупации импорт и экспорт были поставлены под непосредственный контроль оккупационных властей, которые наложили запрет на импорт железной руды, нефти, бокситов и других сырьевых материалов и ввели ограничения на уровень производства в различных отраслях японской промышленности. В результате японская промышленность испытывала острую нехватку сырья.

После капитуляции прекратилось военное производство, и встал вопрос о переводе военных предприятий на выпуск мирной продукции, объем которой в общем промышленном производстве за годы войны резко сократился и составлял всего 1/3 довоенного уровня. Очевидно, что за короткий срок решить многочисленные проблемы, связанные с переводом промышленности на мирное производство и стабилизацией экономического положения, было весьма сложно. Однако на первом этапе оккупации не было никаких признаков, свидетельствующих о том, что правящие круги Японии предпринимают усилия в этом направлении. Более того, положение продолжало ухудшаться.

Со стороны лидеров деловых кругов, особенно связанных с военно-промышленными компаниями, имел место саботаж экономического восстановления. Они отказывались переводить предприятия на выпуск мирной продукции до тех пор, пока правительство не ликвидирует свою огромную «задолженность» в 75 миллиардов иен, которая включала в себя выплату компенсаций за расторжение до-

говоров на военные поставки, а также возмещение «убытков», причиненных войной.

Советский представитель в Союзном совете справедливо указывал на то, что выплата каких-либо компенсаций бывшим компаниям военной промышленности Японии, которые получали особое покровительство и специальные субсидии со стороны японского правительства и, по существу, были опорой милитаристской клики Японии в деле подготовки японской экономики к войне, несовместима с общими принципами оккупационной политики Союзных Держав¹.

Тем не менее японское правительство при попустительстве американских оккупационных властей признало все претензии этих компаний и до августа 1946 года выплачивало компенсации, несмотря на то что это усугубляло и без того стремительное развитие инфляции.

Сознательное проведение политики на сохранение хозяйственной разрухи, по мысли японских правящих кругов, должно было лишить американские монополии возможности воспользоваться удобным случаем для проникновения в японскую экономику. Сохраняя бедственное положение в экономике, они рассчитывали также добиться уменьшения суммы репараций.

Японское правительство не предпринимало каких-либо серьезных мер для выхода из продовольственного и экономического кризиса, ограничившись массовой эмиссией бумажных денег для выполнения своих многочисленных обязательств перед монополиями, для выплаты пособий офицерскому составу армии, для покрытия дефицита государственного бюджета. Это способствовало безудержному росту инфляции, которая усугубляла и без того тяжелое положение трудящихся.

К январю 1946 года в Токио прожиточный минимум возрос по сравнению с довоенным 1937 годом в 14,8 раза, в то

время как номинальная зарплата рабочих за этот период увеличилась в 4,4 раза.

В марте 1946 года правительство К. Сидэхара приняло закон о чрезвычайных мерах в области экономики и финансов. Было объявлено об обмене старых денег на новые. Население должно было сдать в банки все имевшиеся в наличии старые денежные знаки. Из этих денег главе семьи ежемесячно выдавалось на руки 300 иен плюс 100 иен на содержание семьи. Денежная реформа, по существу, свелась к замораживанию вкладов и заработной платы. Рабочие и служащие получали наличными не более 500 иен в месяц. Заработная плата, превышавшая эту сумму, поступала на замороженный текущий счет, где быстро обесценивалась в условиях инфляции.

Тяжелое экономическое положение и неспособность правительства предпринять конкретные меры по его преодолению порождали растущий протест широких слоев населения, прежде всего рабочих.

Уже на следующий день после опубликования ШОВ ряда директив о демократических преобразованиях, т. е. 5 октября 1945 года, был создан первый послевоенный профсоюз — Всеяпонский союз моряков. Количество профсоюзов быстро увеличивалось, росла их численность.

По мере того как создавались и крепились профсоюзы, усиливалась стачечная борьба рабочих. Начавшись как экономическая (повышение зарплаты, прекращение увольнений), стачечная борьба быстро переросла в политическую (требование демократизации управления предприятиями, признание профсоюзов).

Политическая активность охватывала самые широкие слои населения. Городские жители требовали энергичных мер по ликвидации продовольственного кризиса, решению жилищной проблемы. Приходит в движение крестьянство.

Пережив период грандиозных политических и социальных потрясений, испытав на себе мрачные годы реакции, бедствия войны, захваченная вихрем социальных перемен значительная часть японской интеллигенции, особенно представляющая общественные науки, литературу и искусство, пришла к осознанию потенциальной вины за военные преступления, совершенные Японией, к пониманию ответственности за свою деятельность. Многие представители интеллигенции стали обращаться к трудам К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Не случайно во многих японских исследованиях подчеркивается, что в послевоенное время на японскую интеллигенцию существенное влияние оказал марксизм². Значительная часть японской интеллигенции включилась в активную политическую деятельность на стороне Социалистической и Коммунистической партий, стала объединяться в свои профессиональные организации.

В феврале 1946 года была создана Японская демократическая лига культуры, объединившая союзы прогрессивных писателей, журналистов, адвокатов, работников науки, просвещения, искусства. Появились демократические организации женщин, молодежи.

По мере развития процесса демократизации все более актуальным становился вопрос о новых парламентских выборах. После капитуляции парламент военного времени не был распущен, ведущую роль в его составе играли политические лидеры, активно сотрудничавшие с агрессивными милитаристскими кругами, а теперь препятствующие осуществлению демократических реформ.

Уже на первом этапе проведения чистки в январе 1946 года были арестованы или отстранены от политической деятельности многие депутаты парламента. Из 274 депутатов парламента, насчитывавшихся в Прогрессивной партии к моменту ее создания, под чистку подпало

260 депутатов, у Либеральной партии под чистку подпало 19 депутатов из 46, у Партии сотрудничества — 21 депутат из 23.

Несмотря на то, что консервативным силам был нанесен ощутимый удар, они продолжали пользоваться значительным влиянием на избирателей.

Левые силы, в первую очередь СПЯ и КПЯ, с неодобрением восприняли решения ШОВ назначить выборы в парламент на 10 апреля 1946 года, полагая, что они еще недостаточно организационно состоятельны, чтобы конкурировать с имевшими большой политический опыт и умение вести предвыборную кампанию консервативными силами, чтобы провести соответствующую работу в массах. В то же время располагающие большим политическим опытом, способные вести активную предвыборную кампанию консервативные силы, по мнению США, имели хорошие шансы для победы на выборах, и тем самым создавались бы более благоприятные условия для их сотрудничества с американскими оккупационными властями.

ДВК и советские представители в Союзном совете, учитывая это, требовали отложить проведение выборов. Однако США не пошли на изменение сроков выборов, и они состоялись 10 апреля.

Выборы проходили согласно новому закону о выборах, который был принят парламентом 14 декабря «по рекомендации» Д. Макатура.

Впервые наравне с мужчинами к участию в выборах допускались женщины. Возраст активного избирательного права снижался с 25 до 20 лет, а пассивного (т. е. право быть избранным) — с 30 до 25 лет.

Как и прогнозировалось, консерваторы одержали на них победу. Большинство мест в парламенте получила Либеральная партия — 140. Прогрессивная партия, председателем которой был премьер-министр К. Сидэхара, получила

94 места, СПЯ — 92, Партия народного сотрудничества — 14, КПЯ — 5 (2,1 миллиона голосов).

Левые силы выступали на выборах под лозунгами свержения правительства К. Сидэхара, создания народного правительства. Однако К. Сидэхара отказался уйти в отставку даже несмотря на то, что Прогрессивная партия, председателем которой он стал 17 апреля 1946 года, уступила первенство Либеральной. Это вызвало массовые выступления протеста, т. к. в тот период среди большинства населения К. Сидэхара рассматривался в качестве основного препятствия на пути осуществления политических реформ и улучшения экономического положения. По всей стране проходили митинги за уход в отставку кабинета К. Сидэхара, перед резиденцией премьер-министра устраивались демонстрации. По предложению СПЯ был образован межпартийный комитет борьбы за свержение кабинета К. Сидэхара, в который вошли депутаты от Либеральной партии, Партии сотрудничества, СПЯ и КПЯ. Комитет вручил премьеру совместную резолюцию четырех партий, требующую его отставки. 22 апреля 1946 года кабинет К. Сидэхара вынужден был уйти в отставку.

Образование комитета четырех партий создавало предпосылки для создания коалиционного правительства.

СПЯ первоначально выступила за формирование под ее руководством коалиционного правительства из представителей всех оппозиционных партий и начала переговоры с КПЯ, Партией сотрудничества и Либеральной партией. Однако представители правого крыла партии во главе с Суэхиро Нисиро выступили за соглашение с Либеральной партией без участия коммунистов. Либеральная партия в переговорах с СПЯ настаивала на формировании кабинета во главе с ее представителем. Правительственный кризис тянулся более месяца.

В это время в Японии впервые после 11-летнего перерыва отмечали Международный день солидарности тру-

дящихся 1 Мая. В Токио в первомайской демонстрации участвовало 500 тысяч человек, а по всей стране — более 2 миллионов рабочих, крестьян, служащих, представителей интеллигенции. По всей Японии прозвучали лозунги с требованием обеспечить население продовольствием, создать народное правительство.

Напуганные размахом народных выступлений американские оккупационные власти предприняли шаги по преодолению правительственного кризиса. Формирование нового кабинета было поручено Сигэру Ёсида³, занявшему пост председателя Либеральной партии вместо подвергнувшегося в начале мая чистке И. Хатояма.

Выражая недовольство решением сформировать однопартийное правительство, а также неспособностью разрешить продовольственный кризис, профсоюзы и левые партии 19 мая организовали в Токио массовую 250-тысячную демонстрацию, получившую название «второго Первомая». Уступая давлению масс, С. Ёсида решил отказаться от формирования кабинета. Однако на следующий день Д. Макартур опубликовал «Предупреждение», в котором ясно дал понять, что он не одобряет подобных массовых выступлений и будет их ограничивать.

Получив поддержку американских оккупационных властей, С. Ёсида 22 мая сформировал новое правительство. Образование первого кабинета С. Ёсиды ознаменовало определенную консолидацию сил крупной японской буржуазии и бюрократии, начало наступления на левые силы.

В состав кабинета вошло 5 министров-членов Либеральной партии, 4 министра-члена Прогрессивной партии и 4 — «независимых».

События апреля — мая 1946 года, бурное развитие профсоюзного движения, участвовавшие случаи введения рабочего контроля показали, что внутриполитическая ситуация выходит из-под контроля ШОВ и японского правительства.

Поэтому американские власти одобрили «Правительственное заявление относительно поддержания общественного порядка», опубликованное кабинетом С. Ёсида 13 июня 1946 года. Правительство, высказывая свое открыто негативное отношение к рабочему контролю за производством, требовало от предпринимателей принять соответствующие меры. Кроме того, правительство предложило предпринимателям пойти на создание на предприятиях управленческих советов из представителей рабочих и предпринимателей. С одной стороны, это была уступка рабочим, однако, с другой стороны, правительство таким образом стремилось локализовать движение контроля за производством отдельными предприятиями и рассматривало создание управленческих советов лишь как временную тактическую уступку. Финансовые и деловые круги встретили это заявление с одобрением и, несмотря на протесты профсоюзов, КПЯ и СПЯ, приступили к его выполнению. В результате движение контроля за производством пошло на убыль, и если в мае 1946 года было 56 случаев введения рабочего контроля, в которых приняло участие 38 846 рабочих, то в июне 44 случая — 18 056 рабочих, в июле 25 случаев — 2478 рабочих, а в сентябре — всего лишь 8 случаев.

В конце августа 1946 года Д. Макартур сделал заявление, в котором подчеркивалось, что оккупационные власти запрещают проведение забастовок и другие действия, связанные с прекращением работы, которые, по их мнению, препятствуют достижению целей оккупации.

В этот же период США начинают поставлять в Японию продовольствие, увеличив его поставки после бурных событий 1 и 19 мая. Таким образом, продовольственная помощь стала оказываться лишь тогда, когда оккупационные власти поняли, что раздражение населения отсутствием продовольствия способствует росту и без того значительной активности масс и порождает социальную нестабильность, которая в

конечном счете может поставить под угрозу всю систему оккупационной политики США. Однако поставки продовольствия в тот период, когда они были особенно необходимы, а именно в 1946-м — начале 1947 года, были явно недостаточны. Ввоз продовольствия с апреля по сентябрь 1946 года составил всего 608 тысяч тонн⁴, в то время как, по подсчетам министерства сельского хозяйства, не хватало 4500 тысяч тонн⁵. Оценивая американскую помощь Японии, Э. Рейшауэр пишет, что США поставляли в качестве помощи продовольствие и товары в количестве «меньшем по сравнению с тем, что направлялось в гораздо менее населенные страны Западной Европы»⁶. США считали, что в крайнем случае им удастся справиться с недовольством населения, прибегнув к использованию оккупационных войск, а бедственное положение населения рассматривали как «средство наказания японцев за нападение на Пёрл-Харбор».

Несмотря на проведение ШОВ и японским правительством политики «кнута и пряника», профсоюзное движение продолжало активно развиваться. Однако в самом движении произошли существенные изменения.

Наиболее радикально настроенные лидеры профсоюзов, а также КПЯ выступали за создание единых профсоюзов на профессиональной основе, независимо от предприятий, и объединения их в общенациональный профсоюзный центр. Однако правое крыло СПЯ — руководители довоенных профсоюзов — создавали профсоюзы по избирательным округам СПЯ в виде городских и префектурных объединений. 1 августа 1946 года после неудачи на переговорах о единстве профсоюзов они создали профсоюзное объединение — Всеяпонскую федерацию профсоюзов (Содомэй), число членов которой составило 850 тысяч человек. Содомэй унаследовала довоенную идеологическую платформу, для которой были характерны экономизм и политика сотрудничества с предпринимателями.

По инициативе коммунистов и левых руководителей профсоюзов 19 августа 1946 года был создан Всеяпонский конгресс производственных профсоюзов (Самбэцу кайги), объединивший 1,6 миллиона членов, или 43 % всех членов профсоюзов страны. Самбэцу кайги принял программу действий, основанную на программе Всемирной федерации профсоюзов, и развернул активную борьбу за права трудящихся.

Таким образом, в профсоюзном движении произошло размежевание по коренным вопросам тактики и стратегии борьбы. «Классовое течение» было представлено Самбэцу кайги, «соглашательское» — Содомэй.

С образованием всеяпонских профсоюзных центров трудовые конфликты начали носить общенациональный характер. Главным средством экономической борьбы профсоюзов становится всеобщая стачка.

Осенью 1946 года активная борьба разгорелась против реализации правительственного плана экономической стабилизации, предусматривавшего увольнение более 500 тысяч рабочих и служащих, в том числе 150 тысяч железнодорожников и моряков. Угроза всеобщей стачки заставила правительство пойти на уступки.

Одновременно на предприятиях начали создаваться комитеты по проведению кампании за свержение правительства С. Ёсида, которые затем образовали общенациональный комитет. Движение за свержение правительства С. Ёсида совпало с огромным размахом стачечной борьбы, вошедшей в историю как «Октябрьское наступление рабочего класса». К середине октября в стачках участвовало около 2 миллионов человек. Против бастующих была использована японская и американская военная полиция. Однако стачечная борьба продолжала нарастать. В ходе этой борьбы профсоюзы добились определенных успехов. Вдвое сверх установленного минимума была повышена выдаваемая на руки зарплата, закреплена свобода профсо-

юзной деятельности на предприятиях. Однако центральный вопрос борьбы — вопрос о прекращении массовых увольнений — не был решен.

К концу 1946 года вслед за рабочими частных предприятий развернули стачечную борьбу рабочие и служащие государственных и коммунальных предприятий, которые создали объединенный комитет совместной борьбы профсоюзов государственных служащих (Кёто), объединивший более 2 миллионов членов. Объединенный комитет потребовал повышения зарплаты, заключения коллективных договоров и др.

В середине января 1947 года к комитету присоединились 16 профсоюзов рабочих частных предприятий, в результате чего был создан Всеяпонский комитет совместной борьбы профсоюзов (Дзэнтó), объединивший 30 отраслевых профсоюзов, входивших в Самбэцу кайги, Содомэй и Федерацию профсоюзов государственных служащих. Таким образом, было в основном достигнуто единство действий всех профсоюзов страны.

Правительство С. Ёсида, опираясь на поддержку оккупационных властей, отвергло требования бастующих. Отказ правительства удовлетворить требования профсоюзов привел к тому, что все более широкие демократические силы спланивались вокруг КПЯ и СПЯ, возглавивших политическую борьбу. В Токио проходили массовые митинги с требованием отставки правительства С. Ёсида и создания демократического правительства, в которых принимали участие представители КПЯ, СПЯ, профсоюзов, крестьянских союзов. 18 января 1947 года Дзэнтó решил назначить на 1 февраля всеобщую стачку.

Движение за всеобщую февральскую стачку было наивысшей точкой послевоенного демократического подъема. Стачка грозила парализовать весь транспорт, связь, работу промышленных предприятий.

Однако за несколько часов до начала стачки ШОВ запретил ее проведение, опасаясь значительного усиления позиций левых сил. Вмешательство ШОВ развеяло иллюзии той части трудящихся и руководства левых сил, которые считали, что американские оккупационные власти будут последовательно поддерживать их выступления за углубление и развитие социально-экономических преобразований.

После запрета февральской стачки активность забастовочной борьбы, демонстраций стала постепенно ослабевать.

Глава VIII

«ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД» В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЯПОНИИ И НАЧАЛО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ (1947–1949 гг.)

Весной 1946 года США провозгласили «жесткий курс» основой своих взаимоотношений с Советским Союзом, который к весне 1947 года привел к разворачиванию политики «холодной войны».

Подобное изменение внешнеполитического курса США не могло не найти своего отражения и в оккупационной политике США в Японии. Как Вашингтон, так и ШОВ продолжает беспокоить необычайная активность масс, размах рабочего и левого движения, вызывающие нестабильность обстановки, неустойчивость позиций как правящих кругов страны, так и оккупационных властей. Соединенные Штаты начинают сознавать необходимость внесения изменений и корректив в свою оккупационную политику. Пока еще не ставится вопрос о коренном пересмотре политики первого этапа, и во многом оккупационные власти действуют как бы по инерции. Япония все еще рассматривается как «недавно покоренный, но потенциально опасный противник»¹. Как отмечают японские ученые, занимающиеся исследованием японо-американских отношений, «хотя Соединенные Штаты и искали на Дальнем Востоке силу, противостоящую Советскому Союзу, однако они ни с моральной, ни с

психологической точки зрения еще не представляли, как агрессивная Япония станет их будущим партнером»².

Посетивший в феврале 1949 года Японию военный министр К. Ройял говорил о том, что пока в руках США находятся Окинава и Филиппины, ценность Японии остается проблематичной³. США по-прежнему считают, что их партнером по азиатской и дальневосточной политике будет гоминьдановский Китай. Таким образом, Вашингтон еще не ставит задачи по превращению Японии в своего полноправного союзника. Однако не устраивает его и внутренняя обстановка в Японии.

Период с февраля 1947 года до конца 1949 года для политики США в Японии характерен тем, что, подводя итоги своей деятельности, американские оккупационные власти, стремятся стабилизировать политическую и экономическую обстановку в стране и закрепить свои позиции, проводя мероприятия по трем основным направлениям.

Во-первых, предпринимаются усилия к созданию в Японии достаточно устойчивого правительства, способного повести Японию по «среднему пути, отбрасывая экстремистскую идеологию»⁴ как правого, так и левого направлений.

Во-вторых, оккупационные власти начинают все более решительно и открыто вмешиваться в деятельность профсоюзов, оказывать давление и ограничивать рабочее и левое движение.

Наконец, если ранее оккупационные власти не обращали внимания на бедственное положение японской экономики, то теперь они предпринимают усилия по стабилизации экономического положения и восстановлению японской экономики.

Подобное изменение курса США в Японии не могло не оказать самого серьезного влияния на развитие внутриполитической ситуации в стране.

Запретив проведение февральской всеобщей стачки, ШОВ тем не менее вынужден был учитывать широкое недовольство правительством С. Ёсида, и 7 февраля 1947 года Д. Макартур направил ему письмо с предложением провести новые выборы в парламент. Назначенные на 25 апреля выборы Д. Макартур назвал «предохранительным клапаном» против напряженного внутриполитического положения в стране.

Апрельские выборы 1947 года должны были проводиться на основе новой конституции. Кроме того, с января 1947 года под чистку подпадали местные политики. Выросло и окрепло профсоюзное движение. Возросла политическая активность масс.

Все это создавало определенные благоприятные условия для успешного выступления на выборах левых сил. Консервативные силы понимали, что обстановка складывается не в их пользу, поэтому, готовясь к выборам, они провели определенную перегруппировку своих рядов. Потерпевшая поражение на предыдущих выборах Прогрессивная партия по предложению «молодых членов» партии в марте заявила о самороспуске и образовании Демократической партии (Нихон минсюто). В партию вступил ряд депутатов парламента во главе с Хитоси Асида, вышедших из Либеральной партии, а также ряд членов Партии сотрудничества. Это позволило Демократической партии увеличить к моменту роспуска парламента 31 марта число депутатов с 94 до 145. Сразу же после образования партии возникли разногласия о кандидатуре на пост лидера партии между группировками Х. Асида и К. Сидэхара. Только после выборов в мае пост председателя занял Х. Асида, а К. Сидэхара был избран почетным председателем. Демократическая партия, стремясь привлечь на свою сторону широкие круги населения, выступила на выборах под лозунгами т. н. «реформированного капитализма», под которым подразумевалось определенное

регулирование экономики со стороны государства, упорядочение отношений между трудом и капиталом, предоставление льгот мелким и средним предпринимателям.

Партия сотрудничества, реорганизованная в Партию народного сотрудничества (Кокумин кёдото) после ухода ряда ее членов в Демократическую партию, выдвинула программу модернизации сельского хозяйства и рыболовства на основе кооперации. Генсеком партии стал Такэо Мики.

Либеральная партия, не успев оправиться от потрясений, связанных с движением за свержение правительства С. Ёсида и «предательством» Д. Макартура, фактически предложившего кабинету уйти в отставку, не смогла разработать привлекательной для избирателей предвыборной платформы.

Отказавшись от общих действий с КПЯ, СПЯ тем не менее выступала на выборах с радикальной программой. Партия обещала вывести страну из экономического кризиса, покончить с инфляцией путем национализации и установления государственного контроля над важнейшими отраслями производства (в первую очередь над угольной и металлургической промышленностью), а также над Японским банком. Рабочим партия обещала установить гарантированный минимум зарплаты, отменить лимит выдачи зарплаты в размере 500 иен в месяц, понизить налоги с трудового дохода, ввести социальное страхование. На выработку предвыборной платформы партии безусловно оказал влияние подъем рабочего и демократического движения в конце 1946 года — начале 1947 года.

Выступая под демократическими лозунгами, СПЯ добилась на выборах большого успеха. Партия увеличила свое представительство в парламенте с 98 до 143 депутатов из 466 (за ее кандидатов голосовало 7 миллионов избирателей — 26,3%) и стала ведущей партией, оттеснив Либеральную, которая получила 131-е место. Демократическая партия сокра-

тила свое представительство до 124 депутатов. Партия народного сотрудничества получила 31-е место, а КПЯ — 4-е.

Впервые в истории Японии ведущей партией в парламенте стала партия, провозгласившая своей целью социализм. Однако, учитывая, что руководство партии находилось в руках правых социалистов, оккупационные власти не ожидали от партии проведения радикальной политики. Д. Макартур и ШОВ рассматривали успех СПЯ как успех политики «среднего пути», т. е. политики, которая на тот момент, по их мнению, наиболее отвечала сложившейся в стране ситуации.

Хотя СПЯ получила на выборах больше мест, чем любая другая партия, консервативным силам удалось сохранить большинство в парламенте, и руководство СПЯ во главе с лидером партии Тэцу Катаяма решило сформировать правительство на основе компромисса с буржуазными партиями.

6 мая начались переговоры между СПЯ, Либеральной, Демократической партиями и Партией народного сотрудничества. В конечном итоге Либеральная партия отказалась войти в кабинет, мотивируя это нежеланием, чтобы ее заподозрили в сотрудничестве с левыми социалистами. Коалиционное правительство было сформировано лишь 1 июня после того, как социалисты приняли условия Демократической партии не предпринимать действия, которые могут вызвать общественные волнения.

В коалиционном правительстве социалисты получили 7 мест, в том числе пост премьер-министра, который занял Тэцу Катаяма⁵, Демократическая партия — 7 мест и Партия народного сотрудничества — 2 места.

Правительству Т. Катаяма досталось тяжелое экономическое наследство. Необходимы были срочные меры по борьбе с инфляцией, восстановлению производства, стабилизации цен. Однако уже первые шаги кабинета показали, что

он пытается решить эти проблемы за счет широких слоев трудящегося населения.

11 июня 1947 года кабинет Т. Катаяма принял программу «Чрезвычайные мероприятия для преодоления кризиса», предусматривавшую восстановление экономики за счет замораживания зарплаты, повышения производительности труда, сокращения потребления внутри страны для увеличения экспорта и накопления валюты. Вводилась система государственного финансирования т. н. приоритетных отраслей промышленности, при которой правительство предоставляло крупным компаниям субсидии для покрытия разницы между рыночными ценами и себестоимостью такой продукции, как уголь, сталь, сера и др. Отпускные цены на эту продукцию были резко повышены, что приносило предпринимателям значительные прибыли. Для покрытия расходов на субсидирование крупных монополий в 4–5 раз были увеличены налоги с населения. Вместо проведения обещанной программы национализации важнейших отраслей производства правительство ограничилось установлением государственного контроля над угольной промышленностью. Решение проблемы восстановления угольной промышленности, от которой зависела работа промышленных предприятий, транспорта, электростанций, имело важное значение для экономического восстановления в целом. Угольная промышленность на 60 % работала за счет государственных субсидий, однако шахтовладельцы тем не менее не спешили увеличивать добычу угля, ссылаясь на отсутствие необходимых средств.

Проект введения государственного контроля над угольной промышленностью, внесенный в парламент, вызвал резкие возражения Либеральной партии и решительное сопротивление шахтовладельцев, начавших саботировать поставки угля. Демократическая партия настаивала на том, чтобы контроль носил временный характер и не влек за

собой «социализацию». В знак протеста против законопроекта 25 депутатов от Демократической партии во главе с К. Сидэхара вышли из партии и образовали группу Доси курабу (Клуб единомышленников), впоследствии влившуюся в Либеральную партию. Среди активных членов Доси курабу был и Какуэй Танака (в 1972–1974 годах премьер-министр), чья компания «Танака дзюкогё» брала подряды на строительство у шахтовладельцев. В самой СПЯ ряд правых лидеров выступал против принятия законопроекта. Вместе с тем при решении этой проблемы СПЯ не получала поддержки демократической общественности. Профсоюзы акцентировали внимание на борьбе против замораживания зарплат, а КПЯ связывала вопросы восстановления экономики с «общим процессом революционных преобразований» и не выдвигала требования национализации.

После длительных переговоров и многочисленных компромиссов 25 ноября 1947 года парламент принял закон о контроле над угольной промышленностью в сильно измененном виде. При опубликовании закона правительство заявило, что контроль над угольной промышленностью чрезвычайного порядка и что он не будет распространен на другие отрасли промышленности. После введения государственного контроля добыча угля увеличилась, однако во многом благодаря интенсификации труда шахтеров.

Таким образом, опираясь на государственно-монополистические методы регулирования, правительство Т. Катаяма гарантировало крупным компаниям прибыли, обеспечило высокий уровень накопления, необходимый для расширенного воспроизводства. В целом деятельность кабинета Т. Катаяма способствовала созданию условий для восстановления экономики. Правительство повысило закупочные цены на рис, что позволило увеличить его производство и в известной степени смягчить продовольственные трудности.

В то же время экономическая политика правительства основывалась на значительном усилении эксплуатации рабочих и других трудящихся, зарплата которых была заморожена на уровне 1800 иен, а цены продолжали расти. Первое время профсоюзы не выступали активно против кабинета Т. Катаяма, ожидая проведения политики в их интересах. Однако практическая деятельность правительства показывала, что политика восстановления экономики идет за счет сохранения и даже ухудшения социально-экономического положения трудящихся. Политика СПЯ, возглавлявшей правительственную коалицию, стала подвергаться резкой критике со стороны профсоюзов и радикально настроенной общественности. Увеличилось число стачек, вновь стали проводиться массовые митинги и демонстрации, обострились противоречия между левыми социалистами, не входившими в правительство, и правым руководством партии.

5 февраля 1948 года в бюджетной комиссии парламента обсуждался представленный правительством дополнительный бюджет. Под давлением Демократической партии правительство Т. Катаяма планировало найти средства для бюджета за счет увеличения тарифов на транспорт, связь и т. п., т. е. возложить новое бремя на работающих. Проект бюджета был отвергнут бюджетной комиссией, которую возглавлял левый социалист Мосабуро Судзуки. Коалиционный кабинет Т. Катаяма вынужден был 10 февраля 1948 года уйти в отставку.

Несмотря на отставку правительства Т. Катаяма, СПЯ сохранила формальные основания для создания нового кабинета министров, т. к. новые выборы не назначались и партия сохраняла большинство в палате представителей.

Социалисты начали переговоры о формировании правительства с Демократической партией. 4 марта 1948 года между СПЯ, Демократической партией и Партией народного сотрудничества было заключено соглашение, в котором

требования социалистов были удовлетворены шире, чем при первой коалиции, что явилось следствием некоторого усиления влияния левых социалистов. В соглашение были включены пункты о содействии развитию профсоюзного движения, об охране жизненных прав трудящихся. В состав правительства впервые вошли два представителя левых социалистов.

В новом правительстве, сформированном 10 марта, социалисты получили 8 министерских постов, но пост премьера занял Хитоси Асида⁶. Кроме того, представители Демократической партии получили еще 6 постов, а Партии народного сотрудничества — два.

Правительство Х. Асиды продолжило курс кабинета Т. Катаяма. И хотя оно вынуждено было повысить минимум зарплаты до 3700 иен, политика восстановления экономики по-прежнему осуществлялась за счет трудящихся, налоговое бремя которых увеличивалось вдвое по сравнению с предыдущим годом.

В августе 1947 года японским фирмам было разрешено вести торговлю с иностранными фирмами под контролем оккупационных властей. Для этих целей был создан экспортно-импортный оборотный фонд на сумму 137 миллионов долларов, а Японии предоставлен кредит в сумме 60 миллионов долларов для финансирования закупок американского хлопка, строительных материалов и промышленного оборудования, необходимого для производства экспортных товаров.

В этот период пересматриваются, а затем и отменяются планы изъятия заводского оборудования в качестве репараций. После того как начиная с 1947 года США стали менять акценты своей политики в Японии, увеличились поставки продовольствия, а объем предоставляемой экономической помощи расширился. Импорт продовольствия возрос с 1090 тысяч тонн в 1947 году до 2400 тысяч тонн в 1949 году.

Это позволило увеличить нормы отпуска риса на одного человека и в целом ликвидировать перебои с распределением продовольствия.

Экономическая «помощь» оказывалась Японии через два фонда — ГАРИОА («Правительственные расходы для оказания помощи на оккупированных территориях»), по которому поставлялись продовольствие, медикаменты, нефтепродукты, хлопок-сырец, и ЭРОА («Экономическое восстановление оккупированных территорий»), на средства которого в 1949–1950 годах ввозились железная руда, минеральное сырье, машинное оборудование.

США, предоставляя «помощь», стоимость которой за период с 1946 по 1952 год составила около 2,1 миллиарда долларов, нигде не оговорили сумму и условия погашения японской задолженности.

Парламент Японии принял резолюцию, выражавшую благодарность правительству США за предоставленную помощь. К удивлению правительства Японии и депутатов парламента, США в 1951 году потребовали оплатить понесенные ими расходы по предоставлению «помощи».

В ходе неоднократно проводившихся с 1954 года японо-американских переговоров о японской задолженности Японии удалось добиться значительного снижения суммы своего долга, и на переговорах, состоявшихся в 1962 году, была достигнута договоренность о выплате Японией США 490 миллионов долларов в течение 15 лет из расчета 2,5 % годовых⁷.

Курс на восстановление японской экономики был поддержан США.

Если ранее оккупационные власти не обращали внимания на бедственное положение японской экономики, то начиная с 1947 года оккупационные власти предпринимают усилия по стабилизации экономического положения и восстановлению японской экономики. С этого времени, пишет

американский ученый Р. Уорд, «мы хотели, чтобы Япония улучшила свое экономическое положение частично потому, что это увеличило бы ее ценность в качестве союзника, и частично для того, чтобы облегчить бремя, которое продолжал нести на себе американский налогоплательщик»⁸.

В связи с этим прекращаются всякие «эксперименты» с японской экономикой и берется курс на стабилизацию экономического положения в стране за счет снятия ранее наложенных ограничений на развитие отдельных отраслей промышленности и внешней торговли, смягчения антимонополистических мероприятий, оказания экономической помощи.

В 1948 году США выдвигают лозунг превращения Японии в «мастерскую Азии». Восстановление экономики Японии увязывалось с программой президента Г. Трумэна «о развитии отсталых стран», т. к. японской промышленности отводилась роль поставщика промышленного оборудования в страны Азии, что в конечном итоге должно было способствовать развитию производства в этих странах, привести к некоторому подъему жизненного уровня, стабилизировать таким образом политическую обстановку и воспрепятствовать развитию национально-освободительного и коммунистического движения.

В марте 1948 года в Японию прибыла комиссия во главе с заместителем военного министра У. Дрейпером, который одновременно являлся вице-президентом крупнейшей в США банковской фирмы «Диллон-Рид». Комиссия подготовила доклад, в котором предполагалось резко сократить репарации, и был разработан ряд рекомендаций, направленных на скорейшее достижение экономической стабилизации в Японии. В частности, предполагалось восстановить текстильную промышленность, которая традиционно служила одним из основных источников получения иностранной валюты, и на этой основе расширить японский экспорт,

предоставить помощь для импорта сырья, создать благоприятные условия для иностранных частных кредитов и капиталовложений.

10 декабря 1948 года американское правительство приняло разработанную Государственным департаментом и военным министерством программу стабилизации японской экономики из девяти пунктов. В директиве японскому правительству от 19 декабря 1948 года, содержащей требование строго выполнять эту программу, ШОВ отмечал, что быстрая стабилизация экономического положения Японии «наилучшим способом сможет устранить препятствия, порождаемые бессмысленной политической борьбой, бесцельными рабочими конфликтами и давлением разрушительной идеологии»⁹.

Взяв курс на стабилизацию и восстановление японской экономики, США ужесточили свою политику в отношении рабочего и профсоюзного движения. Необычайно активная деятельность профсоюзов — причем оккупационные власти особенно волновало, что в большинстве профсоюзов руководящие посты оказались в руках коммунистов и их союзников, — также поставила вопрос об изменении политики США в японском профсоюзном движении.

24 апреля 1947 года отдел труда ШОВ в пространном документе «Истинное лицо профсоюзов» подчеркивал необходимость устранения руководства профсоюзами со стороны «мелких» политических партий, т. е. КПЯ.

Оккупационные власти инспирировали и поддерживали начавшееся осенью 1946 года так называемое движение за «демократизацию» профсоюзов, которое, формально ставя вопрос об устранении зависимости профсоюзов от политических партий, на практике было направлено на ликвидацию влияния коммунистов на японское профсоюзное движение.

После запрещения забастовки 1 февраля 1947 года движение за «демократизацию» профсоюзов стало приобретать

все более открытый антикоммунистический характер. При этом были использованы колебания и пораженческие настроения среди части профсоюзов, вызванные неудачей февральской стачки, а также определенные недостатки и ошибки КПЯ в профсоюзной работе, такие как чрезмерная увлеченность стачечной борьбой, недостаточное внимание к повседневной борьбе в защиту жизненных интересов трудящихся, администрирование в руководстве деятельностью профсоюзов.

Начало движению за «демократизацию профсоюзов» (минсюка ундо; сокращенно — миндо) положили соглашательски настроенные фракционные элементы в Союзе работников государственных железных дорог в марте 1947 года. В ноябре 1947 года они создали Антикоммунистическую лигу государственных железных дорог, которая заявила, что выступает против коммунистических фракций в Союзе работников государственных железных дорог, т. к. «коммунисты стремятся использовать профсоюзы в качестве “приводных ремней” КПЯ для осуществления насильственной революции». Лига потребовала изменить характер деятельности профсоюзов и перейти к т. н. «конструктивному курсу», предусматривающему участие профсоюзов в восстановлении экономики страны.

Платформа Антикоммунистической лиги послужила основой для выработки общей позиции фракционных элементов, выступающих под лозунгом «демократизации». В середине января 1948 года движение за «демократизацию» было развернуто в Содомэй. В феврале 1948 года в Самбэцу кайги начала действовать Лига демократизации, которая выступала во взаимодействии с левыми лидерами социалистов. СПЯ стремилась установить руководящую роль в профсоюзном движении.

В течение 1948–1949 годов лидерам движения за «демократизацию» удалось прийти к руководству в большинстве

профсоюзов. В результате выхода этих профсоюзов из Самбэцу кайги в нем к концу 1949 года оставалось лишь 13 профсоюзов — 770 тысяч членов вместо 1,2 миллиона в 1948 году. Движение за «демократизацию» привело к серьезному ослаблению позиций КПЯ в профсоюзах.

Движение за «демократизацию» не было однородным по составу участников. В нем были представлены рабочие, искренне стремившиеся к укреплению профсоюзной демократии, к устранению недостатков в развитии профдвижения. В то же время активную деятельность развернули реформисты, социал-демократы, стоявшие на позициях классового сотрудничества. В дальнейшем между этими двумя течениями произошло размежевание, в результате которого образовались два новых профсоюзных центра — Генеральный совет профсоюзов Японии (Сохё) и Содомэй.

Движение за «демократизацию» нанесло серьезный ущерб рабочему движению, привело к его поляризации, раздробленности.

22 июля 1948 года Д. Макартур потребовал от правительства Х. Асида запретить участие государственных и муниципальных служащих в забастовках. На основании этого распоряжения 31 июля 1948 года был издан правительственный указ № 201, по которому государственные служащие были лишены права на забастовки.

После принятия «плана экономической стабилизации» оккупационные власти все чаще запрещают проведение забастовок, требуют от профсоюзов создать на предприятиях обстановку, способствующую претворению в жизнь программы экономической стабилизации, а от японского правительства — скорейшего пересмотра ранее принятых законов о трудовом законодательстве.

20 декабря 1948 года были внесены изменения в закон о регулировании трудовых отношений, ограничивающие права рабочих общественных и коммунальных предприятий на

забастовку. По закону профсоюзам работников транспорта, почты, связи, электрического, газового, водопроводного, медицинского обслуживания было запрещено участвовать в забастовках, но предоставлено ограниченное право на ведение коллективных переговоров. Вместе с тем исключалось положение, запрещающее предпринимателю увольнять рабочих или создавать для них дискриминационные условия за участие в трудовых конфликтах.

Лишение права на забастовки государственных служащих — наиболее организованных и радикально настроенных, составляющих около 1/3 всех организованных трудящихся страны — было направлено на то, чтобы ослабить демократическое и профсоюзное движение в целом.

22 мая 1949 года парламент одобрил изменения, вносимые в Закон о профсоюзах, по которым объявлялись неконституционными и подлежащими роспуску те профсоюзы, которые занимаются организацией взаимопомощи, а также культурной и политической деятельностью.

Наступление на социально-экономические права рабочих и служащих встречало противодействие с их стороны. Когда в марте 1948 года правительство объявило о повышении платы за обучение в государственных институтах, это вызвало забастовки студентов по всей стране. В ходе движения в высших учебных заведениях были созданы студенческие комитеты самоуправления, объединившиеся в сентябре во Всеяпонскую федерацию комитетов студенческого самоуправления (Дзэнгакурэн). Дзэнгакурэн стал массовой (300 тысяч) стоящей на левых позициях организацией японского студенчества и включился в активную политическую деятельность.

Летом и осенью 1948 года позиции правительства Х. Асида стали особенно неустойчивыми. Усилилась внутренняя борьба в СПЯ в связи с проведением политики «демократизации» в профсоюзном движении. 5 января 1948 го-

да из партии вышла правая группировка во главе с Р. Хирано, заявившая о намерении создать новую партию.

7 июля 1948 года из партии была исключена группа левых социалистов во главе с Хисао Курода за то, что она оказалась «замять дело Нисио»¹⁰. Летом 1948 года были преданы гласности сведения о том, что ряд членов кабинета, в том числе заместитель министра С. Нисио, получали «пожертвования» от строительных компаний на политическую деятельность. В декабре 1947 года был принят правительственный указ № 328, по которому руководители политических партий должны были сообщать о том, кто и какие пожертвования делал партии. В июле 1948 года на основе указа был принят закон о регулировании политических фондов. В парламенте начал действовать специальный комитет по расследованию незаконных сделок на имущество, который и установил факт получения членами кабинета взяток. Несмотря на то, что С. Нисио заявил, что он не нарушал закон о регулировании политических фондов, а получил деньги как «частное лицо», Токийский суд признал его виновным в нарушении закона. С. Нисио вынужден был уйти в отставку с поста заместителя премьера и был выведен из состава центрального исполнительного комитета СПЯ, а затем исключен из партии.

Стремясь воспользоваться трудным положением правительства Х. Асида, Либеральная партия предприняла шаги по усилению своих позиций. 15 марта 1948 года в партию вступили члены Доси курабу, а также ряд независимых депутатов парламента, после чего партия стала называться Демократическо-либеральной (Минсюдзиюто; сокращенно — Миндзито). Имея 153 депутатских места, партия стала самой крупной в парламенте. Председателем партии был избран С. Ёсида. Готовясь вновь занять пост премьера, С. Ёсида привлек в партию представителей чиновничьей бюрократии, в том числе Хаято Икэда, Эйсаку Сато, Кэндзи

Фукунага, Сигэсабуро Маэо, которые в 60–70-е годы будут играть ведущую роль в политической жизни страны.

Окончательный удар по правительству Х. Асида нанес скандал, связанный с получением большой группой чиновников, политических деятелей-членов кабинета взяток от компании «Сёва дэнко». Скандал затронул непосредственно и Х. Асида. 7 октября 1948 года он вынужден был уйти в отставку с поста премьера, а затем и председателя Демократической партии.

11 октября 1948 года в парламенте состоялось голосование, в результате которого премьер-министром был избран С. Ёсида. Он сформировал первый в послевоенной Японии однопартийный кабинет — из 15 министерских постов 13 занимали члены Миндзито. Однако правительство не располагало большинством в парламенте. Поэтому С. Ёсида стремился распустить парламент и, воспользовавшись ослаблением позиций СПЯ и Демократической партии, укрепить позиции своей партии в результате выборов.

Выборы в парламент состоялись 23 января 1949 года. Проведя в палату представителей 264 депутата, Демократическо-либеральная партия впервые в послевоенном парламенте обеспечила абсолютное большинство в нем. Партии, формировавшие коалиционные правительства, потерпели серьезное поражение. Были забаллотированы ведущие деятели этих партий, занимавшие министерские посты. Демократическая партия потеряла 21 депутатское место, Партия народного сотрудничества — 15.

Наибольший урон понесли социалисты. Число поданных голосов за партию сократилось с 7 до 4 миллионов. Партия сумела обеспечить в парламенте всего 48 депутатских мест. Не были избраны руководители партии Т. Катаяма, С. Нисио, К. Като и др. Поражение на выборах явилось прямым следствием банкротства политики правого руководства партии. Избрав путь сотрудничества с буржу-

азными партиями, пойдя на отказ от своих программных и предвыборных обещаний, проводя в коалиционных правительствах политику в интересах крупного бизнеса, правое руководство партии потеряло авторитет и влияние в массах, оказалось в политической изоляции и потерпело идейное банкротство.

СПЯ вступила в полосу кризиса. Резко сократилась численность партии, составившая в апреле 1949 года только 49 тысяч (в январе 1948 года — 100 тысяч). Одни, выйдя из СПЯ, вступили в консервативные партии, другие — в КПЯ. Вместе с тем процесс размежевания сил в СПЯ, дискредитация политики правого руководства способствовали определенному усилению влияния левого крыла. Возглавив расширявшееся движение за «демократизацию», лидеры левых социалистов установили прочные связи с руководством профсоюзов. Усилилось влияние идеологических лидеров левого крыла Хитоси Ямакава и Ицуро Сакисака.

Определенного успеха на выборах добилась КПЯ. За кандидатов КПЯ голосовало 3 миллиона избирателей, что позволило ей провести в парламент 35 депутатов.

Укрепив в результате выборов свои позиции, С. Ёсида мог вновь сформировать однопартийный кабинет. Однако он ставил далеко идущую цель — создать прочное правительственное большинство на длительный срок и, учитывая усиление влияния КПЯ, в перспективе объединить консервативные силы. Поэтому С. Ёсида предложил Демократической партии войти в правительственную коалицию. В Демократической партии не было единства мнений относительно коалиции с Миндзито. Некоторые лидеры этой партии полагали, что участие в коалиции в конечном итоге может привести к поглощению Демократической партии Миндзито. Все же после переговоров представители Демократической партии вошли в правительство, где получили два министерских поста.

16 февраля 1949 года С. Ёсида сформировал свой третий кабинет.

Американские оккупационные власти считали, что правительство С. Ёсиды, располагающее абсолютным большинством в парламенте, имеет широкие возможности для реализации «девяти принципов» стабилизации японской экономики. И в этом плане на японское правительство было оказано давление, т. к. оно, по мнению Вашингтона, не проявляло достаточных усилий для осуществления политики «девяти принципов».

В феврале 1949 года в Японию прибыла миссия во главе с директором Детройтского банка, видным американским финансистом Дж. Доджем. На основе «девяти принципов» под руководством Дж. Доджа были разработаны мероприятия по упорядочению денежного обращения, сбалансированию государственного бюджета, обузданию инфляции. Реализация этих мероприятий, получивших наименование «плана Доджа», должна была осуществляться за счет увеличения финансового бремени трудящихся. С целью сокращения на 20–30 % расходной части бюджета предусматривалось проведение массовых увольнений государственных и муниципальных служащих. 30 мая 1949 года правительство С. Ёсиды приняло закон о штатах административных органов, в соответствии с которым увольнениям подлежало около 600 тысяч человек. Вместе с тем сокращалась помощь по безработице, уменьшились расходы на восстановление городов, жилищное строительство, увеличивались налоги. Для разработки новой налоговой системы в Японию в мае 1949 года была направлена группа американских экспертов во главе с профессором Колумбийского университета К. Шоупом. Основная цель реформы налоговой системы, разработанной группой К. Шоупа, состояла в том, чтобы предоставить в распоряжение японского правительства средства, необходимые для расширенного воспроизводства.

В результате проведения реформы резко возросло число налогоплательщиков: с 680 тысяч в 1945 году до 19 миллионов в 1949 году. Увеличились косвенные налоги. Одновременно были предприняты меры для снятия ограничений на деятельность частных предприятий. С октября 1949 года сняты ограничения на импорт, а с января 1950 года — на экспорт. В декабре 1949 года снят контроль за распределением важных материальных ресурсов.

Мероприятия, разработанные на основе рекомендаций Дж. Доджа — К. Шоупа, способствовали восстановлению присущего рыночной экономике процесса ценообразования на базе стоимостных отношений, что приостановило рост инфляции, стимулировало денежное обращение, способствовало усилению конкурентной борьбы. В целом экономическая деятельность в стране нормализовалась. Вместе с тем значительно возросло налоговое бремя на население, наблюдалось увеличение банкротств мелких и средних предприятий.

Предвидя, что реализация «плана экономической стабилизации» вызовет недовольство трудящихся и активизирует борьбу профсоюзов за повышение зарплаты, против увольнений, американские оккупационные власти и правительство С. Ёсида спровоцировали репрессии против коммунистов и профсоюзных активистов, используя «дело Симояма» и крушение поездов в Митака и Мацукава.

По «плану Доджа» наиболее массовым увольнениям подлежали рабочие и служащие государственных железных дорог. Это вызывало среди них растущее сопротивление. С начала июня 1949 года в японской прессе появились инспирированные сообщения о том, что члены профсоюзов рабочих и служащих государственных железных дорог якобы намеренно срывают график движения поездов, стремятся создать неустойчивую политическую обстановку, а КПЯ намеревается использовать ее для осуществления «насиль-

ственной революции». В начале июля был подготовлен приказ Управления государственных железных дорог об увольнении 30 тысяч рабочих и служащих. Одновременно 6 июля появились сообщения об убийстве генерального директора государственных железных дорог С. Симояма. Хотя в загадочной гибели С. Симояма было много невыясненных обстоятельств, правительство поспешило обвинить в нем членов профсоюза рабочих и служащих государственных железных дорог. Симптоматично, что накануне этих событий, 4 июля, Д. Макартур опубликовал заявление, где впервые открыто говорилось о необходимости объявить КПЯ вне закона. 13 июля было объявлено о втором массовом увольнении на государственных железных дорогах. Профсоюзы железнодорожников готовились активно выступить против увольнений. Однако 15 июля произошла катастрофа поезда на станции Митака, в результате которой погибло несколько человек. Вина за катастрофу была вновь возложена на коммунистов и членов профсоюзов железнодорожников. С 15 августа начались увольнения служащих в государственных учреждениях, а 17 августа близ станции Мацукава произошла новая железнодорожная катастрофа. В крушении поезда вновь были обвинены коммунисты и профсоюз рабочих и служащих государственных железных дорог.

Убийство С. Симояма и крушение поездов было использовано в качестве предлога для массовых арестов коммунистов и профсоюзных активистов, возглавлявших борьбу против увольнений¹¹. События лета 1949 года положили начало открытому решительному выступлению правительства и американских оккупационных властей против КПЯ и организаций, ее поддерживающих. Массовые увольнения распространялись в первую очередь на коммунистов и лиц, им сочувствующих. Одновременно они теряли право быть членами профсоюзов. В результате активизировались лидеры

правого крыла движения за «демократизацию». Сопротивление политике увольнений ослабло. В конечном итоге в государственном секторе было уволено 620 тысяч человек, а в частном — 430 тысяч. Рост численности профсоюзов сменился падением. С июня 1949 года по июнь 1951 года число членов профсоюза уменьшилось с 6,6 до 5,6 миллиона.

Спад рабочего движения проходил на фоне усиливавшейся антикоммунистической пропаганды. С самого начала оккупации США намеренно стремились создать в Японии «интеллектуальный вакуум». Японцам запрещалось выезжать за границу, ограничивались возможности общения с иностранцами, запрещалось переводить на японский язык книги советских авторов, публикация зарубежных новостей подвергалась самой жесткой цензуре. Образовавшийся вакуум призвана была заполнить американская культура, которая должна была создать почву для широкого идеологического проникновения США в Японию. В течение всего периода оккупации действовали т. н. «кодексы прессы и радио», составленные ШОВ и содержащие основные правила, которым должны соответствовать все публикуемые и передаваемые в эфир материалы. В 1947–1949 годах США усиливают контроль за японскими средствами массовой информации. Запрещается печатать и передавать сообщения, которые наносили бы ущерб США. Цензура изымала сообщения о забастовках в США, о падении популярности президента Г. Трумэна, о росте цен в США. Вместе с тем не разрешалось печатать сообщения, отражающие позицию Советского Союза в отношении послевоенной политики Союзных Держав в Японии, а также по другим важным международным проблемам. Одновременно японской прессе не запрещалось публиковать антисоветские и антикоммунистические материалы. В 1948 году советский представитель в Союзном совете специально обращал внимание на то, что японская пресса допускает враждебные и клеветни-

ческие нападки на Советский Союз. Публикация многих таких материалов намеренно инспирировалась американскими властями. В 1947 году ШОВ начинает активно вмешиваться в деятельность профсоюзов работников печати, радио, кино на стороне предпринимателей, принимает участие в подавлении забастовок. Так, ШОВ весной — осенью 1948 года подавил выступления профсоюза киностудии «Тохо», члены которого принимали активное участие в демократическом движении. Постепенно в издательства и редакции возвращаются те, кто руководил ими в довоенное и военное время. Японские средства массовой информации все активнее пытаются воздействовать на общественное мнение страны в антикоммунистическом, антисоветском духе.

Период 1947–1949 годов можно назвать «переходным».

Для деятельности американских оккупационных властей и консервативных сил он характеризуется поисками путей восстановления экономики страны и создания такой политической структуры, которая обеспечила бы наилучшие условия для функционирования власти японских консервативных сил. Первоначально предполагалось, что достижению этой цели наилучшим образом может способствовать политика коалиционного правительства с участием СПЯ. После провала политики «среднего пути» и прихода к власти правительства С. Ёсида ставка делается на укрепление позиций консервативных партий и объединение консервативных сил. С этого времени между ШОВ и японским правительством устанавливаются отношения сотрудничества не только в деле решения проблем экономического восстановления, но также ограничения профсоюзного и левого движения.

Глава IX

ПОЛИТИКА «ОБРАТНОГО КУРСА» США И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ЯПОНИИ НАКАНУНЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРНОГО ДОГОВОРА (1950–1951 гг.)

С начала 1949 года официальные представители США все чаще начинают высказываться о возможности завершения оккупации и подготовки мирного договора. Условия для заключения такого договора, по их расчетам, создадутся, если политическая и экономическая обстановка будет стабилизирована, а у власти будет довольно прочно находиться приемлемое для США правительство.

В марте 1949 года Д. Макартур в интервью, говоря о перспективах международного положения Японии в будущем, заявил, что США желали бы видеть Японию «передовой базой защиты интересов США и Англии на Тихом океане»¹. При этом он не считал, что настало время для вооружения Японии, но подчеркивал готовность США защищать Японию в случае нападения на нее. Таким образом, речь шла о начале подготовки к заключению американо-японского военно-политического союза, который бы предусматривал сохранение американских военных баз на территории Японии. Именно в таком плане высказывались также бывший командующий Восьмой американской оккупационной армией генерал Э. Эйкельбергер и государственный секретарь США Дж. Ачесон².

Радикальные изменения стратегической обстановки на Дальнем Востоке с конца 1949 года, особенно провозглашение создания Китайской Народной Республики, а также начало в июне 1950 года войны в Корее, побудили США разработать новую концепцию своей политики в Азии, и прежде всего в отношении Японии.

В новой обстановке в Азии США, — отмечает профессор Мичиганского университета Роберт Уорд, — «особенно нуждались в сильном союзнике на Дальнем Востоке, способном оказать определенную местную поддержку в предотвращении коммунизации этого района»³.

И несмотря на то, что Вашингтон еще не избавился от некоторого недоверия к своему недавнему противнику, американская политическая элита приходит к выводу, что только Япония располагает необходимым для такого союзника потенциалом. В политике США по отношению к Японии происходит поворот, что находит свое отражение и в деятельности оккупационных властей. С 1950 года военная оккупация стала средством, с помощью которого Япония втягивалась в качестве союзника в систему американской сферы влияния и глобальной стратегии.

На этом этапе правящие круги США считают, что будущее Японии не в том, чтобы пассивно играть роль «демократического государства Азии», а в том, чтобы быть активным союзником США. «Политика демилитаризации, начиная с 1950 года, постепенно заменяется решительными усилиями по ремилитаризации Японии в качестве основного союзника США в Восточной Азии»⁴.

В июне 1950 года Японию посетил советник государственного секретаря США Д. Даллес, который на встречах с руководителями японского правительства «подчеркивал необходимость ремилитаризации Японии»⁵. Впервые после окончания войны высокопоставленный чиновник США высказывался в таком плане.

Начало войны в Корее поставило Японию в положение стратегической базы обеспечения ведения военных действий войск США и их союзников и ускорило начало процесса возрождения японских вооруженных сил, перед которыми ставятся две основные задачи — снять с США некоторое бремя по обороне Японии, а также служить сдерживающей силой, а при необходимости и подавлять левое движение народных масс. В июле 1950 года по принятому указанию Штаба оккупационных войск начинается формирование «резервного полицейского корпуса» в составе 75 тысяч человек и увеличивается на 8 тысяч человек департамент морской охраны (кайдзё хоантё). Одновременно США активизируют создание на территории Японии сети своих военных баз.

В ноябре 1950 года отменяется положение о чистке в отношении первой группы бывших офицеров армии и флота. 3250 кадровых офицеров бывшей императорской армии сразу же влились в созданный «резервный полицейский корпус» и сформировали ядро его командного состава. После начала войны в Корее освобождение от чистки осуществлялось все ускоряющимися темпами, и к концу 1951 года было освобождено 201 507 человек, в том числе все бывшие сотрудники политической тайной полиции, которые начали активно привлекаться к борьбе с коммунистами и демократически настроенными политическими деятелями.

После вступления в силу Сан-Францисского договора все указы и постановления, касающиеся проведения чистки, были отменены.

В этот период США все менее считаются с деятельностью ДВК и Союзного совета, а затем и полностью игнорируют существование этих органов. Такие важные вопросы, как создание «резервного полицейского корпуса» и департамента морской охраны, были в одностороннем порядке решены американскими властями без вынесения их на обсуждение в ДВК и Союзный совет.

В обход ДВК правительство США в январе — феврале 1950 года разрешило Японии открыть свои заграничные представительства в США, Швеции, Франции, Индии, Пакистане для выполнения торговых и консульских функций, а также дало согласие на участие Японии наравне с другими государствами в международных соглашениях и конвенциях технического характера. Были разрешены поездки представителей японского правительства и политических деятелей в США.

Все более прочными становятся отношения ШОВ с правительством С. Ёсида, к которому Вашингтон испытывает доверие. Ослабляется контроль за деятельностью японского правительства, и правящие круги Японии получают большую свободу действий.

С 1949 года Соединенные Штаты начали постепенно свертывать систему контроля над органами японского государственного аппарата. К концу 1949 года Восьмая армия была освобождена от обязанностей по контролю за выполнением указаний оккупационных властей, и до вступления в силу Сан-Францисского договора функции контроля в значительно сокращенном виде осуществлял специальный отдел оккупационного штаба.

С 1 мая 1951 года японскому правительству было разрешено пересматривать и изменять все так называемые «потсдамские указы», т. е. указы, изданные в соответствии и во исполнение Потсдамской декларации. Воспользовавшись этим, правительство создало специальный консультативный комитет, который приступил к разработке рекомендаций по внесению изменений в антимонопольное законодательство, законы о трудовых соглашениях, систему образования, законодательство о полиции и т. д. Впоследствии многие из его рекомендаций были утверждены в качестве поправок и исправлений к законам, принятым в первые годы оккупации.

В 1950–1951 годах ШОВ и японское правительство продолжают уделять значительное внимание восстановлению промышленного производства на основе плана экономической стабилизации, однако теперь уже не столько для целей стабилизации обстановки внутри Японии, сколько для создания тыловой экономической базы американского присутствия в Азии и на Дальнем Востоке. Лозунг «Япония — мастерская Азии» трансформируется в лозунг «Япония — мастерская США в Азии». «На этом этапе, — отмечает С. Ёсида, — вновь начинают действовать японские заводы по производству военного снаряжения, которые на начальной стадии оккупации либо подлежали разрушению, либо были намечены для репарационных платежей»⁶.

С началом войны в Корее японская экономика выполняет военные спецзаказы, и японо-американское «экономическое сотрудничество» начинает приобретать конкретные формы. Выполнение японской промышленностью спецзаказов уже в 1950 году позволяет увеличить экспорт японских товаров на 60 % по сравнению с 1949 годом, и Япония впервые после окончания войны имеет положительное, в 160 миллионов долларов сальдо внешнеторгового баланса.

США считают, что японский бизнес уже не сможет представлять угрозу американским монополиям, т. к. США оставили Японию далеко позади и в экономической, и в научно-технической областях. Отныне США нуждаются «в экономически сильном союзнике, способном противостоять СССР и Китаю, а не в стране, которой США для сохранения капитализма должны оказывать постоянную экономическую помощь»⁷.

С тем чтобы закрепить поворот в своей политике в отношении Японии, пересмотреть свои первоначальные мероприятия и скорректировать их с новой обстановкой, США продолжают затягивать заключение мирного догово-

вора с Японией и все активнее подготавливают заключение сепаратного договора с тем, чтобы обеспечить в его статьях выгодные для себя положения. «И Государственный департамент США, и Пентагон, — пишет японский историк С. Синобу, — расходясь во мнениях относительно сроков заключения договора, придерживались единого мнения, что Япония должна стать тыловой базой США с сохранением американских баз на ее территории»⁸.

В январе 1951 года Д. Даллес в беседе с премьер-министром Японии С. Ёсида говорил, что если бы мирный договор был подписан три года назад, его условия неизбежно были бы намного более неблагоприятными для Японии, а в настоящее время цель Соединенных Штатов состоит в том, чтобы выработать договор, который не будет документом, подписанным между победителями и побежденными, а миром, подписанным между дружественными странами⁹.

Несмотря на то, что 12 февраля 1948 года ДВК приняла политическое решение о демилитаризации Японии, предусматривавшее уничтожение военных, военно-морских и авиационных сооружений и построек, включая аэродромы, посадочные площадки и дорожки и т. п., американские оккупационные власти не только не ликвидировали эти военно-морские и военно-воздушные силы, но расширили и модернизировали их, а также приказали японским властям построить ряд новых военных сооружений. В мае 1950 года представитель Советского Союза в ДВК поставил вопрос о невыполнении американскими оккупационными властями политического решения ДВК о демилитаризации Японии.

Выступая в феврале 1951 года на заседании Союзного совета, представитель Советского Союза заявил: «Практика последних лет показывает, что Д. Макартур и подчиненные ему оккупационные власти грубо нарушают согласованные решения Союзных Держав о демилитаризации

Японии и, не считаясь также с интересами самого японского народа, на деле осуществляют возрождение японских вооруженных сил, военно-морского и военно-воздушного флота, восстанавливают и модернизируют бывшие японские военно-морские и военно-воздушные базы, восстанавливают и расширяют работы бывших военных арсеналов, предприятий военного назначения, возобновляют и активизируют деятельность всякого рода милитаристских организаций¹⁰.

Стремясь придать своим намерениям, направленным на ремилитаризацию Японии, «законный» характер, со стороны представителей США начали раздаваться заявления о необходимости внесения изменений в конституцию 1947 года.

Несмотря на то, что советская делегация в ДВК не была согласна с рядом положений, содержащихся в конституции, когда начали предприниматься попытки пересмотра конституции, Советский Союз твердо заявил о том, что, хотя конституция и могла бы быть улучшена в сторону ее большей демократизации, актуальным является не столько вопрос о пересмотре конституции, сколько вопрос о том, что и те отдельные демократические положения, которые в ней содержатся, систематически нарушаются американскими оккупационными властями и японским правительством¹¹.

Следует отметить, что, осуществляя определенные шаги по воссозданию вооруженных сил, японские правящие круги отнюдь не стремились к возрождению мощной, полноценной армии, оснащенной всеми видами вооружений. Препятствием для этого были не столько ограничения в этой сфере, предусмотренные 9-й статьей конституции, сколько сознательный стратегический курс на обладание страной лишь ограниченным оборонительным потенциалом.

В концептуальном плане этот курс был сформулирован С. Ёсида. Давая в середине 50-х годов оценку перспективы

развития Японии на ближайшее будущее, он указывал на необходимость приоритетного развития экономики, в том числе за счет ограничения расходов на развитие вооруженных сил¹². Довоенный лозунг «сильная армия обеспечивает процветание страны» (фукоку кёхэй) был заменен лозунгом «обеспечить процветание страны уменьшением военной силы» (фукоку дзякухэй). При таком курсе решение проблемы обороны Японии было, по существу, передано Соединенным Штатам. Это неизбежно ставило Японию в зависимость от США, от политики Вашингтона. Однако в японских правящих кругах было достигнуто согласие относительно того, что для достижения стратегической цели «почетного возвращения Японии в качестве влиятельного государства в мировое сообщество» иного пути нет. При этом в перспективе предусматривалась возможность пересмотра отношений с США, выхода на более независимые позиции, когда для этого созреют соответствующие условия. «Японская политика в отношении Соединенных Штатов, — подчеркивал С. Ёсида, — должна измениться, как только положение японской экономики улучшится и соответственно повысится международный статус Японии и ее самоуважение»¹³.

Оценивая содержание политики США на заключительном этапе оккупации, исследователи оккупационного периода японской истории, как правило, характеризуют ее как политику «обратного курса», т. к. имеют в виду, что этот курс был прямо противоположен программе реформ первого этапа. Этот вывод является справедливым, однако необходимо сделать некоторые замечания.

Политика «обратного курса» не означала полного отказа и коренного пересмотра уже осуществленных наиболее важных реформ. Речь шла о том, чтобы приспособить уже «реформированную Японию» к нуждам внешнеполитической стратегии США. Когда же достижению преследуемых

целей мешали или препятствовали осуществленные на первом этапе оккупации реформы, то, т. к. их открытый пересмотр или ликвидация могли вызвать многие осложнения как внутри Японии, так и в международном плане, США встали на путь интерпретации в выгодном для себя направлении основных положений реформ, совместно с правящими кругами Японии разрабатывали и вносили в них некоторые коррективы и добавления, а зачастую игнорировали их существование.

В преддверии получения страной независимости японская правящая элита начинает предпринимать все более активные шаги по консолидации своих сил. Укрепляются отношения сотрудничества между деловыми кругами, чиновничеством и консервативными партиями.

24 декабря 1949 года С. Ёсида обратился к Демократической партии с предложением об объединении консервативных сил в одну партию. Однако т. к. в тех условиях это объединение фактически означало поглощение Демократической партии Демократическо-либеральной, то часть руководства Демократической партии выступила против плана С. Ёсиды. Следует отметить, что в этот период позиции С. Ёсиды в партии не были прочными. Было известно, что, подпав под чистку, основатель партии И. Хатояма лишь «временно уступил» пост председателя партии С. Ёсиды.

С 1949–1950 годов получают разрешение возобновить политическую деятельность многие политики, которые вместе с И. Хатояма создавали эту партию и которые также претендуют на руководство в партии. Кроме того, националистически настроенные политики считали, что С. Ёсида связал себя слишком тесными узами с американскими властями и потому не может рассчитывать на руководство правительством после окончания оккупации.

Сознавая силу оппозиции в собственной партии, С. Ёсида стремится упрочить свое положение. Он группи-

рует вокруг себя и ставит на наиболее важные посты близких к нему людей, в основном «молодых» членов партии, выходцев из кругов бюрократии. Проявив себя ловким политиком, мастером компромиссов, С. Ёсида добивается перехода из Демократической партии в Миндзито 28 депутатов парламента. Так, в феврале 1950 года произошло т. н. «частичное объединение» консерваторов, и Миндзито стала называться Либеральной партией (Дзюкото). Проведя объединение, С. Ёсида упрочил свои позиции, добился назначения на пост генерального секретаря партии близкого к нему Эйсаку Сато и обеспечил себе такое влияние, что Либеральную партию стали именовать партией «одного человека» — партией С. Ёсиды.

После «частичного объединения» правительство получило в парламенте прочное большинство в 288 мест. Опасаясь, что усиление Либеральной партии лишит их возможности активной политической деятельности, Демократическая партия и Партия народного сотрудничества пошли на объединение и 28 апреля 1950 года создали Народно-демократическую партию (Кокумин минсюто). Однако это объединение и попытка партии пойти неким средним политическим путем между Либеральной партией и СПЯ не принесли ей какого-либо серьезного успеха. 8 февраля 1952 года партия объединилась с клубом новой политики (Синсэй курабу), в который входили в основном депутаты парламента, вернувшиеся к политической жизни после освобождения из-под чистки. Партия стала именоваться Прогрессивной (Кайсинто).

Завершающий этап оккупации характеризуется активным наступлением американских оккупационных властей, стремившихся обеспечить накануне перехода всей полноты власти в Японии к консервативно-буржуазным кругам «социальное спокойствие» в стране, на рабочее и демократическое движение, результатом которого было его резкое

ослабление по сравнению с первыми послевоенными годами.

С середины 1949 года ШОВ и японское правительство все чаще ограничивают или запрещают проведение собраний, митингов, демонстраций, организуемых КПЯ, СПЯ, профсоюзами и демократическими организациями. 2 июня 1950 года по указанию штаба правительство запретило на 3 дня проведение каких-либо демонстраций и собраний в Токио. Затем запрет стал бессрочным, а с 16 июня распространен на всю страну. Таким образом, игнорировались и нарушались основные принципы, зафиксированные в новой конституции.

Усилилось давление на рабочее и профсоюзное движение со стороны финансовых и деловых кругов. Если первоначально оккупационные власти препятствовали созданию организаций предпринимателей для выработки и проведения единой политики в отношении профсоюзов (такие организации создавались лишь по отдельным районам), то в 1948 году была создана общенациональная организация предпринимателей Никкэйрэн. Она развернула активную деятельность, направленную на пересмотр трудового законодательства, на раскол и ослабление профсоюзов, переориентацию рабочего движения на позиции классового сотрудничества. Были предприняты шаги по созданию «консервативного профобъединения». В июле 1950 года, когда после начала войны в Корее было запрещено проведение собраний и забастовок, учредители нового профобъединения без каких-либо осложнений получили разрешение на проведение учредительного съезда. Так при поддержке ШОВ и японских деловых кругов был создан Генеральный совет профсоюзов Японии (Сохё), объединивший профсоюзы, отколовшиеся от Самбэцу кайги, а также профсоюзы моряков, текстильщиков — всего 18 отраслей профсоюзов, насчитывавших 3,7 миллиона членов, или около 50 %

всех членов профсоюзов. В декларации, принятой учредительным съездом Сохё, указывалось, что он отвергает господство Коммунистической партии Японии над профсоюзами, курс на «насильственную революцию» и создает «основу единства трудового фронта, состоявшего из свободных, демократических профсоюзов»¹⁴.

На этом фоне оккупационные власти и правящие круги Японии готовили удар по КПЯ. Д. Макартур дважды — 4 июля 1949 года и 3 мая 1950 года — делал заявление с требованием поставить вне закона КПЯ. Наконец 6 июня 1950 года Д. Макартур в директиве японскому правительству потребовал лишить членов ЦК КПЯ и руководящих работников газеты «Акахата» права участвовать в общественно-политической деятельности. На основе этой директивы была развернута кампания, известная в японской истории как «чистка красных», в результате которой из государственных учреждений, частных компаний, редакций газет и журналов, профсоюзов к концу оккупации было изгнано 22 тысячи членов компартии, лиц, им сочувствующих, и демократически настроенных представителей интеллигенции и рабочего класса¹⁵.

С 26 июня 1950 года было запрещено издание газеты «Акахата». До конца 1951 года было закрыто 1465 газет и печатных органов, связанных с демократическими, левыми организациями. КПЯ была фактически поставлена вне закона. Часть руководства партии вынуждена была уйти в подполье. Легальным остался лишь Временный руководящий орган КПЯ, возглавляемый Эцуро Сиино.

Под воздействием ударов со стороны оккупационных властей и правительства, обострившихся внутрипартийной борьбой, КПЯ оказалась неспособной выработать правильный тактический курс в сложных условиях.

Наряду с правым уклоном в КПЯ в 1950 году появились «левооппортунистические» колебания по ряду важных во-

просов стратегии и тактики. На IV и V национальных партийных конференциях, состоявшихся в 1951 году, был принят т. н. «военный курс» партии, главной своей задачей партия определяла «антиимпериалистическую борьбу». В тех условиях, которые существовали в Японии, этот курс вел к авантюризму, отрыву от масс, падению престижа партии. В партии сложилась тяжелая обстановка, которая привела фактически к расколу. Численность КПЯ сократилась до нескольких десятков тысяч членов. В 1952 году партия потеряла на выборах все места в парламенте и почти утратила влияние в профсоюзном движении.

VI национальная конференция, состоявшаяся в 1955 году, и особенно VII съезд КПЯ, состоявшийся в 1958 году, осудили тактику «левого» авантюризма, восстановили единство партии и разработали политический курс КПЯ, направленный «на борьбу против двух врагов — американского империализма и японского монополистического капитала»¹⁶.

Сложная ситуация сложилась и в Социалистической партии. Левые социалисты, укрепив свои позиции в профсоюзах и одновременно испытывая влияние наиболее активных слоев рабочего класса, активизируют борьбу с правым крылом в партии. На V съезде СПЯ, состоявшемся в январе 1950 года, эта борьба приняла открытый характер. Левые социалисты настояли на принятии съездом «четырех принципов мира», осуществления которых требует партия: заключение всестороннего мирного договора, сохранение постоянного нейтралитета, отказ от предоставления японской территории под военные базы другой державы, недопущение ремилитаризации страны. Правое крыло, недовольное принятием этих принципов, пошло на раскол партии и покинуло съезд. «Первый раскол» социалистов продолжался всего 75 дней. Местные организации СПЯ и профсоюзы не одобрили раскола. На VI внеочеред-

ном съезде в апреле 1950 года обе группировки вновь объединились, оставив открытыми все спорные вопросы.

Правые социалисты поддержали позицию Вашингтона, в связи с войной в Корее оправдывали создание японского «резервного полицейского корпуса» «коммунистической угрозой», не выступали с протестом против репрессий, развернутых против КПЯ. Некоторые левые социалисты разделяли этот курс. Вместе с тем партия Роното рассматривала войну в Корее как гражданскую и настаивала на невмешательстве Японии. КПЯ призывала развернуть движение против выполнения на японских предприятиях «спецзаказов» для американских войск. Все это побуждало левых социалистов изменить свой курс. Особое значение имела позиция Сохё, многие руководители которого были тесно связаны с левым крылом СПЯ. Руководство Сохё уже через месяц после начала войны в Корее стало заявлять о своем отрицательном отношении к действиям США. Расчеты ШОВ и японского правительства на создание Сохё в качестве реформистского, соглашательского профобъединения не оправдались. На II съезде Сохё в марте 1951 года было отвергнуто предложение о вступлении в Международную конфедерацию свободных профсоюзов и приняты «четыре мирных принципа», выдвинутые левыми социалистами. Решения II съезда Сохё свидетельствовали о его превращении в левое профсоюзное объединение, играющее лидирующую роль в рабочем движении страны.

В этой обстановке левые социалисты начинают менять свое отношение к войне в Корее, отмежевываются от политической линии правого крыла и, опираясь на Сохё, переходят на более самостоятельный курс. В январе 1951 года на VII съезде СПЯ впервые председателем партии был избран представитель левых социалистов Мосабуро Судзуки.

Центральной проблемой внутривнутриполитической борьбы в 1950–1951 годах становится вопрос о заключении мирного договора. Политические силы страны разделились на два основных противостоящих друг другу лагеря — правительство, консервативные, националистические силы, выступающие за заключение сепаратного мирного договора, и демократические круги, требовавшие заключения всестороннего мирного договора.

Правительство С. Ёсида, монополистические круги желали скорейшего получения всей полноты власти в свои руки. Поэтому они готовы были урегулировать свои отношения с США даже ценой уступок, но в обмен на готовность к сотрудничеству пытались обеспечить для себя возможно более выгодные условия. В связи с этим премьер С. Ёсида с момента формирования своего второго кабинета неизменно высказывался в пользу заключения сепаратного мирного договора¹⁷, отмечая при этом, что Японии должно быть предоставлено право на самооборону, т. е. на возрождение японской армии¹⁸. Одновременно правящие круги Японии пытаются заручиться поддержкой США в намерении пересмотреть и другие итоги Второй мировой войны. 28 января 1950 года председатель руководящего совета Демократическо-либеральной партии, Д. Хосидзима впервые в парламенте выступил с открытыми антисоветскими высказываниями и выдвинул территориальные притязания к Советскому Союзу¹⁹. Деловые и финансовые круги поддерживали курс правительства на заключение сепаратного мирного договора. 29 января 1951 года Кэйданрэн, Кэйдзай доюкай, Никкэйрэн, Японская торгово-промышленная палата, всего 8 организаций японских предпринимателей выступили с совместной платформой «Основные пожелания относительно мирного договора», которая была доведена до сведения правительства США. В обмен на согласие на размещение в Японии

американских войск и баз деловые круги требовали предоставления полной самостоятельности во внутренней и внешней политике, в экономике²⁰.

Демократические, левые силы Японии выступали против заключения сепаратного мирного договора, против размещения на территории страны американских вооруженных сил. Созданный в январе 1951 года по инициативе КПЯ, Рабоче-крестьянской партии, Самбэцу кайги, Дзэнгакурэн Совет патриотического движения за всесторонний мирный договор (Дзэнайкё) организовал массовую кампанию по сбору подписей под обращением о заключении мирного договора и против перевооружения Японии. Было собрано около 5 миллионов подписей. СПЯ и Сохё разворачивали движение на основе «четырёх принципов мира». В движении за всесторонний мирный договор, за нейтралитет, против ремилитаризации включились демократические организации рабочих, молодежи, студентов, интеллигенции. Именно в этот период в Японии зародилось широкое движение сторонников мира. Под Стокгольмским обращением о запрещении использования ядерного оружия к концу 1950 года подписалось более 6 миллионов человек.

Национальный конгресс сторонников мира, проходивший в августе 1951 года, принял специальную резолюцию о заключении всестороннего мирного договора.

Несмотря на то, что движение за всесторонний мирный договор приняло довольно широкий размах, в нем в основном участвовали оппозиционные партии, организованные рабочие, интеллигенция. Значительная часть населения вела себя пассивно, мелкобуржуазные круги подпали под влияние антикоммунистической, антисоветской пропаганды. Даже среди представителей части демократических кругов получили распространение настроения о том, что ради скорейшего получения независимости следует пойти на заключение сепаратного мирного договора.

Кроме того, как уже отмечалось, КПЯ, рабочее и демократическое движение переживали трудное время и не смогли обеспечить единства действий на широкой, массовой основе в борьбе за всесторонний мирный договор.

На фоне расширяющейся американской интервенции в Корее Вашингтон форсирует проведение сепаратных переговоров с Японией и правительствами Англии, Франции, Австрии, Новой Зеландии, Филиппин по вопросу о мирном договоре²¹.

В конце февраля 1951 года Японию вновь посетил Д. Даллес, уже в качестве специального посла президента США Г. Трумэна, и провел переговоры с японским правительством, на которых были согласованы основные положения будущего мирного договора и американо-японского военно-политического союза.

В марте 1951 года правительство США разослало свой проект мирного договора странам — участницам ДВК. Советское правительство 7 мая 1951 года выступило в связи с этим с заявлением, в котором подчеркивалось, что проект мирного договора не был предварительно согласован ни с СССР, ни с Китаем, что проект договора несовместим с духом и буквой международных соглашений, достигнутых союзными державами в Каире, Ялте и Потсдаме и что Советский Союз продолжает настаивать на созыве сессии Совета министров иностранных дел для выработки всестороннего мирного договора, привлечении к подготовительной работе всех стран — участниц войны с Японией и вынесении договора для окончательного одобрения на рассмотрение мирной конференции. Советское правительство возражало против намерения США изъять из под суверенитета Японии острова Рюкю и Бонин и не передавать КНР острова Тайвань и Пескадорские. Советский Союз считал необходимым закрепить в мирном договоре гарантии против возрождения японского милита-

ризма, обеспечить вывод всех иностранных войск с ее территории²².

США отклонили предложения Советского Союза. Сепаратные действия правительства США вызвали критику со стороны МНР, КНР, ДРВ, КНДР, Индии, Бирмы. Так, правительство Индии назвало несправедливым и нецелесообразным умолчание в договоре о том, кому должны принадлежать в соответствии с международными соглашениями Курильские острова, Южный Сахалин и остров Тайвань. Недовольство выражали даже зависимые и союзные с США страны — Австралия, Новая Зеландия, Филиппины.

Однако США, заручившись поддержкой Англии, в июле 1951 года разослали ноту с приглашением 4 сентября 1951 года прибыть на конференцию по вопросу о заключении мирного договора более чем 50 странам. Приглашения не были посланы КНР, МНР, ДРВ, КНДР. Выразив свое несогласие с методами подготовки договора и созыва конференции, отказались прибыть в Сан-Франциско представители Индии и Бирмы. Представители Советского Союза, Польши и Чехословакии прибыли на конференцию с тем, чтобы, как отмечал в своем выступлении глава советской делегации А. А. Громыко, «потребовать заключения с Японией такого мирного договора, который действительно отвечал бы интересам мирного урегулирования на Дальнем Востоке и содействовал укреплению всеобщего мира»²³.

5 сентября 1951 года глава советской делегации А. А. Громыко выступил на конференции с критикой американо-английского проекта договора, выдвинул ряд поправок и дополнений. Советский Союз предлагал закрепить в договоре признание Японией суверенитета КНР над Маньчжурией, Тайванем, Пескадорскими островами, а также островами Пратас, Парасельскими и суверенитета Советского Союза над южной частью Сахалина и Курильскими островами.

Одновременно Советский Союз предлагал признать суверенитет Японии над островами Рюкю, Бонин и др., входившими в состав Японии до начала войны на Тихом океане. Советская делегация предлагала обеспечить в 90-дневный срок с момента вступления договора в силу вывод всех вооруженных сил Союзных Держав из Японии и предусмотреть запрещение иностранным державам располагать свои войска и базы на территории Японии. Кроме этих поправок советская делегация предложила внести в текст договора восемь новых статей, возлагавших на Японию обязательства по обеспечению широкой демократизации страны и созданию гарантий против возрождения милитаризации. В частности, Япония должна была не допускать возрождения военных, военизированных и фашистских организаций, не вступать в военные коалиции и союзы, направленные против какой-либо державы, принимавшей участие в войне против нее, ограничить численность вооруженных сил нуждами самообороны, запретить производство ядерного, бактериологического и прочего оружия массового уничтожения²⁴.

Представители США и Англии не допустили обсуждения советских предложений. Не были приняты во внимание и возражения по отдельным статьям проекта договора, с которыми выступили представители Индонезии, Египта, Ирака и других стран.

США и Англия, опираясь на следовавшее за ними большинство участников конференции, среди которых было немало стран, которые не участвовали в войне против Японии, например Люксембург, Никарагуа, Гондурас, одобрили американско-английский проект без какого-либо обсуждения и внесения поправок.

8 сентября 1951 года состоялась церемония подписания мирного договора с Японией. Под ним поставили свои подписи 49 государств, включая Японию. Советский Со-

юз, Чехословакия и Польша не подписали договор. Советский Союз и Япония прекратили состояние войны и восстановили дипломатические отношения, подписав 19 октября 1956 года Совместную декларацию, которая была затем ратифицирована законодательными органами обеих стран²⁵.

По Сан-Францисскому мирному договору Япония обязалась выполнять положения Устава ООН, в частности, разрешать все международные споры мирными средствами, воздерживаться от угрозы силой или ее применения против других государств²⁶.

Япония отказывалась от всех прав, правооснований и претензий на Тайвань и Пескадорские острова, на Курильские острова и ту часть острова Сахалин и прилегающие к нему острова, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому мирному договору (однако в договоре не говорится, какой стране передаются эти территории), а также на острова Спратли и Парасельские. Япония соглашалась передать под опеку ООН острова Рюкю и Бонин с Соединенными Штатами в качестве единственной управляющей власти.

Так как США ограничили выполнение репарационной программы, по настоянию стран, пострадавших от японской агрессии, в статье 14 было зафиксировано обязательство Японии платить репарации Союзным Державам. Эта статья предусматривала, что Япония вступит в переговоры о репарациях с теми странами, которые этого пожелают, и будет компенсировать стоимость нанесенного ущерба путем предоставления товаров японского производства и услуг японских граждан. В статье не определялся размер репараций. Советская делегация на Сан-Францисской конференции предлагала внести в статью положение о том, что репарационные вопросы должны быть решены на конференции заинтересованных государств. Это предложение

не было принято, и Япония получила возможность избежать невыгодного для нее столкновения с единым фронтом государств, имеющих к ней репарационные претензии, и вести переговоры на двусторонней основе. Кроме того, Япония, используя положение статьи 14 договора, при заключении репарационных соглашений обуславливала выплату репараций преимущественно в товарной форме, в виде поставок промышленного оборудования, товаров, оказания услуг, и создавала тем самым базу для последующего широкого экономического проникновения в страны, получающие японские репарации.

В мирный договор был включен пункт о выводе оккупационных войск, однако далее делалась оговорка о том, что это условие не может препятствовать размещению или сохранению вооруженных сил в Японии вследствие заключения двустороннего или многостороннего соглашения между Японией и какой-либо другой державой. Это положение открывало путь к сохранению американских войск в Японии.

Вслед за подписанием мирного договора 8 сентября 1951 года в Сан-Франциско был заключен американо-японский пакт безопасности, подготовленный и согласованный еще до заключения мирного договора. По пакту безопасности США получили право после вступления в силу мирного договора содержать в Японии и вблизи от нее свои вооруженные силы, используя их для «поддержания международного мира и безопасности на Дальнем Востоке и обеспечения безопасности Японии от вооруженного нападения извне, включая помощь, предоставляемую по специальной просьбе японского правительства, для подавления внутренних бунтов и беспорядков в Японии»²⁷. На практике это означало, что американские базы могли быть использованы США для обеспечения своих военных действий во всей зоне Дальнего Востока, американские войска брали на

себя полицейские функции «по наведению порядка в Японии в случае необходимости». Пакт безопасности юридически оформил американо-японский военно-политический союз. В этом союзе Япония выступала в качестве младшего партнера, т. к. США обеспечили для себя ряд военных прав и привилегий.

В Японии подписание Сан-Францисского мирного договора и пакта безопасности с США встретило неоднозначную реакцию.

В дни работы Сан-Францисской конференции по Японии прокатилась волна митингов и демонстраций против заключения мирного договора, в которых участвовало около 1 миллиона человек. Против мирного договора и пакта безопасности выступили КПЯ, Сохё, многие местные организации и рядовые члены СПЯ, видные общественные деятели страны.

23 октября 1951 года, за три дня до рассмотрения в нижней палате парламента вопроса о ратификации мирного договора, был созван внеочередной VIII съезд СПЯ для определения позиции партии в отношении договора и пакта. Левые социалисты, которых поддерживала большая часть делегатов с периферии, решительно выступали против договора и пакта. Правые социалисты отвергали пакт безопасности, но одобряли заключение мирного договора. В результате острых дискуссий на съезде произошел второй раскол СПЯ на левых и правых социалистов. Обе группы сохранили название Социалистическая партия Японии. Для отличия одной от другой их называли левая СПЯ (Сякайто саха) и правая СПЯ (Сякайто уха).

Примечательно, что против мирного договора и пакта безопасности высказывался ряд националистически настроенных представителей правящих кругов, выступавших с требованием «изгнания иностранцев» и «нового закрытия дверей»²⁸.

26 октября 1951 года мирный договор был одобрен палатой представителей. За его ратификацию проголосовало 307 депутатов, в том числе правые социалисты, против 47 депутатов. За пакт безопасности проголосовало 289 депутатов, против — 71. 18 ноября мирный договор был одобрен палатой советников. «За» проголосовало 174 депутата, «против» — 45. За пакт безопасности — 147, против — 76.

28 апреля 1952 года мирный договор вступил в силу. Все органы военной администрации были ликвидированы, функции государственного управления полностью перешли в руки японских властей.

ИТОГИ

Анализируя результаты осуществленных в Японии в первые послевоенные годы реформ, вполне обоснованным выглядит вывод о том, что они носили революционный характер и обеспечили создание демократического государства с рыночной экономикой.

Успех реформ был обеспечен сочетанием ряда факторов.

Во-первых, находясь в положении поверженного государства, Япония вынуждена была принимать разработанную и проводимую странами-победительницами политику демилитаризации и демократизации страны.

Ведущую роль в осуществлении всеобъемлющего реформирования японского государственного устройства, социально-экономической системы, идеологических установок играли Соединенные Штаты Америки, которые стремились превратить своего недавнего врага в союзника, в страну, разделяющую американские политические, экономические и культурные ценности и, соответственно, неспособную вновь бросить им военно-политический, да и экономический вызов.

При этом на позицию Вашингтона в «японском вопросе» весьма существенное воздействие оказывала общая стратегия антигитлеровской и антияпонской коалиции Союзных Держав, предусматривавшая послевоенное переустройство международных отношений на принципах, закрепленных в Уставе ООН. Этот посыл был особо силен на заключительном этапе Второй мировой войны и в первые два года после

разгрома агрессоров. Но его импульс в определенной степени действовал и в более поздний период, несмотря на развернувшуюся «эпоху холодной войны».

Во-вторых, само японское общество было не только готово, но и заинтересовано в осуществлении реформ. Война показала порочность государственного устройства, когда власть концентрировалась в руках ограниченного круга политической элиты и в отсутствие сильных демократических институтов способствовала принятию курса на проведение агрессивной, экспансионистской политики. Кроме того, Япония проиграла войну не только на полях и морских просторах сражений, но и в цехах заводов. Отсталые формы организации экономики, опутанной полуфеодальными пережитками, не смогли обеспечить армию и флот передовой военной техникой.

Как и в период реставрации Мэйдзи, острейший характер приобретала необходимость преодоления отставания от стран-победительниц в экономическом и научно-техническом развитии. А достичь этого без радикальной перестройки политических и социальных институтов было невозможно. Потому, хотя оккупационные власти и осуществляли в Японии не прямое правление, а использовали в качестве проведения своей политики японский бюрократический аппарат, сопротивление реформам не носило характера, способного поставить под сомнение их радикальность.

Весьма существенное воздействие на процесс демилитаризации и демократизации оказывало широкое движение самых различных слоев населения — от рабочих до домохозяек, участие которых в довоенное время в политической и общественной деятельности ограничивалось или подавлялось и которые в результате реформ получили возможность подключиться к участию в реформаторской политике. В первый период оккупации это движение

носило невиданный в истории страны по масштабам размах, отличалось боевитостью и радикализмом и способствовало более эффективному внедрению реформ в повседневную жизнь.

Осуществленные преобразования с полным основанием можно охарактеризовать как революционные.

Во-первых, произошла не перегруппировка правящих классов, а их смена.

Ограничение роли императорской власти и реформа парламентской структуры свели на нет влияние придворной аристократии.

Поражение в войне и последовавшая ликвидация японской военной машины и армии имели своим следствием устранение с политической сцены японской военщины — гумбацу, традиционно игравшей одну из важнейших ролей в руководстве страной.

По мере осуществления земельной реформы теряли экономическую опору и сходили с политической сцены японские помещики.

Не осталась без изменений и третья составная часть правящих кругов довоенной Японии — монополистическая буржуазия. В результате ликвидации дзайбацу и проведения чистки от активной экономической, равно как и политической деятельности были отстранены хозяева дзайбацу и члены их семей.

Их место в управлении компаниями, банками и промышленными предприятиями заняли администраторы-менеджеры, которые стали вводить новые формы управления компаниями и производством, учитывая опыт США и стран Западной Европы. Отныне на высшие посты в крупном предпринимательстве выдвигались не руководители, связанные семейными или личными узами, а хорошо подготовленные, высокообразованные представители нового поколения бизнесменов. Постепенно они сосредоточили в

своих руках ключевые посты в экономических организациях, через которые осуществляются связи деловых кругов с правительством.

Менялась и философия деятельности экономических менеджеров, от которых теперь ожидалась ориентация и на социальную ответственность бизнеса. В правительственных документах, принятых после оккупации, содержались обращения к деловым кругам гармонизировать интересы бизнеса с интересами населения, а не просто добиваться прибыли и таким образом обеспечивать процветание как нации, так и частного предпринимательства¹.

В тесное сотрудничество с лидерами финансовых и деловых кругов — дзайкай — вошли высшие круги бюрократии государственного аппарата. До войны представители бюрократии участвовали в разработке и проведении внутренней и внешней политики. Однако они, как правило, играли подчиненную роль в лагере правящих кругов. В результате реорганизации бюрократического аппарата за счет ослабления позиций чиновничества, связанного с военщиной, помещиками, полицией, активную роль стали играть служащие министерства финансов и министерства внешней торговли и промышленности, имеющие связи с финансовыми и деловыми кругами. Многие представители этой бюрократии стали заниматься активной политической деятельностью, пришли к руководству правящей почти непрерывно более 50 лет после ее создания в 1955 году Либерально-демократической партии и правительством.

Именно эта «тройка» — политики, деловые круги, государственные служащие-бюрократы — создала между собой прочный союз, поставивший стратегическую цель: прежде всего обеспечить устойчивое экономическое развитие страны и на этой основе ее выход на передовые позиции в мире в качестве экономически могущественного и политически влиятельного государства.

Таким образом, к власти приходит группировка, радикально отличающаяся от довоенной и по составу, и по методам руководства страной, и по преследуемым целям.

Во-вторых, реформы коренным образом изменили характер японского государственного устройства.

Ограниченный характер буржуазных преобразований эпохи Мэйдзи predetermined сохраниение в политической структуре, промышленности и сельском хозяйстве многочисленных феодальных пережитков, которые тормозили социально-экономическое развитие Японии.

Наиболее дальновидные представители правящих кругов понимали необходимость принятия определенных мер по ликвидации архаичных пережитков в политической и экономической структуре. Однако даже робкие попытки в этом направлении были обречены на провал, т. к. их претворение в жизнь неизбежно означало бы ущемление прав и интересов той или иной группировки правящих кругов — придворной аристократии, помещиков, военщины, финансовой олигархии (дзайбацу) и встречали решительное противодействие с их стороны.

Ликвидация после поражения Японии в войне ограничений политических и гражданских прав, принятие новой конституции, носящей антивоенный характер, прогрессивные изменения в профсоюзном и трудовом законодательстве, реформа системы образования, сопровождавшаяся устранением из школ ультранационалистической и милитаристской идеологии, лишение синтоизма поддержки со стороны государства, введение нового гражданского кодекса, предоставившего женщине равные с мужчиной юридические права, реформа органов местного самоуправления и другие преобразования внесли значительные изменения в политическую надстройку японского государства.

Роспуск дзайбацу и последовавшая за этим перестройка монополий, земельная реформа способствовали переводу

японской экономики на современные, присущие передовым развитым странам формы и методы развития.

Социальные сдвиги в деревне создали условия для перераспределения и более эффективного использования трудовых ресурсов, для значительного расширения внутреннего рынка.

В целом можно говорить о том, что реформы, осуществленные в Японии после ее поражения во Второй мировой войне, послужили вторым этапом модернизации японского государства и общества, начало которой было положено преобразованиями эпохи Мэйдзи.

Реформы отвечали национальным интересам Японии. Не случайно практически все основные реформы, прежде всего конституция 1947 года, остаются в силе. Другие же если и подвергались корректировке, то главным образом для приведения их в соответствие с развитием социально-экономических процессов в стране. И сейчас Япония является демократическим государством, внутренняя политика которого сконцентрирована на вопросах экономического развития и обеспечения достаточно высокого уровня социальной защищенности населения, внешняя политика отличается прагматизмом и предсказуемостью, а политика в военной сфере ограничена решением задач оборонительного характера.

Япония является самостоятельным, независимым государством. Вместе с тем, сохраняя заложенные в оккупационный период тесные союзнические отношения с США, полагаясь на вооруженные, прежде всего ядерные, американские силы в вопросах обеспечения стратегической обороны, Токио продолжает находиться в заметной зависимости от Вашингтона, особенно при формулировании своей внешней политики.

США добились проведением оккупационной политики основных целей. Япония — один из главных конкурентов

соперников США в сфере мировой политики в довоенное время — в результате поражения в войне и оккупации была вовлечена в американскую военную, политическую, экономическую и культурную сферу влияния.

В связи с успешным проведением в Японии послевоенных реформ нередко обсуждается вопрос о возможности использования этого опыта в деле модернизации других стран, испытывающих потребность в серьезном переустройстве государственного управления и экономической системы.

Безусловно, ряд японских послевоенных реформ носит универсальный характер, и их осуществление является необходимыми элементами процесса модернизации. Реформы в Японии носили комплексный, всеобъемлющий характер и проводились в весьма сжатые сроки. Это те главные факторы, которые могут обеспечить успех политики модернизации в разных странах.

Вместе с тем у каждого государства своя историческая специфика развития, свои традиции политической культуры, свои особенности общественных связей и идеологических установок.

Реформы в Японию были привнесены извне, однако японское общество было готово к их принятию, в том числе и потому, что в стране хотя и не в полной мере, но с конца XIX века действовали институты буржуазной демократии, отсутствовала неграмотность, была развита система высшего образования, сравнительно большими тиражами издавались газеты. Хотя и не на передовой основе, но было организовано промышленное производство, отдельные образцы техники и вооружений выпускались на довольно высоком уровне.

Кроме того, в исторической традиции японцев присутствует высокая степень восприимчивости к нововведениям и адаптивности к новым условиям проживания.

Наконец, реформы, особенно в социально-экономической сфере, быстро доказали свою эффективность.

Уже со второй половины 50-х годов Япония вступает в полосу промышленного подъема, а в 1950–1970 годах объемом промышленного производства Японии вырос более чем в 16 раз, в то время как Англии — менее чем в 2 раза, США — в 2,2, Франции — в 3,1, ФРГ — в 4,2. Если в Японии средние годовые темпы роста промышленного производства составили в 1951–1970 годах 14,1 %, то в Англии — только 3,0, США — 4,1, Франции — 5,9, ФРГ — 7,5.

В результате Япония, находившаяся после окончания войны по объему выпуска промышленной продукции на одном из последних мест среди развитых западных стран, в 1968 году вышла на второе место по объему валового национального продукта и на третье — по объему производимой промышленной продукции.

Основным направлением первого этапа послеоккупационной экономической политики был курс на развитие и коренную реконструкцию тяжелой и химической промышленности, подведение под экономику страны базы современной индустрии.

Роспуск дзайбацу и антимонопольные мероприятия явились стимулом к реорганизации всей структуры японского монополистического капитала, его модернизации, перехода от архаичных форм замкнутых фамильных корпораций к современным видам акционерных обществ, к высокой централизации банковского капитала, к более тесному слиянию банковского капитала с промышленным, к стимулированию конкуренции.

Японские монополии, вкладывая крупные капиталы в перестройку и техническое переоборудование своих предприятий, приступая к созданию новых производств, широко использовали государственные финансы.

Резкое увеличение объема капиталовложений при относительной дешевизне и обилии рабочих рук содействовало ускорению темпов роста материального производства.

Положительное значение для подъема японской экономики имела потеря колоний, т. к. лишение монопольных источников сырья и топлива и монопольных рынков сбыта явилось одним из сильнейших стимулов для перестройки экономики с целью поднятия ее конкурентоспособности на мировых рынках.

Низкий уровень военных расходов Японии способствовал увеличению нормы накопления и его эффективности. Размеры военных расходов, их доля в национальном бюджете остается почти неизменной (в пределах 1 %).

Значительное внимание было уделено поддержке малого и среднего предпринимательства, которые получали значительные льготы и субсидии.

Не располагая природными ресурсами, Япония взяла курс на использование самых передовых технологий. Японские предприниматели решительно избавлялись от устаревшего или поврежденного в ходе бомбардировок оборудования, расчищали площадку для переоснащения заводов и фабрик на основе новейших станков и оборудования, заимствованных у США и стран Западной Европы.

Важную роль играла политика экономического планирования, которая была введена японским правительством по настоянию деловых кругов с середины 50-х годов XX столетия.

Первый официальный экономический план был принят правительством в 1955 году и ставил задачу добиться 5 % ежегодного роста и тем самым обеспечить экономическую независимость страны за пятилетний период. За два года план был выполнен. Следующий пятилетний план, введенный в 1958 году, ставил цель достичь ежегодного роста в 6,5 %. Он был реализован к 1960 году. Тогда появился новый план — план удвоения национального дохода за десять лет.

Планы представляли собой «индикативное экономическое планирование». Правительство брало на себя ответст-

венность за разработку и осуществление долгосрочных планов развития для ключевых отраслей промышленности. Частное предпринимательство несло ответственность за развитие своих предприятий. Правительство не определяло конкретные цифры производства или инвестиций для частных предприятий. Оно создавало общие условия для ускоренного развития экономики в целом.

Правительство осуществляло то, что было не под силу частному бизнесу, — модернизацию транспортной структуры путем строительства и улучшения шоссе и железных дорог, портов, строительство дренажных систем, парков, муниципального жилья, расширение учреждений образования, содействие развитию науки и технологий.

Деловые круги рассматривали план как ориентир для своей деятельности и на этой основе планировали размещение предприятий, инвестиции в оборудование, обучение персонала.

В 70-е годы правительство с учетом достижения страной значительных экономических успехов отказалось от указанной системы планирования. Однако вмешательство государства в экономические процессы было и остается значительным, гораздо более серьезным, чем в других экономически развитых странах. В эпоху глобализации такая зарегулированность экономики становится тормозом на пути обеспечения мобильности и эффективности экономического развития. Но в 50–60-е годы государственное регулирование сыграло значительную позитивную роль в восстановлении японской экономики.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что послевоенные реформы сыграли в историческом развитии Японии судьбоносную роль. Осуществленная на их основе модернизация всех сторон японского общества отвечала национальным интересам страны, и это убедительно доказало последующее историческое развитие Японии.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I КАПИТУЛЯЦИЯ ЯПОНИИ

- ¹ См., например: T. Grew, *Turbulent Era, A Diplomatic Record of Forty Years, 1904–1945*, Boston, 1952, vol. II, p. 1421.
- ² Ibid, pp. 1408–19.
- ³ Н. Truman, *Memoirs*, N. Y., 1955, vol. I, p. 416; T. Grew, *Op. cit.*, vol. II, p. 1423.
- ⁴ См.: “Mikado Must Go”, *Foreign Affairs*, October, 1944.
- ⁵ См.: O. Lattimore, *Solution in Asia*, Boston, 1945, p. 49; H. Feis, *Japan Subdued, The Atomic Bomb and the End of the War in the Pacific*, Princeton, 1961, pp. 18, 25.
- ⁶ L. Mosley. *Hirohito. Emperor of Japan*, N. Y., 1967, p. 315.
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ Сюкан Синтё, 7. VIII. 1971.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Сборник документов (Каирская декларация, Крымское соглашение, Потсдамская декларация, решение Московского совещания и другие документы, связанные с капитуляцией Японии) 1943–1946 гг. МИД СССР. — М., 1947, стр. 23–24.
- ¹¹ Сигэнори Того, *Воспоминания японского дипломата*. — М., 1996, стр. 461–62.
- ¹² Каирская декларация, сформулированная Ф. Рузвельтом, премьер-министром У. Черчиллем и генералиссимусом Чан Кай-ши, констатировала решимость трех стран «обеспечить безоговорочную капитуляцию Японии».

- ¹³ В том числе: возвращение Советскому Союзу южной части о. Сахалин и всех прилегающих к ней островов, передача Советскому Союзу Курильских островов. При этом фиксировалось, что «эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией». Сборник документов МИД СССР, стр. 19.
- ¹⁴ Герберт Бикс, Хирохито. Создание современной Японии. — М., 2002, стр. 425.
- ¹⁵ См.: Сборник документов МИД СССР, стр. 27.
- ¹⁶ Г. Бикс, Указ. соч., стр. 455.
- ¹⁷ История войны на Тихом океане (Тайхэйе сэнсоси), пер. с яп. — М., 1958, стр. 252–258.
- ¹⁸ Сигэнори Того, Указ. соч., стр. 471.
- ¹⁹ Там же, стр. 472.
- ²⁰ Сборник документов МИД СССР, 1943–1946 гг., стр. 30.
- ²¹ Сэйдзабуро Синобу. Сэнго Нихон сэйдзиси (Политическая история послевоенной Японии), Токио, 1965, т. I, стр. 112.
- ²² Л. Брукс, За кулисами японской капитуляции. — М., 1971, стр. 202–210.
- ²³ С. Того, Указ. соч., стр. 483.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ С. Того, Указ. соч., стр. 484.
- ²⁶ E. Reischauer, The United States and Japan, New-York, 1968, p. 261.
- ²⁷ С. Синобу, Указ. соч., т. I, стр. 114.
- ²⁸ M. Ball, Japan: Enemy or Ally? New-York, 1949, p. 43.
- ²⁹ См.: Э. Фукаи, Сумицуин дзюё гидзи обоэгаки (Протоколы важных заседаний Тайного совета), Токио, 1953, стр. 431.
- ³⁰ С. Того, Указ. соч., стр. 485–486.
- ³¹ Там же, стр. 479.
- ³² Не случайно журнал Сэкай (август 1958 г.) писал, что многие японцы из речи императора не поняли, что Япония капитулировала.

- ³³ Текст выступления императора см. в приложении к книге L. Mosley. Hirohito. Emperor of Japan, pp. 364–365.
- ³⁴ Г. Бикс, Указ. соч., стр. 458; С. Синобу, Указ. соч., т. I, стр. 115.
- ³⁵ Н. Хигасикуни был женат на дочери императора Мэйдзи, а его сын — на дочери Хирохито.
- ³⁶ С. Синобу, Указ. соч., т. I, стр. 119.
- ³⁷ Сёити Фудзии, Синобу Ооэ. Сэнго Нихон но рэкиси (Послевоенная история Японии), Токио, 1970, т. I, стр. 35.
- ³⁸ С. Фудзии, С. Ооэ. Указ. соч., т. I, стр. 35.
- ³⁹ L. Mosley, Op. cit., p. 343.
- ⁴⁰ С. Синобу, Указ. соч., т. I, стр. 124.

Глава II

РАЗРАБОТКА И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

- ¹ См.: Н. Н. Иноземцев, Внешняя политика США в эпоху империализма. — М., 1960, стр. 396.
- ² См.: E. Martin, The Allied Occupation of Japan, N. Y., 1948, p. 5.
- ³ См.: E. Reishauer, Op. cit., p. 26; также «Америка Нихон кэнкю» («Изучение Японии в США») / Под ред. Миямото Матадзи, Токио, 1970, стр. 4–13.
- ⁴ Fortune, April, 1944, p. 182.
- ⁵ Э. Захариас, Секретные миссии. — М., 1959, стр. 402.
- ⁶ См.: Ю. Л. Кузнец, От Пёрл-Харбора до Потсдама. — М., 1970, стр. 302–303.
- ⁷ E. Martin, Op. cit., p. 5.
- ⁸ Тадаси Кавагути, Сэнго Нихон сэйдзи катэй то кэмпо (Политические процессы послевоенной Японии и конституция), Токио, 1971, стр. 8.
- ⁹ Н. Н. Иноземцев, Указ. соч., стр. 511.

- ¹⁰ См.: W. Neumann, *America Encounters Japan: From Perry to MacArthur*, Johns Hopkins University Press, 1963, p. 291.
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² W. Neumann, *Op. cit.*, p. 292.
- ¹³ M. Jones, *American Immigration*, The University of Chicago Press, 1960, p. 304.
- ¹⁴ W. Neumann, *Op. cit.*, p. 292.
- ¹⁵ O. Handlin, *The American People in the Twentieth Century*, Harvard University Press, 1954, p. 214.
- ¹⁶ D. Macdonald, *Memoirs of Revolutionist: Essays in Political criticism*, New York, 1958, p. 163.
- ¹⁷ M. Mead, *And Keep Your Power Dry*, N.-Y., 1943, p. 245; J. Embree, *Standardised Error and Japanese Character*, *World Politics*, vol. II, April, 1950, pp. 440–441; R. Benedict, *The Chrysanthemum and the Sword*, Boston, 1946.
- ¹⁸ D. Haring, *Japanese National Character: Cultural Anthropology, Psychoanalysis and History*, *Jale Review*, March, 1953, p. 376.
- ¹⁹ *Public Opinion: 1935–1946*, ed by H. Cantril, Princeton University Press, 1951, pp. 500–502.
- ²⁰ Anne and William Johnstone, *What are we doing with Japan?* New York, 1946, pp. 12–13; «Public Opinion: 1935–1946», *Op. cit.*, pp. 500–502.
- ²¹ На этот фактор, оказывавший влияние на проведение оккупационной политики США, указывается во многих работах американских авторов, в том числе:
The United States and Japan, The American Assembly New Jersey, 1966, p. 51;
E. Reischauer, *Op. cit.*, p. 287;
E. Martin, *Op. cit.*, p. 50.
- ²² «Япония, — подчеркивает Э. Рейшауэр, — великое идеологическое поле битвы, и исход сражения представляет для нас величайшую важность. Мы стремимся доказать, что демократия является статьей экспорта, что она может действовать и будет действовать за границами нескольких действительно демокра-

тических государств, имеющихся на сегодняшний день». E. Reischauer, *Op. cit.*, p. 42.

- ²³ «Основная политика в отношении Японии после капитуляции», Решение ДВК от 19 июня 1947 года, МИД СССР. — М., 1947.
- ²⁴ M. Dean, *The United States and Russia*, Cambridge, 1948, p. 145.
- ²⁵ Сэйдзабуро Синобу, Указ. соч., т. I, стр. 110.
- ²⁶ Т. Кавагути, Указ. соч., стр. 16.
- ²⁷ E. Martin, *Op. cit.*, p. 5.
- ²⁸ H. Feis, *Op. cit.*, p. 52.
- ²⁹ 28 июля 1945 года государственный секретарь Г. Бирнс в разговоре с военно-морским министром Дж. Форрестолом сказал, что более всего он озабочен тем, как «окончить все дела, связанные с Японией, до вступления в войну России». *The Forrestall Diaries*, ed. by W. Milles, New York, 1951, pp. 55–56.
- ³⁰ См.: Ю. Л. Кузнец, Указ. соч., стр. 313–315.
- ³¹ В своих воспоминаниях Г. Трумэн признает: «Я не хотел раздельного контроля или сепаратных зон. Я не хотел давать русским те преимущества, которые они имели в Австрии и Германии». (H. Truman, *Memoirs*, London, 1955, vol. I, p. 432). Подкомитет для Дальнего Востока Координационного комитета Государственного департамента, военного и военно-морского министерств также настаивал на необходимости «избежать любой ценой соглашения о зонах оккупации».
- ³² «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», Госполитиздат, 1957, т. II, стр. 263–264.
- ³³ «Сборник документов, связанных с капитуляцией Японии 1943–1945 гг.», МИД СССР. — М., 1947, стр. 44.
- ³⁴ Anne and William Johnstone, *Op. cit.*, p. 48.
- ³⁵ Л. Н. Кутаков, *Внешняя политика и дипломатия Японии*. — М., 1964, стр. 190.
- ³⁶ *Политика США в странах Дальнего Востока*. М., 1964, стр. 21.

- ³⁷ См.: Сборник документов, связанных с капитуляцией Японии 1943–1946 гг., стр. 12.
- ³⁸ Там же, стр. 14.
- ³⁹ О деятельности Дальневосточной комиссии и Союзного совета см.: Политика США в странах Дальнего Востока. — М., 1964, стр. 20–28; Л. Н. Кутаков, Указ. соч., стр. 190–201; И. А. Латышев, Конституционный вопрос в послевоенной Японии. — М., 1959, стр. 153–169.
- ⁴⁰ С 11 апреля 1951 года до 28 апреля 1952 года генералом М. Риджуэем.
- ⁴¹ См.: В. Б. Воронцов, «Кумиры» без прикрас, Д. Макатур и Дальневосточная политика США. — М., 1968, стр. 108–114.
- ⁴² С. Синобу, Указ. соч., т. I, стр. 116.
- ⁴³ Сборник документов, связанных с капитуляцией Японии 1943–1946 гг., стр. 44.
- ⁴⁴ The United States and Japan, *Op. cit.*, p. 50.
- ⁴⁵ С. Синобу, Указ. соч., т. I, стр. 154.
- ⁴⁶ М. Гейн, Японский дневник. — М., 1951, стр. 280–281; см. также: Нихон сэнрё (Оккупация Японии), Издание Сисо но кагаку кэнкюкай (Научное общество изучения идеологии), Токио, 1972, стр. 434–435.
- ⁴⁷ М. Гейн, Указ. соч., стр. 79.
- ⁴⁸ E. Reischauer, *Op. cit.*, p. 231.

Глава III

РЕАКЦИЯ В ЯПОНИИ НА ОККУПАЦИЮ И НАЧАЛО РЕФОРМ ПО ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ И ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

- ¹ А. Динкевич, О. Барышников, Промышленность Японии в послевоенный период (1945–1956 гг.). — М., 1958, стр. 21.
- ² Akio Morita, *Made in Japan: Akio Morita and Sony*, New York, 1988, p. 46.
- ³ Г. Бикс, Указ. соч., стр. 478.

- ⁴ Очерки новой истории Японии. — М., 1958, стр. 197.
- ⁵ См.: Асахи симбун, 15, 16, 17/IX. 1945.
- ⁶ A. Roth, *Dilemma in Japan*, Boston, 1945.
- ⁷ L. Mosley, *Op. cit.*, p. 344.
- ⁸ *Ibid*, p. 345.
- ⁹ Тосио Сумимото, Сэнрё хироку (Секретные документы оккупации), Токио, 1952, т. I, стр. 40.
- ¹⁰ Сборник документов, связанных с капитуляцией Японии 1943–1946 гг., стр. 44.
- ¹¹ Сэнго Нихон сёси (История послевоенной Японии), Токио, 1970, т. I, стр. 24.
- ¹² Там же, т. II, стр. 203.
- ¹³ Впоследствии наименование этого органа неоднократно изменялось.
- ¹⁴ С. Синобу, Указ. соч., т. I, стр. 162.
- ¹⁵ Shigeru Yoshida, *The Yoshida Memoirs. The Story of Japan in Crisis*, London, 1961, p. 55.
- ¹⁶ S. Yosida, *Op. cit.*, p. 53.
- ¹⁷ См. подробнее: А. Н. Панов, Японская дипломатическая служба. — М., 1988, стр. 15–22.
- ¹⁸ Сэнго Нихон сёси, т. II, стр. 293.
- ¹⁹ S. Yosida, *Op. cit.*, p. 45.
- ²⁰ L. Mosley, *Op. cit.*, p. 345.
- ²¹ Т. Сумимото, Указ. соч., т. I, стр. 134.
- ²² Такэси Исида, Сэнго Нихон-но сэйдзи тэйсэй. Хакёку то хэйва (Структура послевоенной японской политики. Катастрофа и мир), Токио, 1968, стр. 245.
- ²³ Т. Сумимото, Указ. соч., т. I, стр. 136.
- ²⁴ Сэнго Нихонси, т. I, стр. 136.
- ²⁵ Стерлинг и Пегги Сигрейв, Династия Ямато. — М., 2005, стр. 353.
- ²⁶ Г. Бикс, Указ. соч., стр. 469.
- ²⁷ Там же, стр. 475.

- ²⁸ Асахи симбуи, 5 октября 1945 года.
- ²⁹ К. Сидэхара — родился в 1872 году. С 1896 года находился на дипломатической работе. Был женат на дочери владельца дзайбацу «Мицубиси» К. Ивасаки. С 1924 по 1927 г. и с 1929 по 1931 г. занимал пост министра иностранных дел. После отставки в 1931 году до капитуляции Японии активного участия в политической деятельности не принимал.

Глава IV

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ ЯПОНСКОЙ АРМИИ, НАКАЗАНИЕ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ И ЛИЦ, ОТВЕТСТВЕННЫХ ЗА АГРЕССИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЯПОНИИ

- ¹ Kashio Satomi, *Is America a Victor?* Tokyo, 1960, p. 27.
- ² См.: Сборник документов, связанных с капитуляцией Японии 1943–1946 гг., стр. 38–42.
- ³ См. послесловие В. Соколова к книге С. Мацумото «Подводное течение». — М., 1964; также: Японский милитаризм. — М., стр. 260; Т. Ооно, Америка кара кита супайтати (Шпионы, прибывшие из США), Токио, 1967.
- ⁴ См. позицию Советского Союза по этому вопросу в Союзном совете: Сборник заявлений и рекомендаций члена Союзного Совета для Японии от СССР. — М., МИД СССР, стр. 9, 26–29.
- ⁵ Сборник документов, связанных с капитуляцией Японии 1943–1946 гг., стр. 24.
- ⁶ См. подробнее: М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, Международный процесс главных японских военных преступников. — М., 1950; С. А. Голунский, Суд над главными японскими военными преступниками. — М., 1947.
- ⁷ Г. Бикс, Указ. соч., стр. 478.
- ⁸ Там же, стр. 484.
- ⁹ Д. Макартур в принципе был против широкого суда над японскими военными преступниками. «Я, — пишет он в своих мемуарах, — всегда был против судов над государственными и

военными деятелями, которые вели войну. Что касается японцев, то я предлагал ограничиться обвинением лишь тех, кто организовал нападение на Пёрл-Харбор». D. MacArthur, *Reminiscences*, New York, 1964, p. 318.

- ¹⁰ Ctr. Blakeslee, *The Far Eastern Commission*, N.-Y., 1953, pp. 20–21.
- ¹¹ С. Синобу, Указ. соч., т. III, стр. 896.
- ¹² См. подробнее: Л. Н. Кутаков, *Внешняя политика Японии*. — М., 1964, стр. 230; R. Fearey, *The Occupation of Japan: Second Phase 1948–1950*, New York, 1950, p. 21.
- ¹³ Сборник документов, связанных с капитуляцией Японии 1943–1946 гг., стр. 45.
- ¹⁴ Составлено по данным канцелярии премьер-министра. Из книги Гэндай Нихон но сэйдзи катэй (Политические процессы современной Японии), Токио, 1959, стр. 255–256.
- ¹⁵ См.: М. Гейн, Указ. соч., стр. 80.
- ¹⁶ См.: R. Frearey, *Op. cit.*, p. 29–31.
- ¹⁷ H. Quegley, *The Great Pirge in Japan*, *Pacific Affairs*, September, 1947.
- ¹⁸ Включая преподавателей школ и высших учебных заведений, ответственных за ведение ультранационалистической пропаганды. Источник: *Political Reorientation of Japan: September 1945 to September 1948*, vol. I, p. 29.
- ¹⁹ Гэндай Нихон-но сэйдзи катэй, стр. 171.
- ²⁰ См.: S. Yoshida, *Op. cit.*, p. 155.
- ²¹ В 1947 году в журнале «Ньюсвик» появилось несколько статей с критикой проводившейся чистки как мероприятия, устраняющего с политической сцены доброжелательно настроенных к США политических деятелей. См.: *Newsweek*, 27. I. 1947, 10. II. 1947, 13. VI. 1947.
- ²² Гэндай Нихон-но сэйдзи катэй, стр. 303.
- ²³ H. Quigley, *Op. cit.*
- ²⁴ Т. Исида, Указ. соч., стр. 322.
- ²⁵ С. Фудзии, С. Ооэ, Указ. соч., т. I, стр. 47.

- ²⁶ Майнити симбун, 20. III. 1955.
- ²⁷ E. Reischauer, Op. cit., p. 245.
- ²⁸ См.: Masuo Kato, The Lost War, New York, 1946, p. 248.
- ²⁹ H. Quigley, Op. cit.
- ³⁰ Гэндай Нихон-но сэйдзи катэй, стр. 256.
- ³¹ S. Yoshida, Op. cit., p. 162.

Глава V

РЕФОРМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРАХ

Новая конституция

- ¹ Джеймс Мак-Клейн, Япония, От сегуната Токугава — в XXI век. — М., 2007, стр. 740–741.
- ² S. Yoshida, Op. cit., p. 130; также: Дзёдзи Мацумото, Нихон коку кэмпоно соан (О проектах конституции Японии), Токио, 1954, стр. 5.
- ³ См.: Кэмпо кайсэй-ни кансүру сёрон сүроку (Материалы дискуссии относительно пересмотра конституции), Токио, 1946, стр. 626; Сэнресёки-ни окэру кэмпо кайсэй мондай-ни кансүру сёрон-но доко (Отношение общественного мнения к вопросу пересмотра конституции в начальный период оккупации), Токио, 1959, стр. 39.
- ⁴ S. Yoshida, Op. cit., p. 130.
- ⁵ Ibid, p. 131.
- ⁶ Кидзүро Сидэхара, Сидэхара хэйвадзайдан (Диалоги о мире Сидэхара), Токио, 1955, стр. 622–623.
- ⁷ См.: И. А. Латышев, Указ. соч., стр. 28.
- ⁸ См.: Исао Китаока, Хосюсюги токухон (Хрестоматия консерватизма), Токио, 1964, стр. 66–70.
- ⁹ Емиури сэйдзи нэккан, 1947, стр. 115.
- ¹⁰ Там же, стр. 114.
- ¹¹ См.: И. А. Латышев, Указ. соч., стр. 23–24.

- ¹² См.: Yasuo Tatsuki, *General Trend of Japanes Opinion Following the End of War*, Tokyo, 1958, pp. 19–22.
- ¹³ Кидзюро Сидэхара, Указ. соч., стр. 610.
- ¹⁴ Марк Гейн, Указ. соч., стр. 164.
- ¹⁵ Richard B. Finn, *Winners in Peace: MacArthur, Yoshida and Postwar Japan*, Berkeley, 1992, p. 97.
- ¹⁶ Сборник решений Дальневосточной комиссии. Февраль 1946 года — июль 1948 года. — М., 1948, стр. 30–32; Сборник заявлений, предложений и запросов представителя СССР в Дальневосточной комиссии. Март 1946 года — январь 1950 года. — М., 1950, стр. 17.
- ¹⁷ *Political Reorientation of Japan. September 1945 to September 1948*, Report of Government Section Supreme Commander for Allied Powers, 1950, vol. III, p. 111.
- ¹⁸ S. Yoshida, *Op. cit.*, p. 145.
- ¹⁹ См. текст конституции в книге «Современная Япония». — М., 1968, стр. 501.
- ²⁰ Сэнго Нихонси, Указ. соч., Токио, 1970, т. I, стр. 136.
- ²¹ John W. Dower, *Embracing Defeat: Japan in the Wake of Work War*, II, N. -Y., 2000, p. 314.
- ²² Нихонкоку кэмпо сэйтэй-но дзидзё (Обстоятельства, связанные с учреждением конституции японского государства); Дзюто кэмпо тэсакай токубэцу сирё (Специальные материалы исследовательского комитета либеральной партии по вопросам конституции), Токио, 1954, стр. 13.
- ²³ S. Yoshida, *Op. cit.*, p. 134; также: Кидзюро Сидэхара, Указ. соч., стр. 645.
- ²⁴ См.: Дзедзи Мацумото, Нихон коку кэмпо-но соан (О проектах конституции Японии), Токио, 1954, стр. 321; также: Г. Бикс, Указ. соч., стр. 484.
- ²⁵ Кидзюро Сидэхара, Гайко годзюнэн (50 лет дипломатии), Токио, 1951, стр. 212–213.
- ²⁶ Известия, 12. XI. 1946.
- ²⁷ Т. Исида, Указ. соч., стр. 227.

- ²⁸ Harry Wildes, Typhoon in Tokyo, The occupation and its aftermath, New York, 1954, pp. 44–45.

Реформы органов местного самоуправления и полиции

- ¹ См. подробнее: Т. Исида, Указ. соч., стр. 280–284.
² С. Синобу, Указ. соч., т. II, стр. 542–543.
³ Там же.
⁴ Гэндай Нихон-но сэйдзи катэй, стр. 113.
⁵ См. подробнее: Т. Исида, Указ. соч., стр. 64, 71–75.
⁶ Far Eastern Survey, November 20, 1946.
⁷ См. подробнее: Political Reorientation of Japan, vol. I, p. 284–288.
⁸ См.: С. Синобу, Указ. соч., т. IV, стр. 1403.
⁹ Т. Исида, Указ. соч., стр. 285.
¹⁰ К началу 1947 года численность полиции составляла 40 993 человека. С. Синобу, Указ. соч., т. II, стр. 505.
¹¹ Подробнее о законе о полиции см.: Сэнго Нихон сёси, т. II, стр. 430–437.
¹² Сэнго Нихон сёси, т. II, стр. 432.
¹³ См.: Asahi Evening New, August 19, 1971.

*Новое трудовое законодательство
и развитие профсоюзного движения*

- ¹ Far Eastern Survey, November 16, 1949.
² См.: М. Farley, Aspects of Japan's Labor Problems, New York, 1950, p. 28.
³ G. Taylor, America in the War, New-York, 1942, p. 80.
⁴ Гэндай Нихон-но сэйдзи катэй, стр. 50.
⁵ Far Eastern Survey, October 19, 1949. См. также о рабочем и демократическом движении в предвоенные годы: И. М. Сырицын, Борьба японских трудящихся против войны и фашизма. — М., 1960.
⁶ Источник: Нитибэй канкэй но кэнкю (Исследование японо-американских отношений), Токио, 1969–1970, т. I, стр. 232, 257.

- ⁷ Сборник заявлений и рекомендаций члена Союзного Совета для Японии от СССР. Апрель 1946 — январь 1949 гг., стр. 18–22.
- ⁸ См.: Е. Martin, *Op. cit.*, p. 83.
- ⁹ Подробнее см.: П. П. Топеха, Вопросы единства профсоюзного движения в современной Японии. — М., 1964, стр. 26–42.
- ¹⁰ См.: В. Б. Рамзес, Мелкие и средние предприятия в послевоенной Японии. — М., 1965, стр. 23–42.

*Ликвидация государственного синтоизма
и реформа системы образования*

- ¹ См.: Нихон сэнрё (Оккупация Японии), Токио, 1972, стр. 537–539.
- ² С. Фудзии, С. Ооэ, Указ. соч., т. I, стр. 105.
- ³ Кидзюро Сидэхара, Указ. соч., стр. 638.
- ⁴ Far Eastern Survey, September 3, 1947.
- ⁵ D. MacArthur, *Op. cit.*, p. 311.
- ⁶ С. Синобу, Указ. соч., т. II, стр. 568.
- ⁷ См., например: С. А. Арутюнов, Современный быт японцев. — М., 1968, стр. 49; а также: Л. Д. Гришелева, Н. И. Чегодарь, О загадках «японской души», «Народы Азии и Африки» № 3, 1972, стр. 167–168.
- ⁸ D. Keene, *Living Japan*, New York, 1959, p. 95.
- ⁹ С. Фудзии, С. Ооэ, Указ. соч., т. I, стр. 50–60.
- ¹⁰ См. подробнее: Сэнго Нихон сёси, т. II, стр. 538–540.
- ¹¹ См.: Очерки новой истории Японии. — М., 1958, стр. 510.
- ¹² E. Reischauer, *Op. cit.*, p. 266.
- ¹³ Сэнго Нихон сёси, т. II, стр. 596–599, 612–617.
- ¹⁴ S. Yoshida, *Op. cit.*, p. 172.
- ¹⁵ См.: Сэнго Нихон сёси, т. II, стр. 608–611.
- ¹⁶ Нихон токэй нэнкан, 1949, стр. 925–926; Нихон токэй нэнкан, 1969, стр. 551–560.

ГЛАВА VI

РЕФОРМЫ В ЭКОНОМИКЕ

Демилитаризация японской промышленности

- ¹ Сборник документов, связанных с капитуляцией Японии 1943–1946 гг., стр. 24.
- ² Там же, стр. 47–48.
- ³ Сборник заявлений, предложений и запросов представителя СССР в Дальневосточной комиссии. Март 1946 г. — январь 1950 г., МИД СССР, 1950, стр. 73, см. также стр. 75–76, 78–81.
- ⁴ Нитибэй канкэй кэнкю, т. I, стр. 221; см. также: W. Fleisher, What to Do with Japan, New York, 1945.
- ⁵ U. S. New and World Report, August 24, 1945.
- ⁶ Сабуро Оку, Нихон-но кэйдзай суйдзюн (Уровень развития японской экономики), Токио, 1948, стр. 94.
- ⁷ Ричард Теймс, Япония: история страны. — М., 2009, стр. 249.
- ⁸ С. Синобу, Указ. соч., т. I, стр. 226–227.
- ⁹ J. Campbell, The United States in World Affairs: 1947–1948, New York and London, 1948, p. 153.
- ¹⁰ Oriental Economist, August 27, 1949.
- ¹¹ E. Reischauer, Op. cit., p. 39.
- ¹² С. Синобу, Указ. соч., т. II, стр. 512.
- ¹³ Сэнго Нихон сёси, т. I, стр. 103.
- ¹⁴ E. Martin, Op. cit., p. 33.
- ¹⁵ После восстановления независимости Япония в результате сложных переговоров урегулирует проблему выплаты репараций с Бирмой, Филиппинами, Индонезией, Южным Вьетнамом. Большая часть репараций шла на поставки в эти страны промышленных товаров, на строительство японскими компаниями энергетических, химических, перерабатывающих сырьё предприятий. Тем самым открывался путь к проникновению в экономику этих стран японского капитала. Были также заключены носящие характер репарационных поставок соглашения о техническом и экономическом сотрудничестве с Лаосом и Камбоджей на общую сумму в 7,2 млн долл. По соглашению с

Республикой Корея, заключенному в 1965 году, Япония безвозмездно передала сумму 300 млн долл., а также предоставила заем в 200 млн долл. на самых льготных условиях.

Подробнее о репарационных соглашениях см.: В. Александров, Япония и развивающиеся страны. — М., 1965, стр. 103–131; И. М. Василевская, Япония и страны Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны. — М., 1969, стр. 53–71.

¹⁶ R. Fearey, *Op. cit.*, p. 200.

¹⁷ А. Динкевич, О. Барышникова, Промышленность Японии в послевоенный период (1945–1956 гг.). — М., 1958, стр. 19.

*Ликвидация концернов-дзайбацу
и антимонополистические мероприятия*

¹ Подробнее об исторических особенностях происхождения и структуры дзайбацу см.: Я. А. Певзнер, Монополистический капитал Японии («дзайбацу») в годы Второй мировой войны и после войны. — М., 1950.

² Гэндай Нихон-но сэйдзи катэй, стр. 180.

³ Р. Зорге, Статьи, корреспонденции, рецензии, ИМУ, 1971, стр. 117.

⁴ Там же.

⁵ Я. А. Певзнер, Государство в экономике Японии. — М., 1976, стр. 12.

⁶ В годы войны являлся активным членом Ассоциации помощи трону. Его младший брат — Сигэо Нагано — в послевоенное время стал одним из наиболее влиятельных представителей японских деловых кругов.

⁷ С. Синобу, Указ. соч., т. I, стр. 161.

⁸ Asahi Evening News, August 5, 1972.

⁹ С. Edwards, The Dissolution of Japanese Combines, Pacific Affairs, September, 1946.

¹⁰ С. Синобу, Указ. соч., т. I, стр. 192–193.

¹¹ С. Синобу, Указ. соч., т. I, стр. 193.

¹² Сборник документов, связанных с капитуляцией Японии, стр. 48.

- ¹³ С. Синобу, Указ. соч. . т. I, стр. 194.
- ¹⁴ См.: С. Edwards, *Op. cit.*; также: К. Эдвардс, «Японские концерны». — М., 1950.
- ¹⁵ E. Reischauer, *Op. cit.*, p. 273.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ С. Синобу, Указ. соч., т. I, стр. 192.
- ¹⁸ Нитибэй канкэй кэнкю, т. I, стр. 256.
- ¹⁹ E. Martin, *Op. cit.*, p. 77.
- ²⁰ R. Fearey, *Op. cit.*, p. 68.
- ²¹ Е. А. Пигулевская, Монополии и финансовая олигархия в современной Японии, стр. 195.
- ²² Новое лицо японской промышленности (пер. с японского). — М., 1967, стр. 34.
- ²³ Нихон Кокусэйдзуэ (Статистический справочник Японии), Токио, 1969, стр. 452–453.
- ²⁴ Нихон-но рэкиси (История Японии), Токио, 1971, т. XIII, стр. 80.
- ²⁵ Kazuo Kawai, *Japan's American Interlude*, Chicago, 1960, p. 146.
- ²⁶ R. Fearey, *Op. cit.*, p. 61–63.
- ²⁷ См.: Нихон-но рэкиси, т. XIII, стр. 80.
- ²⁸ R. Fearey, *Op. cit.*, p. 69.
- ²⁹ Сэнго Нихон сёси, т. I, стр. 90.
- ³⁰ А. И. Динкевич, Экономика послевоенной Японии. — М., 1958, стр. 26.
- ³¹ См. подробнее о позициях монополий США в японской экономике: Е. А. Пигулевская, Монополии и финансовая олигархия в современной Японии, стр. 281–303.
- ³² С. Синобу, Указ. соч., т. III, стр. 799.
- ³³ Нитибэй канкэй кэнкю, т. I, стр. 269.
- ³⁴ Там же. (По американским данным, за период 1946–1950 гг. предприниматели США сделали прямые вложения в 29 японских компаний на общую сумму в 59 млн долларов. См.: Шарков А. М., Япония и США. — М., 1971, стр. 235–236).

- ³⁵ См.: А. И. Динкевич, Экономическая и военная «помощь» США Японии. — М., 1962.
- ³⁶ Джеймс Мак-Клейн, Указ. соч., стр. 749–750.
- ³⁷ См.: Воспроизводство общественного продукта в Японии. — М., 1970, стр. 3–9, 47–74; также: А. И. Динкевич, Очерки экономики современной Японии. — М., 1972, стр. 3–90.

Земельная реформа

- ¹ Нихон рэкиси кодза (Лекции по истории Японии), Токио, 1970, т. VII, стр. 19.
- ² Far Eastern Survey, February 13, 1946.
- ³ S. Yoshida, Op. cit., 1961, p. 197.
- ⁴ Нихон рэкиси кодза, т. VII, стр. 28.
- ⁵ Far Eastern Survey, February 13, 1946.
- ⁶ Takakazu Ogura, Agrarian Problems and Agricultural Policy in Japan, Tokyo, 1967, p. 9.
- ⁷ А. Грэд, Земля и крестьянин в Японии. — М., 1954, стр. 66.
- ⁸ Сэнго Нихон си, Токио, т. I, стр. 145.
- ⁹ Там же, стр. 256.
- ¹⁰ Е. Ока и др., Гэндай Нихон но сэйдзи катэй (Политические процессы современной Японии), Токио, 1959, стр. 172–173.
- ¹¹ См., например: А. Грэд, Указ. соч.
- ¹² А. Грэд, Указ. соч., стр. 77.
- ¹³ Нихон рэкиси кодза, т. VII, стр. 40.
- ¹⁴ А. Грэд, Указ. соч., стр. 77.
- ¹⁵ S. Yoshida, Op. cit., pp. 197–198.
- ¹⁶ Нихон рэкиси кодза, т. VII, стр. 31.
- ¹⁷ Нитибэй канкэй кэнкю, т. I, стр. 234.
- ¹⁸ W. S. Ladejinsky, Agrarian Revolution in Japan, Foreign Affairs, October, 1960, p. 96.
- ¹⁹ Е. Ока и др., Указ. соч., стр. 173
- ²⁰ Сэнго Нихон си, т. I, стр. 260.

- ²¹ Е. Ока и др., Указ. соч., т. VII; Послевоенная история Японии, т. I; С. Синобу, Сэнго Нихон си, Токио, 1967, т. I.
- ²² О программе Японского крестьянского союза см.: А. Грэд, Указ. соч., стр. 210.
- ²³ S. Yoshida, *Op. cit.*, p. 200.
- ²⁴ См.: Сборник заявлений и рекомендаций члена Советского Совета для Японии от СССР. Апрель 1946 г. — январь 1949 г., МИД СССР. — М., 1949.
- ²⁵ Сэнго Нихон си, т. I, стр. 259.
- ²⁶ S. Yoshida, *Op. cit.*, p. 200.
- ²⁷ Подробнее об аграрном законодательстве см.: В. А. Попов, Земельная реформа и аграрные отношения в Японии после второй мировой войны. — М., 1959.
- ²⁸ R. Fearey, *Op. cit.*, p. 94.
- ²⁹ *Ibid.*, p. 94.
- ³⁰ *Ibid.*, p. 95.
- ³¹ Е. Ока и др., Указ. соч., стр. 173.
- ³² Т. Исида, Указ. соч., стр. 292.
- ³³ Е. Ока и др., Указ. соч., стр. 173.
- ³⁴ Нихон рэкиси, т. XIII, стр. 78.
- ³⁵ С. Синобу, Указ. соч., т. III, стр. 820.
- ³⁶ R. Fearey, *Op. cit.*, p. 95.
- ³⁷ Нихон рэкиси, т. XIII, стр. 77.
- ³⁸ R. Brines, *MacArthur's Japan*, N. Y., 1948, p. 225.
- ³⁹ Т. Ogura, *Op. cit.*, p. 21.
- ⁴⁰ Нихон рэкиси, т. XIII, стр. 78.
- ⁴¹ В. А. Попов, Развитие капитализма в сельском хозяйстве Японии. — М., 1970, стр. 53.
- ⁴² Т. Ogura, *Op. cit.*, p. 30.
- ⁴³ А. Грэд, Указ. соч., стр. 99.
- ⁴⁴ Т. Ogura, *Op. cit.*, p. 37.
- ⁴⁵ См. подробнее: Е. Ока и др., Указ. соч., стр. 272–274.

- ⁴⁶ Составлено по: Нихон рэкиси, т. XIII, стр. 79; Нитибэй канкэй кэнкю, т. I, стр. 258.
- ⁴⁷ R. Fearey, *Op. cit.*, p. 83.
- ⁴⁸ Е. Ока и др., Указ. соч., стр. 270.
- ⁴⁹ И. А. Латышев, Правящая либерально-демократическая партия. — М., 1967, стр. 166.
- ⁵⁰ С. Синобу, Указ. соч., т. III, стр. 820; Нитибэй канкэй кэнкю, т. I, стр. 259.
- ⁵¹ Т. Ogura, *Op. cit.*, p. 37.

Глава VII

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ЯПОНИИ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ОККУПАЦИИ (1945–1947 гг.)

- ¹ Сборник заявлений и рекомендаций члена Союзного Совета для Японии от СССР, стр. 22.
- ² Амэрика Нихон Кэнкю (Изучение Японии в США). Под ред. М. Миямото, Токио, 1970, стр. 74.
- ³ Сигэру Ёсида — родился в 1878 году. Окончил Токийский императорский университет. Длительное время находился на дипломатической работе. Занимал пост генконсула в Мукдене, в 1927–1928 гг. был заместителем министра иностранных дел в кабинете Г. Танака. Позднее был назначен послом в Италию (1930 г.) и в Англию (1936–1939 гг.). Был женат на дочери лорда-хранителя печати графа Макино. В течение всей войны являлся членом палаты пэров. В начале 1945 года выступил за достижение компромиссного мира с США и Англией, за что был арестован. Владел крупными угольными шахтами на о. Кюсю. Умер в 1967 году.
- ⁴ Нихон-но рэкиси, т. XIII, стр. 60.
- ⁵ S. Yoshida, *Op. cit.*, p. 204.
- ⁶ E. Reischauer, *Op. cit.*, 1968, p. 222.
(Если разделить сумму предоставленной помощи с 1945 по 1951 г. на количество населения в странах, ее получавших, то

окажется, что в Англии на одного человека приходилось 123 долл., Франции — 103 долл., Германии — 77 долл., Италии — 51 долл., а Японии — всего 27 долл. Нитибэй канкэй кэнкю, т. I, стр. 268.

Глава VIII

«ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД» В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ И НАЧАЛО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ (1947–1949 гг.)

- ¹ The United States and Japan, p. 31.
- ² Нитибэй канкэй кэнкю, т. I, стр. 119.
- ³ C. Whitney, MacArthur: His Rendevous with History, New York, 1958, p. 300.
- ⁴ В этом духе было выдержано, например, заявление Д. Макаптура в связи с первой годовщиной капитуляции Японии. См.: A Soldier Speaks. Public Papers and Speeches of General of the Army Douglas MacArthur, New York, 1965, pp. 178–179.
- ⁵ Т. Катаяма — родился в 1887 году. После окончания в 1912 году Токийского императорского университета занимался адвокатской практикой. В довоенное время участвовал в рабочем и крестьянском движении — был заведующим юридического отдела в профобъединении Содомэй, советником по юридическим вопросам в Японском крестьянском союзе. В 1926 году занял пост генерального секретаря Социал-демократической партии (Сякая минсюто). В 1930 году впервые избран в парламент. В 1940 году исключен из Социалистической массовой партии (Сякай тайсюто — образована в 1932 году из Сякай минсюто) за протесты против репрессий, за антивоенные выступления. Во время войны занимался адвокатской практикой.
- ⁶ Х. Асида — окончил Токийский императорский университет, где учился вместе с Т. Катаяма. С 1912 года находился на дипломатической службе. Был советником посольства Японии в Турции (1929 год) и Бельгии (1930 год). В 1932 году ушел в отставку и занялся политической деятельностью. В этом

же году был избран в парламент. С 1933 по 1940 г. был президентом и издателем газеты «Джапэн таймс» — полуофициоза министерства иностранных дел. В кабинете К. Сидэхара занимал пост министра социального обеспечения, в кабинете Т. Катаяма — министра иностранных дел. Умер в 1959 году.

⁷ Сэнго Нихон сёси, т. I, стр. 103.

⁸ The United States and Japan, p. 36.

⁹ С. Синобу, Указ. соч., т. III, стр. 387.

¹⁰ 1 декабря 1948 года эта группа при поддержке ряда профсоюзов создала Рабоче-крестьянскую партию (Роното), которая просуществовала до января 1957 года. Представительство партии в обеих палатах парламента сохранялось на уровне 10 депутатских мест.

¹¹ Только через 15 лет в ходе длительного судебного разбирательства была доказана непричастность коммунистов к катастрофам на станциях Митака и Мацукава.

Глава IX

ПОЛИТИКА «ОБРАТНОГО КУРСА» США И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ЯПОНИИ НАКАНУНЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРНОГО ДОГОВОРА (1950–1951 гг.)

¹ С. Синобу, Указ. соч., т. III, стр. 931.

² В. Н. Березин, Курс на добрососедство и сотрудничество и его противники. — М., 1977, стр. 41.

³ The United States and Japan, p. 3.

⁴ Ibidem.

⁵ Нитибэй канкэй кэнкю, т. I, стр. 136.

⁶ S. Yoshida, Op. cit., p. 42.

⁷ С. Синобу, Указ. соч., т. IV, стр. 1116.

⁸ С. Синобу, Сэнто Нихон сэйдзиси (Политическая история послевоенной истории Японии), т. IV, стр. 1116.

⁹ S. Yoshida, Op. cit., p. 251.

- ¹⁰ Правда, 15. II. 1951.
- ¹¹ Сборник заявлений, предложений и запросов представителей СССР в Дальневосточной комиссии. Март 1946 г. — январь 1950 г., МИД СССР. — М., 1950, стр. 18.
- ¹² S. Yoshida, *Op. cit.*, p. 194.
- ¹³ *Ibid*, p. 8.
- ¹⁴ П. П. Топеха, Рабочее движение в Японии (1945–1971 гг.). — М., 1973, стр. 82.
- ¹⁵ Т. Исида, Указ. соч., стр. 339.
- ¹⁶ Правда, 15. VII. 1972.
- ¹⁷ С. Синобу, Указ. соч., стр. 1022.
- ¹⁸ Там же, стр. 1075.
- ¹⁹ Там же, стр. 1075–1076.
- ²⁰ Нихон-но рэкиси, т. XIII, стр. 132.
- ²¹ См.: В. Н. Березин, Указ. соч., стр. 45–52.
- ²² Там же.
- ²³ Выступление главы советской делегации А. А. Громыко на конференции в Сан-Франциско, Правда, 7. IX. 1951 г.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См. подробнее о позиции СССР в отношении Сан-Францисского мирного договора и восстановления дипломатических отношений с Японией: А. Н. Панов, Клан Хатояма. Портрет семьи на фоне истории Японии. — М., 2010, стр. 46–87.
- ²⁶ Текст договора см.: Сборник документов и материалов по Японии 1951–1954 гг. — М., 1954.
- ²⁷ См. подробнее: Политика США в странах Дальнего Востока, стр. 60–63; Д. В. Петров, Внешняя политика Японии после Второй мировой войны. — М., 1965, стр. 53–72.
- ²⁸ Т. Исида, Указ. соч., стр. 342.

ИТОГИ

- ¹ С. Yanaga, *Big Business in Japanese Politics*, New York, 1968, p. 308.

Александр Николаевич Панов

**РЕВОЛЮЦИЯ СЁВА.
МОДЕРНИЗАЦИЯ ЯПОНИИ
В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(1945–1952 гг.)**

Редактор *А. Смирнова*
Корректор *Е. Соседова*
Верстка *Г. Ревцова*
Оформление обложки *А. Филиппов*

«Восток – Запад»

Тел./факс: (495) 545-07-69

E-mail: muravei@muravei.ru

Интернет: www.muravei.ru

Для корреспонденции: 127106, Москва, а/я 12

Издано при содействии ООО «Восточная книга»:
127273, Москва, Олонцкая ул., д. 23

Подписано в печать 29.11.10.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 18,0.
Тираж 1000 экз. Заказ №